
**European
Journal**

**of Philosophical
Research**

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7286
2019. 6(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Granin Yurii – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (Editor in Chief)

Elizbarashvili Elizbar – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia (Deputy Editor-in-Chief)

Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation

Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Lebid Andriy – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Lyausheva Svetlana – Adyghe State University, Maikop, Russian Federation

Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation

Saulius Tomas – Lietuvos sporto universitetas, Lithuania

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04

Release date 20.06.2019.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal17.com/>
E-mail: aphr2010@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 309.

© European Journal of Philosophical Research, 2019

European Journal of Philosophical Research

2019

Is.

1

CONTENTS

Articles and Statements

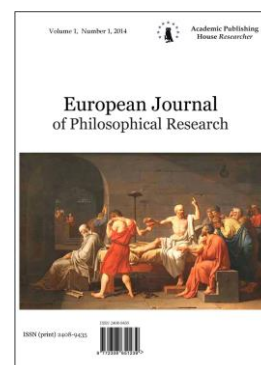
Effect of Social Capital on Quality of Life in Regions of Russia L.A. Belyaeva	3
Transformations of Methodological Constructs of the Study of Media in the Conditions of Digitalization of Communications E.Ya. Dugin	12
Some Epistemological and Methodological Problems of Holistic Biological Modeling, Biosimilarity Identification and Complex Interpretation of the Origin of Life O.V. Gradov	22
Civilization Specifics of the Soviet and Modern Russia Y.D. Granin	40
Anthropic Principle and Anthropology A.A. Kalmykov	54
The Specific Structure and Methods of Technical Sciences S.A. Lebedev, A.V. Koloskova	64
Intentional and Extentional Contexts of Truth-Values A.E. Lebid	71
The Welfare State: from the Imperfect Present to the Accomplished Future (Experience of Critical Reflection) Y.M. Reznik	77

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 3-11

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.3
www.ejournal17.com

Articles and Statements

Effect of Social Capital on Quality of Life in Regions of Russia

Lyudmila A. Belyaeva ^{a, *}

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The focus in the article the problem of influence of social capital on quality of life in Russia. Tested the hypothesis about the impact on the quality of life of social capital —intangible long-term resource for the development of society, embodied in the system of relations between individuals, between individuals and institutions. Used data from the national monitoring 2015-2017 CISI, Institute of philosophy, RAS. Applied tested at the national and regional data author's method of measuring the quality of life of the population, demonstrating the differences between the Federal districts and regions. Social capital was assessed on the basis of subjective assessments of trust, norms and net-networks. Conducted using Spearman coefficient analysis of the correlation structures of the two integral indices showed the relationship of indices of standard of living and trust in the law enforcement, indices of social well-being and trust other people. The cluster analysis identified three groups of Federal districts of Russia, distinguished by the level of interaction the quality of life and social capital.

Keywords: quality of life, social capital, federal districts and regions.

Введение

Повышение качества жизни населения России уже длительное время является одним из приоритетов государственной политики и стратегическим направлением развития общества. Но что может воздействовать на качество жизни, кроме роста благосостояния? Влияет ли на него уровень свободы личности, законность, политическая обстановка, отношение человека и государства? Можно ли сказать, что качество жизни зависит от доверия между людьми и их благожелательного отношения друг к другу, от того, насколько широк круг общения и взаимопонимания? То есть от того, имеется ли у данного человека, группы, коллектива, других общностей социальный капитал. Качество жизни населения — это комплексный показатель, который включает в себя не только уровень жизни, измеряемый доходами, другими наличными материальными ресурсами, доступностью медицинской помощи, возможностями для образования, но и широкий спектр социальных и психологических условий жизни: удовлетворенность жизнью, самочувствие, качество ближайшей социальной среды, оценка экологической обстановки и т.д. Если уровень жизни чаще измеряется объективными показателями и индексами, то качество жизни —

* Corresponding author
E-mail addresses: bel46@mail.ru (L.A. Belyaeva)

это комплексное явление, включающее в себя не только объективные, но и субъективные оценки различных сторон жизни самим индивидуумом. Причем эти оценки зависят не только от фактического наличия тех или иных благ, но и от восприятия своего положения в сравнении с другими людьми, от системы ценностей и социального стандарта жизни в тех локальностях, в которых индивид обитает. Таким образом, качество жизни — это объективно-субъективное явление, его измерение может сочетать статистические и другие объективные показатели и оценочные суждения, которые часто могут дать представление о параметрах жизни, недоступных статистике и наблюдению. Существует большое количество литературы по социальному капиталу и много его определений (Фукуяма, 2004; Bourdieu, 1986; Coleman, 1988: 95–121; Патнэм, 1996; Olson, 1965) и другие зарубежные и отечественные авторы. Простейшее из них отражает наиболее существенные и результирующие его характеристики: это система отношений между людьми, группами, организациями, институтами, которая дает выгоды от сотрудничества, увеличивает результативность прилагаемых усилий. В исследованиях зарубежных авторов были выявлены связи социального капитала, эффективного экономического развития, человеческого развития и демократии в различных регионах мира (Inglehart, Welzel, 2005). Социальный капитал имеет тройственную структуру: нормы, доверие, сети. Все эти компоненты связаны друг с другом: сети необходимы для передачи информации, налаживания контактов, они способствуют распространению норм взаимодействия, нормы и доверие укрепляют и содействуют расширению сетей и контактов и снижению трансакционных издержек при взаимодействии.

Но влияет ли социальный капитал на качество жизни населения России, какие его компоненты оказывают позитивное или негативное воздействие? Выяснению этого обстоятельства посвящена настоящая статья. Соответственно и была сформулирована базовая гипотеза исследования.

Основное содержание

В соответствии с заявленной проблемой была сформулирована базовая гипотеза исследования: «Качество жизни населения зависит от характера и величины социального капитала и его компонентов, при этом воздействие социального капитала, его основных компонентов на качество жизни не монотонно, имеет место как положительная, так и отрицательная зависимость, а также отсутствие взаимосвязи качества жизни и социального капитала».

Анализ основан на субъективных оценках качества жизни и социального капитала населением России. Используются материалы всероссийского мониторинга, проводимого с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель Н.И.Лапин). Последняя волна опроса - 2015 г. Данные мониторинга репрезентируют федеральные округа России по основным социально-демографическим параметрам, что дало возможность сравнивать округа для проверки базовой гипотезы. Для измерения качества жизни и для определения величины социального капитала были разработаны соответствующие индексы и методики их вычисления.

Измерение качества жизни проводилось по четырем компонентам: 1. Уровень жизни; 2. Качество ближайшей социальной среды; 3. Качество экологии; 4. Социальное самочувствие (Таблица 1).

Таблица 1. Субъективные показатели качества жизни населения

Компоненты качества жизни	Частные индексы
I. Уровень жизни (благополучие)	1. Индекс материального уровня жизни
	2. Индекс удовлетворенности жильем
	3. Индекс доступности хорошей медицинской помощи
	4. Индекс доступности образования
Общий индекс уровня жизни: среднее арифметическое 4-х частных индексов	
II. Качество ближайшей социальной среды	1. Индекс самоидентификации с жителями своего поселения
	2. Индекс защищенности от преступности
	3. Индекс защищенности от бедности
	4. Индекс защищенности от произвола чиновников
	5. Индекс защищенности от произвола правоохранительных органов
Общий индекс качества социальной среды: среднее арифметическое 5-ти частных индексов	
III. Качество экологии	1. Индекс защищенности от экологической угрозы
	2. Индекс чистоты воздуха
	3. Индекс чистоты воды
Общий индекс качества экологии: среднее арифметическое 3-х частных индексов	
IV. Социальное самочувствие населения	1. Индекс уверенности в будущем
	2. Индекс удовлетворенности жизнью
	3. Индекс самостоятельности
Общий индекс социального оптимизма: среднее арифметическое 3-х частных индексов	
Интегральный индекс качества жизни: среднее арифметическое 4-х общих индексов	

Общие индексы по каждому компоненту рассчитываются как среднее арифметическое частных индексов: $I_{\text{комп.}} = (I_{\text{частн.1}} + I_{\text{частн.2}} + \dots + I_{\text{частн.N}}) : N$. Интегральный индекс рассчитывается как среднее арифметическое общих индексов.

Опрос проводится методом интервью на дому среди респондентов старше 18 лет. Выборка вероятностная многоступенчатая территориальная, репрезентативна по основным социально-демографическим, экономическим и географическим параметрам — полу, возрасту, месту проживания, федеральным округам, национальности, образованию. Руководитель полевых работ А.В. Андреев (ЦЕССИ).

Формула расчета частных индексов: $I_{\text{частн.}} = (X - Y) + 100$, где X — доля положительных ответов (оценок), Y — доля отрицательных ответов (оценок). Были рассчитаны 15 частных индексов качества жизни и на их основе сформированы 4 общих индекса, соответствующих четырем компонентам качества жизни. Далее 4 общих индекса сводятся в один интегральный индекс качества жизни. Возникает принципиальная возможность сравнить качество жизни различных социальных групп и слоев, качество жизни в регионах на основании того, как сами жители оценивают различные стороны своей жизни. Проведенный ранее анализ данных мониторинга 2008 г. показал высокую результативность этого метода и выявил зависимость оценок качества жизни от социального статуса респондентов и типа поселений (Беляева, 2009: 33–42).

В Таблице 2 отражена система субъективных показателей социального капитала, включающая 4 компонента: 1. Доверие институтам общества; 2. Доверие СМИ; 3. Личная безопасность в повседневной жизни; 4. Доверие людям, общение.

Таблица 2. Показатели социального капитала

Компоненты социального капитала	Частные индексы
I. Доверие институтам общества	1. Индексы доверия организациям правопорядка: <ul style="list-style-type: none"> • Судам • Прокуратуре • Полиции
	2. Индексы доверия высшему руководству страны: <ul style="list-style-type: none"> • Президенту • Правительству • Парламенту
	3. Индексы доверия местным организациям правопорядка: <ul style="list-style-type: none"> • Судам • Прокуратуре • Полиции
	4. Индексы доверия руководству области, республики <ul style="list-style-type: none"> • Президенту, губернатору • Правительству региона • Законодательному собранию, думе региона
Общий индекс доверия институтам общества: среднее арифметическое 12-ти частных индексов	
II. Доверие СМИ	5. Индексы доверия СМИ <ul style="list-style-type: none"> • Общероссийским • Региональным
Общий индекс доверия СМИ: среднее арифметическое 2-х частных индексов	
III. Личная безопасность в повседневной жизни	6. Индексы личной безопасности <ul style="list-style-type: none"> • Защищенность от преступности • Случаи грабежа, нападения • Безопасность перемещения в районе проживания в темное время суток
Общий индекс личной безопасности: среднее арифметическое 3-х частных индексов	
IV. Доверие людям, общение	7. Индексы доверия людям, общения <ul style="list-style-type: none"> • Защищенность от одиночества • Доверие людям • Есть ли друг, подруга • Как часто общаетесь с друзьями
Общий индекс доверия: среднее арифметическое 4-х частных индексов	
Интегральный индекс качества жизни: среднее арифметическое 4-х общих индексов, включающих 20 частных индексов	

Расчет частных, общих и интегральных индексов социального капитала делается аналогично расчету индексов по качеству жизни. Подобная методика применяется для расчета индекса экономических ожиданий в странах Европы и индекса потребительских настроений в Левада-Центре. Для расчета частного индекса по соответствующему вопросу анкеты из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных ответов и к этой разнице прибавляется 100. Этим исключается появление отрицательных величин. Значения частного индекса могут меняться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, если все опрошенные положительно оценивают определенную сторону жизни. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Снижение индекса ниже 100 говорит о преобладании негативных ответов. Общий и интегральный индексы рассчитываются как среднее арифметическое частных индексов и также могут принимать значения от 0 до 200.

Результаты анализа

Рассмотрим кратко, что показали индексы качества жизни в федеральных округах, сравнив для этого общие индексы и интегральные индексы (Рисунок 1).

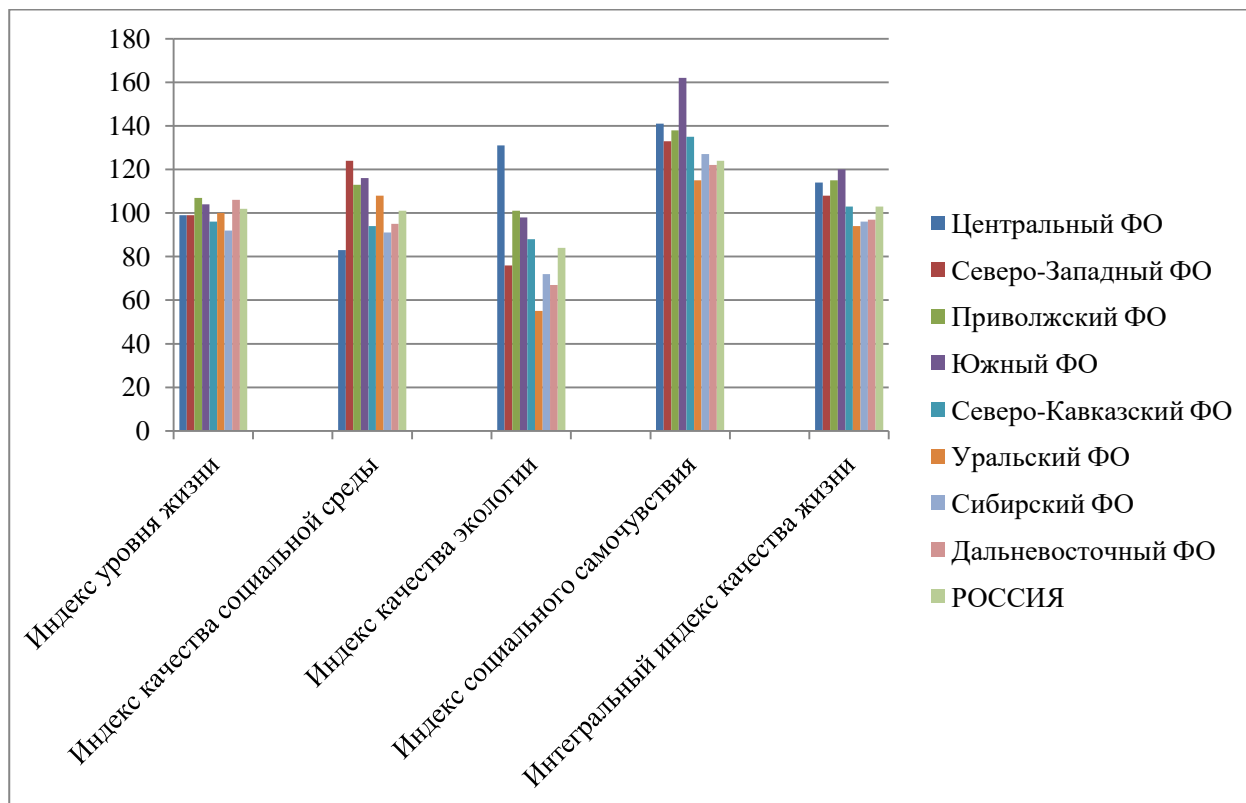

Рис. 1. Индексы качества жизни в ФО России (мониторинг ЦИСИ ИФ РАН 2015 г.)

Общие индексы показывают, что среди всех компонентов во всех округах лидируют показатели социального самочувствия жителей. Самые низкие индексы в округах имеет качество экологии, при этом самые плохие оценки у Уральского и Дальневосточного федеральных округов. Самый высокий интегральный индекс качества жизни в Южном федеральном округе, который лидирует по индексу социального самочувствия, занимает третье место по качеству экологии и вторые места по качеству социальной среды и по уровню жизни. Это не удивительно, поскольку около половины этого округа по численности населения занимают два региона — Ростовская область и Краснодарский край, территории с максимально благоприятными климатическими условиями для жизни и развитой экономикой. Самый низкий интегральный индекс качества жизни имеет Уральский ФО, тем не менее, по качеству социальной среды он занимает третье место. В Центральном ФО на фоне других округов заметно выше оценивается качество экологии. Это, очевидно, последствия деиндустриализации. По интегральному индексу ЦФО находится на третьем месте, уступая Южному и Северо-Западному ФО. Социальный капитал, представленный в 20-ти показателях, обобщенных в 7 общих индексах, также демонстрирует довольно значительную дифференциацию по округам (Рисунок 2).

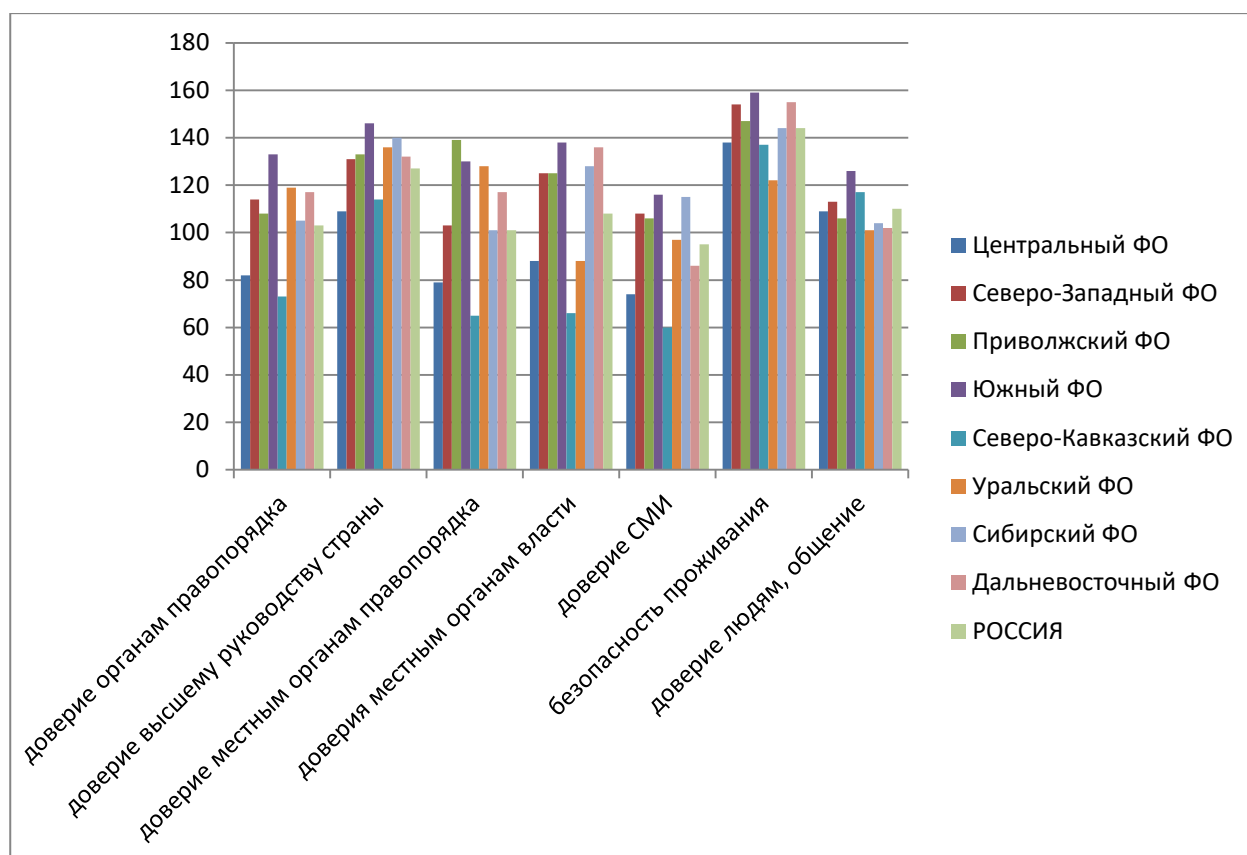

Рис. 2. Индексы социального капитала в ФО России (мониторинг ЦИСИ ИФ РАН 2015)

Низкие и самые низкие показатели социального капитала имеет Северо-Кавказский ФО. Здесь СМИ, местные и центральные органы правопорядка, местные органы власти оцениваются ниже, чем во всех других округах. Оценки высшего руководства страны и безопасности проживания находятся на предпоследнем месте среди федеральных округов. А в доверии людям, активности общения СК ФО уступает только Южному ФО. Очевидно, что так называемый этнический социальный капитал имеет высокие показатели в этом округе. Обращает на себя внимание самый низкий индекс безопасности проживания, который демонстрирует Уральский ФО. Удовлетворенность защитой от преступности такая же, как в Северо-Кавказском округе (частный индекс равен 10). Округ занимает третье место по случаям нападения, грабежа и насилия в отношении как самих респондентов, так и членов их семей.

Далее нами было рассмотрено влияние социального капитала на качество жизни населения региона и сделана попытка определить, по каким компонентам социального капитала можно отметить это влияние. Для этого был проведен расчет корреляции общих индексов качества жизни и общих индексов социального капитала по всем федеральным округам с использованием коэффициента Спирмена. Значимая корреляция обнаружена по двум группам переменных: индексы уровня жизни и доверия органам правопорядка, индексы социального самочувствия и доверие людям, интенсивность общения. Интересно, что интегральный индекс качества жизни коррелирует с таким общим индексом в составе социального капитала, как доверие людям и интенсивность общения. Для современной России характерно и обнадеживающе, что доверие людям, общение еще оказывают свое положительное влияние на качество жизни населения. По остальным компонентам социального капитала не выявлено сколько-нибудь заметного влияния. Эти компоненты не рассматриваются как значимые для качества жизни. Кластерный анализ по показателям социального капитала и качества жизни населения выявил три кластера федеральных округов (Рисунок 3).

Первый объединяет Северо-Кавказский и Центральный федеральные округа. По рассчитанным индексам, в них слабый социальный капитал, при этом характерен большой разрыв в показателях качества жизни в этих округах. Второй кластер объединяет Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, в них близкие и относительно низкие интегральные индексы качества жизни при довольно значительном социальном капитале и не очень значительных различиях в его оценках населением. Третий кластер объединяет Южный, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа. Эти округа отличаются относительно высокими показателями качества жизни и одни из самых больших интегральных индексов социального капитала. Южный ФО занимает самую лучшую позицию на поле взаимосвязи социального капитала и качества жизни населения, на втором месте Приволжский ФО.

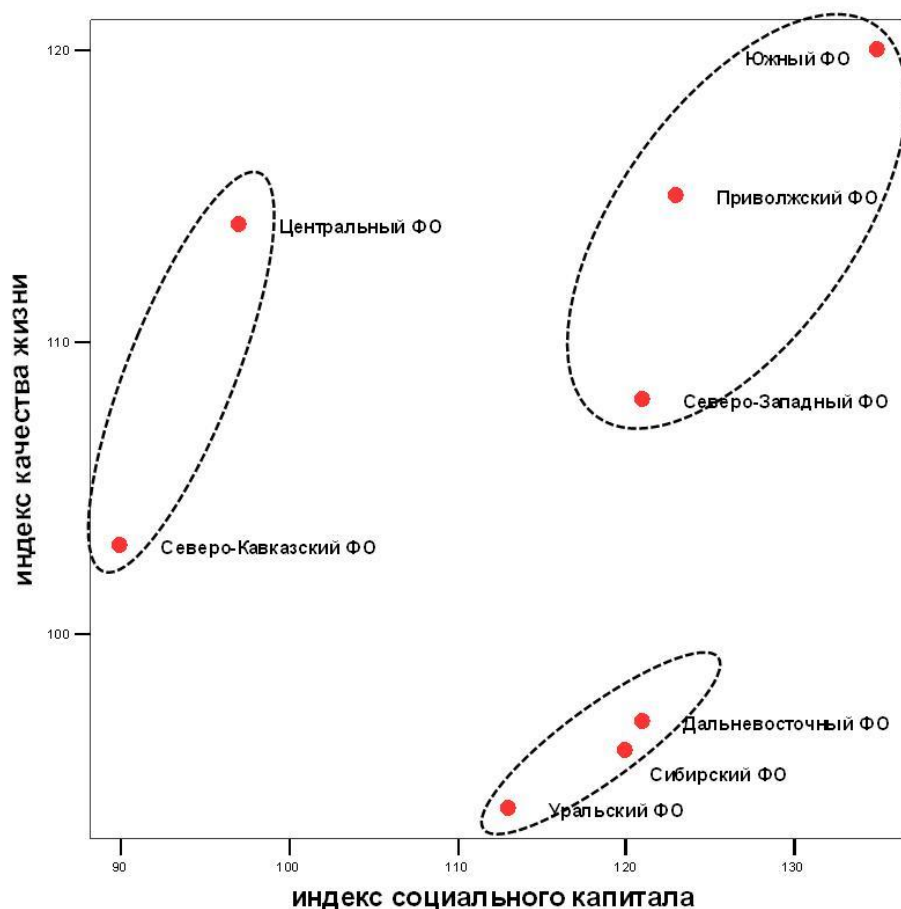

Рис. 3. Кластерный анализ ФО по индексам социального капитала и качества жизни

Заключение

Высказанная базовая гипотеза позволила проверить, оказывает ли влияние социальный капитал на качество жизни населения по его собственным оценкам. Частично эта гипотеза подтвердилась в той части, которая связана с такой составляющей социального капитала как доверие людям и интенсивность личного общения. Оказалось, что прочие составные части социального капитала — доверие институтам общества: высшему руководству страны, местным органам власти, правоохранительным органам, и даже безопасность проживания на территории не оказывают существенного влияния на качество жизни населения в его собственной оценке. Оно теснее всего связано с приватной жизнью человека, его общением с ближним кругом. При этом нужно учитывать, что материалом для анализа являлись данные опросов населения, что существенно в оценке субъективного мнения жителей страны о тех социальных институтах, которые призваны обеспечивать качество жизни. Рассмотренная методика может быть дополнением к анализу качества

жизни и социального капитала на основе объективных показателей этих сфер, поскольку она позволяет учесть мнение жителей страны о существенных сторонах их жизни. Есть перспектива использования методики в компаративных исследованиях регионов России, а также внутри регионов на локальных территориях.

Литература

Беляева, 2009 – Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // *Социологические исследования*. 2009. №1. С. 33-42.

Инглхарт, Вельцель, 2011 – Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Патнэм, 1996 – Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 287 с.

Фукуяма, 2004 – Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М., 2004. 730 с.

Bourdieu, 1986 – Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of theory and research for sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986.

Coleman, 1988 – Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*, 1988, V. 94, pp. 95-121.

Olson, 1965 – Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. 208 p.

References

Belyaeva, 2009 – Belyaeva L.A. (2009). Uroven' i kachestvo zhizni. Problemy izmereniya i interpretacii [The level and quality of life. Problems of measurement and interpretation]. *Sociologicheskie issledovaniya*. No 1. pp. 33-42. [in Russian]

Bourdieu, 1986 – Bourdieu P. (1986). The forms of capital. *Handbook of theory and research for sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press.

Coleman, 1988 – Coleman J.S. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. V. 94, pp. 95-121.

Fukuyama, 2004 – Fukuyama F. (2004). Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Per. s angl. M., 730 p. [in Russian]

Inglhart, Vel'cel', 2011 – Inghart R., Vel'cel' K. (2011). Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Sequence of Human Development]. M.: Novoe izdatel'stvo, 464 p. [in Russian]

Olson, 1965 – Olson M. (1965). The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 208 p.

Patnem, 1996 – Patnem R. (1996). Chtoby demokratiya srobotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii [To make democracy work. Civil traditions in modern Italy]. M., 287 p. [in Russian]

Влияние социального капитала на качество жизни в регионах России

Людмила Александровна Беляева ^{а, *}

^а Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье проверяется гипотеза, что объем социального капитала оказывает воздействие на качество жизни населения России. Социальный капитал рассмотрен как триада: доверие, сети, нормы взаимодействия, которые воплощены в различных отношениях и действиях акторов. Качество жизни представлено в виде комплексной характеристики условий жизнедеятельности населения, выраженной в

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: bela46@mail.ru (Л.А. Беляева)

субъективных восприятиях индивидов. Эмпирической основой послужили данные всероссийского мониторинга ЦИСИ Института философии РАН за 2015-2017 гг. Кластерный анализ выявил три группы федеральных округов России, различающихся уровнем взаимовлияния качества жизни и социального капитала.

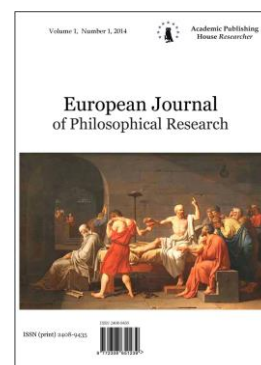
Ключевые слова: качество жизни, социальный капитал, федеральные округа, регионы.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 12-21

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.12
www.ejournal17.com

Transformations of Methodological Constructs of the Study of Media in the Conditions of Digitalization of Communications

Evgeny Ya. Dugin ^{a, *}

^a Akademy of mediaindustry, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the changes in the scientific approaches to the study of media communications brought by the digital revolution. With the advent of digital technology and digitalization the sphere of epistemology in the scientific community is increasingly spreading judgments about the inevitable change of methods and consequences of paradigm about the need for new theories and concepts. The author believes that traditional methods of cognition will retain their importance in terms of digitalization of all aspects of society, but at the same time, it is possible and necessary to transform the conceptual methodological constructs of the analysis of new problems arising in the process of transition to digital formats of media communications.

Keywords: digital economy, informational communicative media system, conceptual methodological construct.

Введение

Динамичные изменения современного мира обусловлены возможностями цифровых технологий по обработке колоссальных объемов информации с небывалой ранее скоростью. Из всего объема информации, которым располагает человечество, 90 процентов данных создано за последние два года. Колоссальные объемы информации требуют принципиально новых методов и способов обработки данных, выработки алгоритмов и сценариев их применения в различных отраслях экономики и хозяйствования. В этой связи закономерно появление искусственного интеллекта, компьютерного зрения, беспилотных видов транспорта, виртуальной, дополненной и расширенной реальности, робототехники и других цифровых технологий. Все разнообразие технологий и способов цифровых коммуникаций, таких как мобильные сети связи, компьютеры, новые цифровые платформы, проникая во все сферы жизни, оказывает невиданное ранее влияние на модели социального поведения миллионов людей, на изменение массового и специализированного сознания.

В отличие от индустриальной эпохи, «второй» по счету цивилизации, образованной технологиями, транспортной и энергетической инфраструктурами, современное человечество, по утверждениям экспертов, живет уже в «третьей» ступени ментальной инфраструктуры, созданной социальными сетями и технологиями формирования сознания. (Деягин). Более того, все активнее публикуются гипотезы ученых, в которых утверждается, что современное человечество живет в «информационной матрице», в сфере искусственно созданной реальности. Так, журнал Scientific American, который бережно относится к своей

* Corresponding author
E-mail addresses: e.dugin@yandex.ru (E.Ya. Dugin)

научной репутации, опубликовал статью, в которой доказывается, что фундаментальная реальность вселенной – это вовсе не традиционно считающиеся кварки, поля и квантовые феномены, а согласно мнению философа Бернардо Каструпа [Bernardo Kastrup] все эти материальные объекты нечто иное как иллюзия. Единственно, что реально во вселенной, это информация.

При всей фантастичности прогнозных догадок актуализируется проблема сбора, хранения и обработки большого массива информации (big data), что обозначает переход от информационного общества к обществу управления данными (из IT – в Data technologies). В основе этой трансформации лежат цифровые технологии с их универсальным языком, удобным для использования в любой информационно-коммуникативной среде. Важнейшей составной частью этого перехода становится управление огромным массивом данных с помощью цифровых технологий в виде систем искусственного интеллекта, робототехники, блокчейна, технологий виртуальной и дополненной реальности, способствующих оптимальному выбору алгоритмов управления социально-экономическими процессами и расширяющих представления о мире реальном. Вся совокупность проблем, возникающих в ходе Четвертой индустриальной революции (ИИР – 4), основанной на информационных технологиях, на коммуникации, анализе и обработке больших массивов данных, в значительной мере обусловлена взаимодействием с разновидностями реальностей, их отображением, конструированием, моделированием. Иными словами, человечество уже живет в мире цифровой реальности, в которой выделяются несколько следующих разновидностей: виртуальная (VR – Virtual Reality), дополненная (AR – Augmented Reality) и смешанная (MR – Mixed Reality), которые в обобщенном виде принято называть технологиями расширенной реальности (XR – Extended Reality), включающей в себя весь спектр явлений и разработок от «полного реального» до «полного виртуального».

Разнообразие реальностей вынуждает человека все в большей мере доверять информации, создаваемой искусственными интеллектуальными системами, которые работают на наноскоростях, превышающих возможности мыслительной деятельности человека. В результате окружающий нас мир становится «нечеловекомерным».

Согласно расчетам компании Gartner, через несколько лет, уже к 2020 году, 85 % взаимодействий между производителями и потребителями будет приходиться на долю искусственного интеллекта. Алгоритм, выработанный искусственным интеллектом, позволяет с прецизионной точностью отыскивать индивидуальный подход к каждому потребителю. При этом предикативные технологии анализа больших данных позволяют прогнозировать социальные и потребительские модели поведения на основе транзакций коммуникативных паттернов, ценностных ориентаций и социокультурных потребностей различных социальных групп.

Уже сейчас дигитализация и обусловленные ей развитие облачных и мобильных технологий, интернет вещей и другие цифровые технологии приводят к пересмотру взаимоотношений в обществе, а также государственными органами власти и управления. Опубликованная в апрельском номере журнала The Atlantic статья профессора Николаса Христкакиса носит симптоматичное название How AI Will Rewire Us «Как ИИ перекоммутирует нас». На примерах из эволюционного развития человечества, ученый делает вывод о том, что способность людей к адаптации в различных обстоятельствах развивают изобретения в сфере технологий коммуникации. «Радикальные инновации трансформируют жизнь современного человека. Относительно недавно изобретения технологии, включая печатную прессу, телефон и интернет, произвели революцию в общении и в том, как мы храним, передаем информацию» (Christakis).

Революционные преобразования с помощью социальных коммуникаций ощущаются уже в настоящее время. Например, искусственный интеллект пронизывает все сферы общественной жизни и активно участвует в наших социальных коммуникациях: всякие социальные боты, далеко не всегда отличающиеся нами от людей; рекомендательные системы, на которые мы полагаемся при принятии решений, не менее, чем на мнения друзей и специалистов в ходе коммуникации с ними; поисковики, формирующие наше понимание большинства тем, вокруг которых выстраиваются наши социальные коммуникации и т.п.

Цифровые технологии позволяют перевести впечатления, ощущения в объективную реальность. Благодаря развитию технологий искусственного интеллекта появляется

надежда с помощью анализа больших данных создавать теоретические и методологические конструкты осмысления процессов в сфере гуманитарных наук. Мало того. Благодаря достижениям в биометрии контакт - центры смогут по голосу идентифицировать клиента. Искусственный интеллект постепенно овладевает естественным языком и благодаря синхронному машинному переводу со временем удастся преодолеть языковой барьер, что открывает хорошие перспективы для глобальных контакт - центров. Отмеченные тенденции развития искусственного интеллекта и конвергенции каналов коммуникации позволяют сделать вывод о наступлении *эпохи суперомниканальности*. ([Контакт-центр 2029](#)).

Уже в настоящее время элементы цифровой цивилизации характеризуются небывалой скоростью обработки и распространения информации. В отличие от прежних годовичных, месячных и недельных циклов на принятие оптимального решения отводится минуты и даже секунды. Соответственно, меняются горизонты планирования и прогнозирования социально-экономических, социокультурных и коммуникативных процессов. Таким образом, цифровая реальность создает принципиальные основы развития новой ступени «цифровой цивилизации» ([Dugin, 2018](#)).

Переход на цифровые технологии хозяйственной деятельности и управления выдвигается в один из ключевых приоритетов прорывного развития нашей страны. Цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно – телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы» ([Программа «Цифровая экономика», 2017](#)). Исходя из данного определения, государственная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" служит ориентиром в стремительном мире изменений и цивилизационных вызовов, формулирует стратегические, национальные цели развития страны на ближайшие годы. В первоначальном виде программа состояла из пяти направлений по нормативному регулированию, образованию, подготовке кадров, формированию исследовательских компетенций, ИТ – инфраструктуре и *кибербезопасности*. В начале 2018 года программа была дополнена проектом «Умный город». В системном единстве эти направления представляют собой *стратегию цифрового развития страны*.

По данным ООН на мировой цифровой карте Россия занимает 32-е место, по соседству с Израилем и Голландией – довольно развитыми экономиками мира. Мобильная связь в России довольно высокого качества и, что немаловажно, в 10 раз дешевле, чем в Соединенных Штатах Америки, и в шесть раз дешевле, чем в Европе. ([Доклад Акимова, 2018](#)). Реализация программы "Цифровая экономика Российской Федерации" потребует разработки сквозных технологий и выделения лидирующих исследовательских центров по таким направлениям, как технологии виртуальной и дополненной реальности, квантовые вычисления, большие данные, искусственный интеллект, передовые и производственные технологии. Общий объем инвестиций на развитие цифровой экономики до 2024 года составит 413 млрд. рублей ([Доклад Акимова, 2018](#)).

Ряд ключевых направлений развития цифровой экономики корреспондирует с задачами и функциями информационно-коммуникативных медиасистем, которые включают в себя как традиционные, так и новые медиа. Так, положение программы по «формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений» аналогичны функциям отечественных медиа. Совершенствование «информационной инфраструктуры Российской Федерации», равно как развитие информационного общества входят составной частью в целевые установки медиасистемы страны. Таким образом, задачи, функции, инфраструктура цифровой экономики имеют много общего с развитием медиакommunikаций. В этом функциональном сходстве медиа и современной экономики знаний заключен огромный и малоизученный потенциал системного влияния медиа на развитие общества и государства, что актуализирует проблему исследования коммуникативной составляющей цифрового развития страны.

Основное содержание

Пожалуй, никакая другая сфера деятельности и область знаний не испытывает в наше время такого стремительного развития и, соответственно, изменений в научном осмыслении как проблема медиакommunikации в условиях цифрового развития общества и государства. (Дугин, 2018). Несмотря на динамично развивающую отрасль знаний, связанную с коммуникаций, методология изучения информационно-коммуникативных процессов пока остается приверженной традиционным подходам и методам изучения в рамках коммуникативных моделей, предложенных еще Аристотелем: источник информации – текст (сообщение) – аудитория. Да и сами коммуникативные модели слабо коррелируют с реальными социально-экономическими, социально-политическими и социокультурными процессами, не говоря уже о цифровой экономике как новом цивилизационном витке развития человечества. Сама деятельность средств массовой информации рассматривается в научных рефлексиях в парадигме «отражения», «освещения» реалий жизни. Между тем функции современных медиа уже давно переросли устаревший подход к СМИ как «зеркалу социальных процессов», когда аудитории поставлялась информация из единого центра, будь то центральное телевидение, радиовещание и центральная газета. Соответственно, научное осмысление функционирования СМИ рассматривалось в рамках одновекторной модели, в которой распространение информации происходит в одном направлении – от издателя к потребителю.

С появлением множества источников информации, основанных на цифровых технологиях, изменяются структура, функции, типология информационно-коммуникативных систем. Однонаправленное распространение информации трансформируется в многовекторную коммуникативную модель, которая приводит к информационной перенасыщенности общества. Например, традиционное эфирное телевидение, наряду с распространением сигнала на широкую аудиторию, благодаря цифровым технологиям может сочетать в себе свойства узконаправленного кабельного вещания, а в сочетании с глобальной сетью интернета приобретает свойства домашнего информационно-коммуникативного центра. Пресса усиливает присущие ей аналитические функции. Возрастает мобильность радио, которое вместе с информационными агентствами и интернетом в значительной мере становится средством навигации в перенасыщенном информационном пространстве. Благодаря цифровым технологиям созерцательное состояние потребителя информации сменяется на активное участие в коммуникации, в создании медийных произведений. Скажем больше, сейчас было бы некорректным разделять каналы массовой коммуникации, потому что они действуют в едином медийном пространстве, дополняя информационные потоки друг друга. Современный человек не просто окружен медиасредой, а благодаря цифровым технологиям имеет возможность создавать свой «медиамир», собственную информационно-коммуникативную систему.

Исходя из рассмотренных тенденций развития медиа, можно предположить, что в ходе трансформаций, вызванных цифровой революцией, не могут не претерпевать изменения и научные подходы к изучению роли, новых качеств и свойств информационно-коммуникативных систем. Научное осмысление любого социального явления или процесса требует теоретического, методологического обоснования предмета исследования, предварительного анализа проблемы и выработки стратегии путей ее решения. Эти и другие этапы получения научных знаний в самом общем виде сводятся к определенному алгоритму, концептуальному методологическому конструкту, который призван выполнять проектную, организационную и прогностическую функции. Под методологическим конструктом научного исследования принято понимать такую когнитивную модель рационально - проектного содержания, которая предопределяет «предметное поле научного исследования, его стратегию, способы и методы решения научно – исследовательских задач» (Ментальные программы, 2016: 16-17).

Построение методологического конструкта предполагает наряду с постановкой проблемы уточнить основные термины и понятия, на основе которых, собственно, будет осуществляться научный поиск и решение задач исследования. Методы работы с источниками в науках гуманитарного направления зародились давно, едва ли не одновременно с проблемами. Несколько позже появились такие методы как включенное наблюдение, интервью, экспертные опросы, различные нарративные методы, которые

описывают проблему без излишней формализации и т.п. Сейчас эти и другие методы можно отнести к традиционным. С появлением цифровых технологий и дигитализации сферы гносеологии в научном сообществе все активнее распространяются суждения о неизбежной смене методов и исследовательских парадигм, о необходимости новых теорий и концепций. Мне представляется, что традиционные методы познания сохранят свое значение в условиях цифровизации всех сторон жизни общества, но вместе с тем, возможна и необходима трансформация подходов к анализу проблем, порожденных цифровизацией. Логично предположить, что с появлением новой, неведомой ранее, проблемы потребуются адекватный исследовательский инструментарий, способный ее решить. Трансформации научных методов познания возникают всякий раз, когда требуется решить небывалую ранее проблему. Создателю теории относительности Альберту Эйнштейну [Albert Einstein] принадлежит суждение о трансформации подходов к научному познанию: «Вы никогда не сможете решить возникающую проблему, если сохраните мышление и тот же подход, который привел Вас к этой проблеме». (Лапшин, 2019: 66).

Что касается научного осмысления сферы коммуникаций, то, в конечном счете, можно полагать, что выигрывает не то средство коммуникации, которое имеет лучший контент, а то, которое имеет доступ к аудитории, к коммуникативным сообществам и успешно взаимодействует со своим зрителем, читателем, слушателем, медиапользователем.

Отмеченные ранее особенности перехода на цифровой уклад экономики, обусловлено развитием Четвертой индустриальной революции (ИТР – 4), содержательное наполнение которой связано с созданием «нового способа производства, новой институциональной структуры общества и мира в целом, ключевым продуктом которой является информация». (Кастельс, 2000: 50-51). По мнению Кастельса, характерное отличие ИТР – 4 «от любой иной революции, ядро трансформации, которую мы переживаем теперь, связано с технологиями обработки информации и коммуникации» (Кастельс, 2000: 50). Современные информационные технологии создают крупные технологические прорывы в различных областях. «Более того, нынешний процесс технологической трансформации расширяется экспоненциально, поскольку он способен создать интерфейс между технологическими полями через общий цифровой язык, на котором информация создается, хранится, извлекается, обрабатывается и передается. Мы живем в мире, который по выражению Николаса Негропonte [Nikolas Negroponte], сделался *цифровым* (Кастельс, 2000. – *подчеркнуто мной* – Е. Д.).

Отмеченные технологические трансформации, способствующие переводу экономики, народного хозяйства, всех сфер жизни на цифровой язык выдвигают необходимость изменения методологических подходов и методов исследования переосмысления имеющихся подходов к теории информации и коммуникации. При этом представляется важным учитывать методологическое замечание, высказанное М. Кастельсом о том, что нынешнюю технологическую революцию характеризует не центральная роль знаний и информации, но применение таких знаний и информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, а в *кумулятивной петле обратной связи (выделено мной – Е.Д)* между инноваций и направлениями использования инноваций (Кастельс, 2000: 51).

Недостаточный учет в теории познания последствий «обратной связи» и создает гносеологическую ситуацию методологического плюрализма и более того приводит к тому, что целые научные направления и институты отрицают саму возможность объективного анализа причинно-следственных связей и полагаются исключительно на оценки и мнения экспертов. Для медиатизированного массового и специализированного сознания становится привычным подмена выверенных методологических методов и концепций, их подменой мнениями политиков, чиновников и экспертов.

В качестве примера сошлюсь на методы и способы, которыми проводится в России переход на цифровое вещание, которая остается актуальной и нерешенной проблемой из-за отсутствия внятной стратегии у Министерства цифрового развития связи и массовых коммуникаций РФ. Непродуманные мероприятия отраслевого ведомства по отключению аналогового телевидения лишает 1,5 миллиона жителей отдаленных регионов конституционного права на местную информацию. (Дугин, 2019: 17). Об опасности и издержках перехода на цифровой формат вещания предупреждала Федеральная

антимонопольная служба (ФАС), специалисты которой заявили, что непродуманная реформа может вызвать резкий рост социальной напряженности.

Несмотря на актуальность проблематики цифровой экономики, научное осмысление ее в контексте медиакоммуникаций и мультимедийности пока немногочисленны и пока охватывают небольшой сегмент коммуникативной составляющей цифровой экономики. (Варганова, 2015; Вырковский, 2016; Дугин, 2013, 2017). Учитывая это, можно сформулировать следующие наиболее перспективные аспекты проблематики для научных исследований и дискуссий: *большие данные и искусственный интеллект для ТВ и онлайн-предложений; персонализированное телевидение: воспроизведение, голосовое управление и рекомендательные двигатели; умный дом: как можно добиться монетизации?; Quo Vadis TV Distribution: выключение SD, по всему IP и только потоковое? ; закон о СМИ и правовое регулирование цифровых платформы; 5G-потенциалы, концепции, продукты и возможность для местных операторов и новых игроков рынка; авторское право; кибербезопасность и информационная безопасность, виртуализация сети и инфраструктуры.* Эти и другие темы входят в повестку дискуссий научных конференций и медиафорумов. Несмотря на попытки анализа развития цифровых платформ в сфере медиа и массовых коммуникаций, актуальная проблема коммуникативной составляющей цифрового развития остается малоизученной. Развитие цифровой экономики обусловлено новыми подходами в математике и науках, основанных на интенсивном использовании большого объема данных (data intensive sciences). Использование технологии big data в анализе информационно-коммуникативных систем значительно расширили возможности медиаиндустрии по созданию контента на основе большого количества данных.

Медиакоммуникации как драйвер экономического развития страны.

Оснащенность современных медиа цифровыми, информационными технологиями и темпы их внедрения в практики массовых коммуникаций, позволяет утверждать, что медиакоммуникации являются мощным драйвером экономического развития страны. Достаточно сослаться на стабильно растущие объемы доходов медиа, средств связи, телевидения, интернета, которые функционируют на основе цифровых платформ. Так, например, объем рынка on-line – продаж в 2016 году превысил 800 млрд. рублей. В 2017 году оборот российского рынка интернет – торговли достиг 1,04 трлн. рублей, что на 13 процентов превышает показатели предыдущего года. Согласно прогнозным оценкам рост интернет – торговли в 2018 году составит не менее 40 процентов. Производство цифрового контента (видео, музыка, игры и электронные книги) выросло за последнее пятилетие с восьми млрд. рублей до 70 млрд. рублей в 2017 году. В целом объем цифровой экономики в страны увеличился в пять раз и в 2017 году достиг 4,3 трлн. рублей. Общий объем российского рынка телекоммуникационного оборудования по итогам 2017 года составил 250–300 миллиардов рублей. В основном это закупки МТС, МегаФон, ВымпелКом, Tele2. Российское оборудование в основном приобретают для ведомственных и корпоративных сетей связи. Однако доля российских производителей в общем объеме закупок пока не превышает восьми процентов. В России разработаны и запущены в серийное производство линейки оборудования, способные обеспечить потребности операторов связи и крупных федеральных заказчиков не менее чем на 85 %. (Доклад Акимова, 2018).

Цифровое развитие немыслимо без создания телекоммуникационной инфраструктуры и запуска глобальной низкоорбитальной и высокоорбитальной спутниковых группировок. Эти направления обеспечивает ФГУП "Космическая связь" вместе с "Роскосмосом" с целью сделать доступным связь при помощи отечественной телекоммуникационной системы, а не через спутники НАТО, как это осуществляется в настоящее время. В рамках программы цифровизации экономики ведется работа по подключению Дальнего Востока, Анадыря, Певека и других населенных пунктов с помощью оптоволоконной связи и по опорам линий электропередачи. На эти проекты в бюджете страны заложены порядка 10 млрд. рублей.

Совет по развитию цифровой экономики при Совете Федерации предложил правительству РФ сформировать перечень ключевых технологий, необходимых для развития «умных» городов. Наряду с этим Совет предложил «закрепить необходимость наличия в документах стратегического планирования на государственном и региональном уровнях основных направлений и ключевых показателей реализации национального проекта «Цифровая экономика» с учетом «Стратегии научно-технологического развития» и

«Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Проектом предполагается, что к 2024 году число многоквартирных домов, подключенных к системам учета с дистанционной передачей данных в онлайн – режиме, в российских городах должно вырасти на 80 % по сравнению с началом 2018 года.

Благодаря распространению цифровых технологий, дальнейшему развитию социальных сетей и появлению мессенджеров существенно преобразуется информационно-коммуникативное, медийное пространство России. Едва успел завоевать лидирующие позиции сайт, благодаря которому вся информация аккумулировалась в одном месте, как на смену этой привычной модели приходит новая архитектура подачи информации. Сайтовая структура организации информационно-медийного пространства постепенно сменяется потоковой информацией в ленте новостей, размещающейся в соцсетях, потому что удобнее получать информацию, заранее подобранную в соответствии с ценностными ориентациями, вкусами и предпочтениями аудитории. Как известно из теории информации, аккумулированная информация обладает значительно более высокой эффективностью, нежели неструктурированный поток новостей. Наряду с этим на основе транзакций клиента и поведенческих паттернов социальных групп цифровые технологии способны создавать ситуации общения и даже прогнозировать действия аудитории.

Выводы и предложения

Анализ развития цифровых технологий в медиаиндустрии, проведенный в настоящей статье, показывает, что методологические концепты и подходы изучения медиапроцессов трансформируются благодаря новым возможностям, ранее недоступным. В настоящее время едва ли не в каждом исследовательском проекте в сфере медиа используются компьютерные технологии для выстраивания непротиворечивых типологий, моделирования бизнес-моделей изданий и телевизионных компаний, для создания цифровых портретов, моделей телепотребления аудитории и коммуникативных сообществ и т.д.

Было бы методологической ошибкой сводить цифровую экономику только к компьютерным технологиям. Цифровые технологии способны менять традиционные экономические и медийные законы. Например, такое распространенное явление как массовая кастомизация возникла благодаря цифровым технологиям, что активно используется в медиаиндустрии, основным трендом развития которой становится медиапотребление и переход на цифровые технологии.

Цифровизация все активнее применяется в научных исследованиях информационно-коммуникативных медиапроцессов на каждом этапе научного анализа: от разработки гипотез, теоретико-методологического обоснования научной проблемы до алгоритмов сбора, обобщения информации, выстраивания коммуникативных стратегий и форматов информационных каналов и формулирования выводов по практическому использованию результатов исследования. Уже сейчас в исследованиях аудитории используются возможности новых способов измерения, основанные на изучении метаданных. Совокупность больших массивов данных позволяют представить детализированную картину того, какие медиаканалы используют представители разных сегментов аудитории и выявить зависимость модели восприятия контента от типа информации.

Использование технологий искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет адресовать контент тому медиапотребителю, который нуждается именно в этом типе информации, а также позволяет значительно сократить время поиска контента. Более того, применение цифровых технологий способно создавать мультиплатформенность, благодаря чему медиапотребитель может получать контент там, где ему удобно. Иными словами, в отличие от традиционной модели медиапотребления, согласно которой пользователь следовал за контентом, современные цифровые возможности перенаправляют коммуникативные потоки: информация следует за человеком в разных средах и предоставляют возможность интерактивной коммуникации. Полагаю, что будущее телевидения может развиваться на интерактивной составляющей. При таком подходе модель коммуникации становится *антропоцентричной*, потому что она фокусируется на потребностях, ценностных ориентациях, социокультурных предпочтениях личности.

Для теории информационно-коммуникативных медиасистем и журналистики отмеченная трансформация информационных потоков означает переход к исследованиям

диалоговой модели коммуникации, что потребует разработки нового исследовательского инструментария, адекватных методологических концептов. В развитии цифровизации все отчетливее проявляется тенденция перехода от информационного общества к обществу больших данных, для управления которыми нужны методологические обоснования сценариев их использования. Допускаю, что именно данные сценарии могут стать основой создания новых теорий и методологических концептов информационно-коммуникационных процессов.

Литература

- Вартанова, 2015** – Вартанова Е.Л. О современных медиа и журналистике. Заметки исследователя. М.: МедиаМир. 2015.
- Вырковский, 2016** – Вырковский А.В. Редакционный менеджмент в печатных и онлайн-новых медиа: процессный подход. М.: МедиаМир. 2016.
- Гранин, 2013** – Гранин Ю.Д. "Глобализация" или "вестернизация"? // Свободная мысль. 2013. №1 (1637). С. 51-64.
- Гранин, 2006** – Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // *Философские науки*. 2006. №7. С. 5-23.
- Гранин, 1994** – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. №2-3. С. 32-39.
- Делягин** – Делягин М. «На повестке дня уничтожение не одной России, а человеческой цивилизации» [Electronic resource]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/377286>
- Доклад Акимова, 2018** – Доклад заместителя председателя правительства РФ М.А. Акимова на четыреста сорок восьмом заседании Совета Федерации 11 декабря 2018 г. / Стенограмма четыреста сорок восьмого заседания Совета Федерации 11 декабря 2018 г.
- Дугин, 2013** – Дугин Е.Я. Телевидение в условиях мультимедийности. М.: Русника. 2013. 262 с.
- Дугин, 2017a** – Дугин Е.Я. Методология исследования информационно-коммуникативных систем и журналистики. М.: Академия медиаиндустрии. 2017.
- Дугин, 2017b** – Дугин Е.Я. Региональное телевидение: стратегии развития или судьба? // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2017. № 1. С. 27-39.
- Дугин, 2018** – Дугин Е. Я. Медиа составляющая цифровой экономики // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2018. № 4. С. 159 -174.
- Дугин, 2019** – Дугин Е.Я. Региональное телевидение в условиях цифровых трансформаций // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2019. №1. С. 15-32.
- Кастельс, 2000** – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. рук. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 2000. 386 с.
- Контакт-центр 2029** – Контакт-центр 2029: как компании будут общаться с людьми через 10 лет. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2018/12/24/kontakt-tsentr-2029-kak-kompanii-budut-obschatsya-s-lyudmi-cherez-10-let?utm_campaign=newspaper_25_12_2018&utm_medium=email&utm_source=vedomosti
- Лапшин, 2019** – Лапшин А.О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях // *Власть*. 2019. № 1. С. 66.
- Ментальные программы, 2016** – Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. 2016. 296 с.
- Программа «Цифровая экономика», 2017** – Программа «Цифровая экономика» утверждена распоряжением правительства России от 28 июля 2017 года № 1632-р.
- Философия коммуникации, 2017** – Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб: Изд-во Политехнического университета. 2017.
- Цифровая повестка, 2018** – Цифровая повестка: вызовы и законодательные решения // Аналитический вестник Аналитического управления Аппарата Совета Федерации. М.: 2018. №1.
- Яницкий, 2019** – Яницкий О.Н. Переход на «цифру»: задачи науки и образования // *Власть*. 2019. № 1. С.69.
- Dugin, 2018** – Dugin E. Methodology of Media research in the “era of digital civilization”// *European Journal of Philosophical Research*. 2018. № 5(1), pp. 3-18.

Christakis – *Christakis N.A.* How AI Will Rewire Us [Electronic resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/04/robots-human-relationships/583204/>

References

Christakis – *Christakis N.A.* How AI Will Rewire Us [Electronic resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/04/robots-human-relationships/583204/>

Delyagin – *Delyagin M.* «Na povestke dnya unichtozhenie ne odnoi Rossii, a chelovecheskoi tsivilizatsii» [Electronic resource]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/377286> [in Russian]

Doklad Akimova, 2018 – Doklad zamestitelya predsedatelya pravitel'stva RF M.A. Akimova na chetyresta sorok vos'mom zasedanii Soveta Federatsii 11 dekabrya 2018 g. [Report by the Deputy Prime Minister of the Russian Federation, M.A. Akimov at the four hundred forty-eighth meeting of the Council of the Federation on December 11, 2018]. Stenogramma chetyresta sorok vos'mogo zasedaniya Soveta Federatsii 11 dekabrya 2018 g. [in Russian]

Dugin, 2013 – *Dugin E.Ya.* (2013). Televidenie v usloviyakh mul'timediinosti [Television in terms of multimedia]. M.: Rusnika. 262 p. [in Russian]

Dugin, 2017a – *Dugin E.Ya.* (2017). Metodologiya issledovaniya informatsionno-kommunikativnykh sistem i zhurnalistiki [Research methodology of information and communication systems and journalism]. M.: Akademiya mediaindustrii. [in Russian]

Dugin, 2017b – *Dugin E.Ya.* (2017). Regional'noe televidenie: strategii razvitiya ili sud'ba? [Regional television: development strategies or fate?]. *Zhurnalst. Sotsial'nye kommunikatsii*. № 1. pp. 27-39. [in Russian]

Dugin, 2018 – *Dugin E.* (2018). Methodology of Media research in the “era of digital civilization”. *European Journal of Philosophical Research*. № 5(1), pp. 3-18. [in Russian]

Dugin, 2018 – *Dugin E.Ya.* (2018). Mediasostavlyayushchaya tsifrovoi ekonomiki [The media component of the digital economy]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*. № 4. pp. 159-174. [in Russian]

Dugin, 2019 – *Dugin E.Ya.* (2019). Regional'noe televidenie v usloviyakh tsifrovyykh transformatsii [Regional television in terms of digital transformations]. *Zhurnalst. Sotsial'nye kommunikatsii*. №1. pp. 15-32. [in Russian]

Filosofiya kommunikatsii, 2017 – *Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Communication Philosophy. Theoretical and methodological aspects]. SPb: Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta. 2017. [in Russian]

Granin, 1994 – *Granin Yu.D.* (1994). Vlast' i ekologicheskoe soznanie [Power and environmental consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. pp. 32-39. [in Russian]

Granin, 2006 – *Granin Yu.D.* (2006). Globalizatsiya i natsionalizm [Globalization and nationalism]. *Filosofskie nauki*. №7. pp. 5-23. [in Russian]

Granin, 2013 – *Granin Yu.D.* (2013). "Globalizatsiya" ili "vesternizatsiya"? ["Globalization" or "Westernization"?]. *Svobodnaya mysl'*. №1 (1637). pp. 51-64. [in Russian]

Kastel's, 2000 – *Kastel's M.* (2000). Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture]: Per. s angl. pod nauch. ruk. O.I. Shkaratana. M.: GU VShE. 386 p. [in Russian]

Kontakt-tsentr 2029 – Kontakt-tsentr 2029: kak kompanii budut obshchat'sya s lyud'mi cherez 10 let [Contact Center 2029: how companies will communicate with people in 10 year]. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2018/12/24/kontakt-tsentr-2029-kak-kompanii-budut-obschatsya-s-lyudmi-cherez-10-let?utm_campaign=newspaper_25_12_2018&utm_medium=email&utm_source=vedomosti [in Russian]

Lapshin, 2019 – *Lapshin A.O.* (2019). Globalizatsiya i tsifrovoe obshchestvo: zametki na polyakh [Globalization and the digital society: notes in the margins]. *Vlast'*. № 1. P. 66. [in Russian]

Mental'nye programmy, 2016 – Mental'nye programmy i modeli sotsial'nogo povedeniya v rossiiskom obshchestve: monografiya [Mental programs and models of social behavior in Russian society: monograph]. Otv. red. A.V. Lubskii. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya. 2016. 296 p. [in Russian]

Programma «Tsifrovaya ekonomika», 2017 – Programma «Tsifrovaya ekonomika» utverzhdena rasporyazheniem pravitel'stva Rossii ot 28 iyulya 2017 goda № 1632-r. [The Digital

Economy Program was approved by Decree of the Russian Government of July 28, 2017 No. 1632 p.]. [in Russian]

Tsifrovaya povestka, 2018 – Tsifrovaya povestka: vyzovy i zakonodatel'nye resheniya [Digital Agenda: Challenges and Legislative Decisions]. Analiticheskii vestnik Analiticheskogo upravleniya Apparata Soveta Federatsii. M.: 2018. №1. [in Russian]

Vartanova, 2015 – *Vartanova E.L.* (2015). O sovremennykh media i zhurnalistike [About modern media and journalism.]. Zametki issledovatelya. M.: MediaMir. [in Russian]

Vyrkovskii, 2016 – *Vyrkovskii A.V.* (2016). Redaktsionnyi menedzhment v pechatnykh i onlainovykh massmedia: protsessnyi podkhod [Editorial management in print and online mass media: a process approach]. M.: MediaMir. [in Russian]

Yanitskii, 2019 – *Yanitskii O.N.* (2019). Perekhod na «tsifru»: zadachi nauki i obrazovaniya [The transition to the "figure": the tasks of science and education]. *Vlast'*. № 1. P. 69. [in Russian]

Трансформации методологических конструктов исследования медиа в условиях цифровизации коммуникации

Евгений Яковлевич Дугин ^{a, *}

^a Академия медиаиндустрии, Научно-экспертный совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются изменения в научных подходах к исследованию медиакommunikаций, которые приносит цифровая революция. С появлением цифровых технологий и дигитализации сферы гносеологии в научном сообществе все активнее распространяются суждения о неизбежной смене методов и исследовательских парадигм, о необходимости новых теорий и концепций. Автор полагает, что традиционные методы познания сохраняют свое значение в условиях цифровизации всех сторон жизни общества, но вместе с тем, возможна и необходима трансформация концептуальных методологических конструктов анализа новых проблем, возникающих в процессе перехода на цифровые форматы медиакommunikаций.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-коммуникативная медиасистема, концептуальный методологический конструкт.

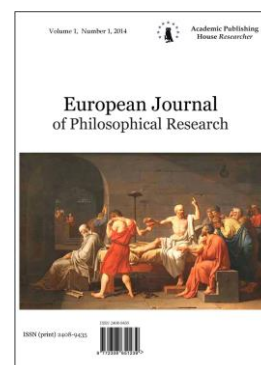
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: e.dugin@yandex.ru (Е.Я. Дугин)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 22-39

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.22
www.ejournal17.com

Some Epistemological and Methodological Problems of Holistic Biological Modeling, Biosimilarity Identification and Complex Interpretation of the Origin of Life

Explications from the epistemological seminar (2013)

Oleg V. Gradov ^{a, *}

^a Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article considers the novel approach for epistemological interpretation of biomimetics or bionics and biosimilarity in different abiogenetic works with the terminological correction for elimination of the reifications (concretisms, hypostatizations), simplified metaphors and the results of metonymy. In the last part of this article one can see the analysis of the mistakes and problems of complex abiogenetic or supramolecular evolution projects within the aspects of the Conway law and the social organization of science and publishing sphere in subjective postmodern capitalistic conditions.

Keywords: metaphor, reification, concretism, hypostatization, metonymy, Conway law, the fallacy of misplaced concreteness, allegory, social organization of science, postmodern capitalism.

1. Субъективный подход к интерпретации принципов моделирования как причина перевода проблемы биоподобия в дискурс «внутренней логики мифа» по Лосеву

Последние десятилетия XX в. стали эпохой кардинального переворота исторического значения в биологии клетки: развитие молекулярных технологий привело к возможности искусственного создания того, что ранее только исследовалось методами биологического анализа и не было воспроизводимо в лаборатории. Перефразируя Маркса, писавшего, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»*, можно сказать, что биологи до сих пор исследовали клетку, а современная задача состоит в том, чтобы морфофункционально респециализировать/модифицировать и, в пределе, создавать клетки, то есть осуществить, говоря на сленге научно-популярной литературы, "reinvent" принципов организации клетки на искусственные системы (Church, Regis, 2012). Это требует высокого понимания этих принципов, то есть той живой "машинерии" (Goodsell, 2010), которая делает возможным функциональность той или иной

* Corresponding author

E-mail addresses: o.v.gradov@gmail.com (O.V. Gradov)

* В нем. оригинале – не "объясняли", а "интерпретировали" мир: "Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretiert; es kommt aber darauf an, sie zu verändern" (цит. по: Labica G. "Karl Marx: Thesen über Feuerbach". 150 p., "Argument Verlag", Hamburg, 1996), то есть речь идёт, по факту, не о естественнонаучном объяснении механики процессов, а об их мировоззренческой интерпретации, относящейся к более высокому уровню абстракции. В данном случае это замечание необходимо, поскольку с аналогичной ситуацией мы неоднократно встретимся по ходу изложения.

известной нам биологической структуры. С точки зрения онтологического подхода в математической физике (Shapiro, 2000), структура воспроизводимых нами в модельных "модальностях" объектов зависит от той аксиоматики, которую мы приняли в отношении прототипов. От этого зависит то, что будет воспроизводить модель из известных свойств оригинала. Вопрос о том, какие переменные и операторы будут использоваться в теориях, эквивалентен вопросу о том, какие категории будут воспроизводиться в реальных моделях клетки (Simmons, 2011). Иными словами, формализм моделирования *soft artificial life** и его нотация (то есть сопоставление абстрактным переменным физических характеристик реального объекта), отражающие наше представление о принципах организации объекта и его функциональной активности, определяют принципы подбора и номенклатуру свойств, воспроизводимых нами в модели *wet artificial life*† (в случае выведения критериев модели *in vitro* из результатов моделирования *in silico*). Если мы сопоставим клетке неполные или некорректные представления о физических основах её функционирования (основанные на упрощенных моделях, не соответствующих реально действующим цитофизиологическим механизмам; либо включающие в себя ложные интерпретации наблюдаемых феноменов с позиций недостаточно развившихся для углубления в обуславливающий их структурный уровень наук), то получим модель, не удовлетворяющую ни реальной биофизике клетки, ни нашим представлениям о ней, поскольку качественную феноменологию биологических процессов она продемонстрировать не будет.

История науки знает множество таких нерепрезентативных моделей, так как попытки создания якобы "искусственной жизни" берут начало ещё в средние века (Andrä, 1616; Plavilscikov, 1962), а попытки создания т.н. «искусственных клеток» имеют примерно полуторавековую историю (Traube, 1864, 1866, 1867). Отграничив эти попытки от донаучных, ненаучных и антинаучных работ, сводивших эволюционные представления о развитии жизни к мгновенной *spontaneous generation* (Strick, 2002), предполагавшей случайное зарождение многоклеточных высокоорганизованных существ вплоть до человека‡ (Newman, 2004), мы будем рассматривать только моделирование клеток, поскольку рассмотрение возникновения надклеточных систем без моделирования возникновения клетки является бессмыслицей. Так как первичные клетки, получившие в англоязычной литературе название "protocells", калькируемое в России как "протоклетка", являлись продуктом абиогенеза, бессмысленно моделировать клетки или протоклетки, не моделируя при этом абиогенез. Создание физиологически-функциональной синтетической клетки, физически воспроизводящее механизмы абиогенеза (Luisi, 2010), в принципе, неосуществимо без правдоподобной целостной гипотезы "что есть жизнь" (Regis, 2008), поскольку результатом различных последовательностей процессов химической эволюции должна являться химически и физиологически различная "жизнь" или иной продукт этих процессов; то есть необходимо исходное понимание, какие объекты и по каким критериям идентифицируются как "клетки". Это подтверждает вышеуказанный тезис о воздействии трендов цитофизиологических представлений на тренды клеточного моделирования. Если рассмотреть математику как науку об образах (Resnik, 2000), то образам клеточной системы можно сопоставить принципиально различные нотации, что является проблемой, так как существуют контрадикторные теоретические представления, которые одинаково хорошо описываются разными типами математического формализма и моделируются на основе нетождественных физических метафор§. Вместе с тем, различные формализмы для аппроксимации функции клетки обращаются к различным, зачастую непересекающимся, совокупностям фактов в ходе аргументации идей, подтверждающих их "исключительную"

* *Soft Artificial Life* – компьютерное имитационное (математическое) моделирование биологической динамики.

† *Wet Artificial Life* – комплексное материальное – химическое воспроизведение клеточных процессов *in vitro* и *de novo*.

‡ Подобные "изыскания" раннего и последующих периодов получили затем остроумное название "Frankenstein's science" (см. одноименный сборник, вышедший в 2008 году под редакцией С. Knellwolf и J. Godall).

§ Достаточно упомянуть корпускулярно-волновые представления в физике, чтобы понять, о чем идет речь.

правильность, что, при условии физической адекватности их качественных результатов, переводит проблему их внутренней логичности и доказательности на уровень внутренней логики мифа (Losev, 2003-a).

2. Реификация и метанимия терминов в ходе развития науки приводит к качественному изменению моделей в силу изменения интерпретации их прототипов

Отсюда следует, что рассматривать формирование естественнонаучных представлений о возникновении жизни следует во всей полноте развития естествознания с учетом смены смысла терминов во времени (т.н. процессы метанимии) и следующей из этого эволюции нотации и физического смысла моделей. Следует иметь в виду, что на ранних стадиях ряд процессов и свойств как абиогенной, так и живой материи понимался более широко, из-за чего последующее сужение смысла терминологии неоднократно приводило современных историков науки к парадоксальным выводам, обусловленным неоправданно примененным ими элементом реификации или конкретизма (то есть абстрактные категории, которые в позднее время приняли известный физический смысл, понималось ими как конкретные и для раннего этапа становления научной лексики). Как справедливо отмечал Герцен в "Письмах об изучении природы" ещё в 1845 году, "во время неразвитости мышления, методы, языка, под односторонними определениями кроется несравненно более, нежели сколько лежит в строгом прозаическом смысле высказанных слов. Мы часто будем видеть, как из-за неловкого выражения проглядывает глубокое созерцание, и поэтому весьма важно усвоить себе смысл, в котором сама система понимала свои начала. Сказать просто: Фалес считает всему началом воду, а Пифагор – число, не заботясь о том, что для одного представляла вода, а для другого – число, значит выдать их за полусумасшедших или тупоумных" [цит. по (Герцен, 1946)*]. Таким образом, не учитывая явлений метанимии и реификации, проводить эпистемологический анализ возникновения и развития понятий абиогенеза как процесса формирования (прото)клеточной жизни (*a potiori fit denominatio*) невозможно. В работе (Canguilhem, 2000) об этом говорится достаточно лаконично – "не может быть никакой эпистемологии без конкретного изучения фактического развития науки". Нужно найти те истоки доклеточных и клеточных представлений, отголоски которых сказываются до сих пор на моделировании абиогенеза, как только мы отходим от цитологической конкретики естественной (прото-)клетки в сторону расширения смысла терминологии для неизбежной в ходе моделирования любых систем упрощающей или обобщающей метафоры (Black, 1962). Для этого необходимо проследить формирование метафор и вытекающих из них моделей в историческом развитии на протяжении всего периода существования соответствующей терминологии, а следовательно – в развитии самих естественнонаучных представлений.

3. Различие между биоморфными и функционально-биомиметическими структурами как различие меж донаучной и научной интерпретацией: переход от идеализма формы к объективности содержания как подход к достижению корректности содержательной биоморфной модели

Принципиальный вопрос заключается в том, с какого исторического периода начинать рассмотрение. Вполне очевидно, что возможности моделирования живой материи должны были нарастать синхронно с отказом от анимизма и витализма, однако, как справедливо показано E.J. Dijksterhuis в классической работе "Die Mechanisierung des Weltbildes" [цит. по пер. изд.: (Dijksterhuis, 1961); сверено с нем. ориг. (Dijksterhuis, 1956)], процесс удаления анимизма из науки происходил ещё со времен Пифагора, а материалистические взгляды на процессы абиогенеза, в противовес первичному "креационизму", формировались ещё античными мыслителями (Sedley, 2008). Несмотря на это, моделирование жизни не зародилось как научная дисциплина в античном мире, следовательно нужно искать иные ограничивавшие его развитие факторы до более позднего периода. Первичная гипотеза об отсутствии понятия моделирования как такового не выдерживает критики, так как ещё со времен Платона известно понятие "идеи", рассматривавшейся в переводе и интерпретации

* В недавнем англоязычном издании (Herzen, 2004) дан упрощенный перевод этого фрагмента.

А.Ф. Лосева как "порождающая модель", а в немецкой науке существует эквивалентное ей при воспроизведении идеи понятие "techne" (Leinfellner, 1966), расшифровываемое как "творческое конструирование того, что дано в модели". То есть для античных мыслителей была очевидна не только объективная суть моделирования явлений, но и его субъективная индетерминистическая сторона*. Вопрос упирался в то, что, осознавая эту субъективную сторону, античные мыслители не могли ставить себе задачи объективного моделирования чего-либо и, не имея точных знаний, смещали задачи моделирования как перевоплощения природной идеи в сторону метафор⁷. В частности, первичные элементы биомиметической (бионической) архитектуры возникли в древней Греции как поверхностные биоморфные подражания структурам биологического происхождения и их развитию (см., напр., сборн.: "Form Follows Nature: A History of Nature as Model for Design in Engineering, Architecture and Art" п/ред. Rudolf Finsterwalder, "Springer", Vienna, 2011), не имеющие модельного значения и функционально никак не сопряженные с прототипом. Во второй половине XX в. – начале XXI в., низводя смысл бионики до копирования биологической формы без учета масштабов, аналогично мыслящие представители романтизма повторили ту же ошибку, предполагая единственность сотворенной жизни и копируя её через внедрение "органических форм" (Gigante, 2009), хотя, также как и биомиметики в древней Греции, "органические формы" не имели никакого отношения ни к организму, ни к органическому составу моделируемых структур.

Предвидя резонные возражения на тему "какое отношение развитие данных донаучных и ненаучных форм мышления могло иметь к научным представлениям о генерации жизни и возможности её моделирования", нужно сделать ремарку о том, что до времён Гёте наука не была изолированной из пласта субъективного человеческого мышления – даже Академии ведущих стран были столь же научными, сколь и "культурными" учреждениями и поэтому политически управлялись трендами, бытовавшими в образованном обществе в целом (Richards, 2004). Согласно нашим данным, полученным в ходе работы с зарубежной литературой, проблема влияния идеалистических концепций романтизма на науку активно дискутировалась в начале 1990-х гг. (достаточно упомянуть два базовых сборника по теме: "Romanticism and the Sciences" п/ред. A. Cunningham и N. Jardine, выпущенный "Cambridge University Press" в 1990-м году, и "Romanticism in Science: Science in Europe, 1790-1840" п/ред. S.Poggi и M.Bossi из серии "Boston Studies in the Philosophy and History of Science" 1994-го года), и из известных нам данных можно сделать однозначный вывод о существенном сдерживающем воздействии волюнтаристических по сути романтических (а, по существу, идеалистических) представлений на развитие естественнонаучного моделирования в науке – и биологического моделирования в частности[†].

* "Ни дуализм, когда идея вещи совершенно оторвана от самой вещи, ни спиритуализм, когда идея вещи одушевляет эту вещь и снаружи и внутри нее самой, ни механицизм, когда идея вещи действует на вещь, наподобие какой-то внешней материальной силы, но именно порождающее моделирование впервые правильно и отчетливо характеризует собою, по Платону, отношение между идеей вещи и самой вещью".

Цит. по: Лосев А.Ф. "История античной эстетики", Том 3, Часть II, § 3.

См. также: « Twelve Theses on Antique Culture» (Losev, 2003b).

[†] Действительно, резонно заметить: как, осознавая моделирование как форму редукционистского познания, оперирующую *конечными* по своей точности воспроизведения оригинала элементами, моделировать вещи, которым приписываются "непознаваемые", "бесконечные" *безмерные* свойства? Так, признавая потенциал самозарождения жизни, Аристотель допускал возможность формирования любых морфологически-сложных структур и организмов, оперируя в работе "О возникновении животных" вошедшими в обиход идеалистов на многие века вперед (и поныне) фразами "In all things of nature there is something of the marvelous" (Книга I) и "Nature flies from the infinite, for the infinite is unending or imperfect, and Nature ever seeks amend" (Книга I).

По нашим данным (сетевой контент-анализ), эти фразы встречаются в оригинальных работах прошлого тысячелетия несколько сот раз. Этот образ "жизни" моделировать даже в платоническом смысле, понятно, невозможно.

4. Функциональная модель сложных систем не может являться метафорой или эпистемологической аллегорией, поскольку упрощение сложности, как правило, влечёт невозпроизводимость функции, возникающей при эмерджентном комплексировании суммы факторов сложной модели

Вывод из этого очевиден: любое малейшее допущение волюнтаризма и произвольных трактовок (метафор) в рассмотрении и воспроизведении явлений жизни и "живых" форм, неизбежно ведёт к дискредитации самой логики воспроизведения биологических явлений. Между тем, до сего дня в позитивистской, но не логико-материалистической зарубежной науке (sic!), существует тенденция пользоваться метафорами, а не материалистической - формальной или диалектической - логикой для понимания сути явлений в биологии. Это достаточно просто проиллюстрировать, сославшись на роль метафор в биологии развития (Keller, 2003; Haraway, 2004), генетике (Keller, 1995), кладистическом методе (Lass, 1988), биохимической фармакологии (McCarthy, 2003) и других областях. В французской лексике "метафора", очевидно, исходно является синонимом модели (Argemi, Rossetto, 1983), но в других языках слово "модель" имеет более точное содержание. В связи с этим, говоря, например, об антидарвинизме Ницше (Moore, 2006) англичане и немцы, не имеют в виду "точную математическую модель Ницше", противопоставленную "еще более точной модели Дарвина", а имеют в виду противопоставление идей, близкое к тому, что понималось под этим в античной философии (см. выше).

Известно, что любая биологическая наука становится наукой только после избавления от метафорической сути ранних (первичных) представлений (Tauber, Chernyak, 1991), поэтому оперировать эвристически-удобными метафорами как "костылями" для разума может быть бесполезно в аспекте достоверности формируемых на этой основе фривольных представлений. Данная ситуация не нова, так как ещё в начале XX века об аналогичном метафорическом (а по сути, как мы убедились несколько ранее, внутренне логичном "мифологическом") тренде в физике шли ожесточенные споры философов и физиков: по мнению наиболее радикальных и логически-последовательных критиков единственный выход из создававшейся ситуации состоял только "в полнейшем отказе от всех образных представлений, от тех «механических моделей», как говорят англичане, без которых когда-то не существовало настоящей физики" (Ленин, 1933)*.

Владимир Ильич Ленин, рассматривая работу Абеля Рея "Современная философия" (Rey, 1908), в частности, отмечал, критикуя такие метафоры: "Мах ... называет их просто «мифологией». Как всякая мифология, она есть нечто ребяческое; она могла быть полезна, когда мы не умели смотреть на вещи прямо" и (далее по тексту) "кто может ходить сам, тот не станет пользоваться костылями... Физика, достигнув зрелого возраста, уже не нуждается в грубых изображениях для почитания своих богов" (Ibid).

Может быть целесообразно, элиминируя вероятность несогласия с предшествующим по идеологическим причинам, привести и более ранние слова диалектика и материалиста Герцена, писавшего, в частности, что: "в физических науках принято за обыкновение допускать подобного рода гипотезы, т.е. условную ложь для объяснения; но ложь не остаётся вне объяснения (иначе она была бы вовсе не нужна), а проникает в него, и вместо истины получается странная смесь из эмпирической правды с логической ложью" (Герцен, 1946).

Известно, что основная масса простых прикладных расчетов, используемых в биофизике и математической биологии, в особенности - на молекулярном уровне (Scherer, Fisher, 2010; Brooks et al., 1988), основана на принципах теоретической физики, введенных зачастую в виде приближенных решений или аналогий. Существуют исторически принятые за основу механистические аналогии практически во всех областях физики, превосходным примером чего может служить наличие множественных аналогий в квантовой физике и оптике (Dragoman, Dragoman, 2004; Povh, Rosina, 2005), физики элементарных частиц и атомного ядра (Hoffman, 2008), магнитостатике и магнитодинамике (Mattis, 2006).

* Существует английский вариант этой книги (Lenin., 1961), выпущенный "Lawrence & Wishart" в Лондоне при поддержке московского Издательства литературы на иностранных языках.

5. Вопрос изменения контекста или метафоры моделирования состоит не «в том, как мы моделируем», а «в том, что мы моделируем». Физически, химически- и биологически- корректные модели корректны различно

Автор последней цитированной работы Mattis D.C. напрямую пишет, что ряд аналогий в области компетенции его исследований принят исключительно для удобства, т.е. упрощения математического понимания и, как следствие, теоретического описания существующих в реальности неэлементарных феноменов. Действительно, можно ли говорить о достаточно корректной механической аналогии, если та же механика, в зависимости от уровня работы и времени её выпуска, может быть описана как детерминистическими, так и имеющими стохастическую часть выражениями (Rajeev, 2013)? Один из крупнейших теоретиков прошлого века в области субатомной физики Рихард Вейнер в своей книге "Analogies in Physics and Life" писал: "Аналогии играют фундаментальную роль в науке. Чтобы понять, как и почему, в данный момент, определенная аналогия была использована, нужно знать конкретные, исторические обстоятельства, при которых новая идея была развита. Этот исторический фон никогда не представляется в научных статьях и довольно редко в книгах", но "для практика, который ищет озарения или, кто хочет понять суть работы коллег ... эти исторические обстоятельства могут быть увлекательными и полезными" [цит. по: (Weiner, 2008)]. Таким образом, очевидно: для того, чтобы четко проанализировать развитие представлений об абиогенезе клеточных структур и метанимии понятий теории, ведущие к изменению характера моделируемых структур, придется рассмотреть историю аналогий, к которым прибегали мыслители прошлого, работавшие в смежных отраслях и над смежными проблемами.

Этот подход к распутыванию клубка противоречий, возникших в теории абиогенеза и клеточной биомиметике в результате некоррелированных метанимий, напрямую связан с тем, что метафоры влияют на дискурс нашего видения мира (Geary, 2012) и если "вчера" рассматривали клетку с коллоидно-химических позиций, сегодня с макромолекулярных, а в наступающем "завтра" будут рассматривать с супрамолекулярно-химических позиций, то вполне очевидно, что в первом случае будет моделироваться коллоидная структура без учета молекулярной организации, во втором - макромолекулярный или (био)полимерный ансамбль, молекулярная организация которого будет рассматриваться аддитивно (подобно любому синтетическому полимерному образцу), а в третьем - супрамолекулярная система с селективными связями и свойством детерминированной ими самосборки.

Чтобы доказать это достаточно обратиться к истории, памятуя афоризм Ричарда Фейнмана "What I cannot create, I do not understand", в последнее время часто встречаемый в монографиях области синтетической биологии и биомиметического моделирования (Pross, 2012; Eliasmith, 2013). Являясь - помимо средства воспроизведения свойств некоторого предмета - прежде всего средством его познания, любая модель либо апеллирует к законам природы, либо, в случае «мнимой безнаказанности» обратного, "навязывает природе" свои представления о ней. Эта точка является классическим пунктом разногласия "объективных" идеалистов и материалистов, о котором ещё Энгельс, критикуя Гегеля, писал: "ошибка заключается в том, что законы эти он не выводит из природы и истории, а навязывает последним свыше как законы мышления", из чего следовала Гегелевская "ужасная конструкция: мир - хочет ли он того или нет - должен сообразоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной ступени развития человеческого мышления" [цит. по: (Энгельс, 1930)*]! Формальная математическая аппроксимация реальности и её "фингерпринтинг" по неким графическим лекалам с известными зависимостями математической физики, выходящая в топ-лист направлений математической биологии[†], увы, ничего не может сказать о том, почему та или иная нотация

* Наиболее свежее английское издание - 2012 года (Engels, 2012)

[†] Начиная с 2008 года этот статус можно считать закрепленным после прошедших в июне 2008 г. мероприятий - первого международного семинара по формальным методам в системной биологии (First International Workshop, FMSB 2008) в Кембридже и восьмой международной школы по формальным методам в разработке компьютерных, коммуникационных и программных систем (8th International School on Formal Methods for the Design of Computer, Communication, and Software

или аппроксимация лучше другой (Yanofsky, 2013), не используя при этом метафор, "субституирующих" смысл переменных в нотации или моделирующих их поведение в математическом базисе аппроксимации с той или иной точностью, то есть той или иной вероятностью правдоподобия (Valiant, 2013).

6. Проблема многофакторного фитирования или аппроксимации формы и функции: холистическая альтернатива субъективному моделированию?

Из этого следует, что остающиеся пределы выбора конструкции более чем достаточны для субъективной подгонки (фиттинга, как называют этот процесс обработчики данных) и отчасти произвольного выбора верифицируемых гипотез о структуре моделируемого. Это, учитывая вышеуказанное определение воспроизведения структуры как способа познания её внутренней организации, предъявляет особые требования к структуре модели, прямым следствием из которых могло бы являться следующее утверждение: "если модель хорошо воспроизводит структуру прототипа, значит базовые представления о нём, заложенные в основу модели, корректны; если модель не воспроизводит всю полноту функциональной активности, значит она неполна или, тождественно, недостаточно корректна". То есть, для нас сама функциональность и феноменологическая адекватность модели оригиналу может являться критерием её корректности и корректности наших представлений. Если говорить о клетке, то можно не столько постулировать, сколько констатировать факт недостаточно корректной модельной реконструкции и неполноты существовавших представлений о ней – в противном случае мы давно уже имели бы позитивный опыт конструирования клетки и существования полноценной искусственной жизни. Следовательно, необходимо искать в истории вехи, на которых произошла субъективизация или же вынужденно не произошел переход к объективному знанию о клетке, где удобный для математизации редукционизм заменил холизм, математическая формализация которого стала возможной лишь в конце XX века (Merry, 1995) и была опасна до тех пор в силу биологического ревизионизма и идеалистических воззрений на него среди части специалистов (Bortoff, 1996; Harman, Sahtorius, 1998). Иначе говоря, в силу каких внешних к науке причин (психологических, религиозных, социальных, политических) на длительное время происходила деформация пути познания механизмов явлений жизни или клетки и сонаправленного моделирования её функции.

Современная гносеология отвечает на этот вопрос в контексте перехода причинно-обусловленных детерминистских моделей, характеризующихся взаимно-однозначным соответствием (one-to-one model) antecedента и консеквента, в более вариативное русло индетерминизма, дающего просторные основания для новой "метафизики" вместо перехода к осмыслению этой вариативности во всей её сложности и полноте.

7. Эпистемическая, модальная и онтическая формы научного объяснения по Сальмону: разнообразие «омиксных» трендов и «миров» абиогенеза, являющееся следствием вырожденной редукционистской парадигмы

Переход к этому неполному знанию, апеллирующий к эвристической сложности обратного, в сущности, "означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму"* (Lenin, 2002).

Различие между указанными типами научной эвристики хорошо интерпретируется в рамках известной классификации Сальмона, разделявшего три вида научного объяснения – "эпистемический" (epistemic), "модальный" (modal) и "онтический" (ontic) и определившего их различие как отличие стохастических гипотез от причинно-механистической аргументации (Salmon, 1984). Если это противоречие между способами рассмотрения предмета исследования вывести как коррелят такого же противоречия между предполагаемыми способами возникновения объекта исследования – то есть клеточной

Systems) с фокусированием приглашенных докладов на формальных методах в компьютерной биологии (Formal Methods for Computational Systems Biology).

* Цит. по: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18, с. 327.

жизни – то станет очевидно, почему сторонники полноценного причинного объяснения выдвигают теории неизбежности возникновения биологических структур, а субъективисты, не желающие рассматривать механизм абиогенеза в полной его сложности, формулируют химически-односторонние гипотезы, получившие общее для всех таких построений, название "миров" (worlds).

Так, помимо известного и в России "мира РНК" (Spirin, 2005, 2010), существуют: "пре-РНК мир" (Larralde et al., 1995); "мир ТНК" – на основе треонуклеиновой кислоты (Yu et al., 2012); миры белка (Andras, Andras, 2005; Caetano-Anolles et al., 2009), включая т.н. "[GADV]-protein world", в котором белки являются квазиреплицирующимися и кодирующими семантидами* (Ikehara, 2005); мир репродуцирующихся при делении везикул липидов – т.н. "липидный мир" (Segre et al., 2001; Bar-Even et al., 2005); мир геликатов – спиральных супрамолекулярных структур, подобных ДНК (Lehn, 1996); метаболический мир (Weber, 1996) и связанный с ним концепт "мира сахаров" (Weber, 1991)[†]; вирусные миры различной конституции (Koonin et al., 2006; Koonin, 2009); + множество ранних "миров" органического [например – "HCN world" (Matthews, 2005)], и неорганического [например – "Zinc world" (Mulkiđjanian, Galperin, 2009; Mulkiđjanian, 2009)] состава, а также пребиотические миры – промежуточные между органогенными и неорганическими (Ferris, 1999)! Очевидно, что такая биохимическая фрагментарность и стохастичность в принципе не могла привести к сборке клетки (если не привлекать дополнительных допущений, ещё больше увеличивающих дифференциацию гипотез в силу их гносеологического априоризма). На самом деле, все данные направления, в неявном виде апеллирующие к разграничениям, искусственно установленным человеком в форме границ отдельных наук в рамках системной биологии – протеомики, липидомики, интерактомики, металломики и т.д. – являются только аспектами воззрения на предмет, но не полной картиной самого объекта.

Если в генетическом направлении уже приходит понимание необходимости мембранной инкапсуляции и компартментализации на определенных стадиях абиогенеза (Kurihara et al., 2011; Strulson et al., 2012), то для всех остальных случаев каждый новый биохимический "мир", как правило, приводит к распаду неполной, но целостной картины абиогенеза и утрате её связи с формированием клетки как таковой. Поэтому, как нами указывалось выше, различное понимание того, что представляет собой возникающая под действием эмерджентных и синергетических факторов система, приводит к различию того, что подлежит моделированию.

8. Влияние специализации отраслей молекулярно-биологического знания на результат моделирования комплексных молекулярно-биологических структур: диалектические противоречия против отдельных феноменов

Как следует из вышеуказанного деления форм и стадий абиогенеза на "миры", в настоящее время имеется несколько типов моделирования предбиологических структур или протоклеток, опирающихся на разные акцентируемые свойства простейших / элементарных живых систем. Они являются коррелятами соответствующих биогенетических гипотез или представлений. Например, в случае принятия любой гипотезы в рамках теории "мира РНК", включая её компартментализованную версию (Strulson et al., 2012), моделирование основывается на рибозимах или на внедрении РНК в компартментализационную везикулу (Chen et al., 2005; Adamala, Szostak, 2013). Если модель при этом не демонстрирует каких-либо важных свойств клетки, например – шнуруется и почкуется вместо нормального деления (Fujikawa et al., 2005), то это не считается принципиально важным, так как данная модель исходно "заточена" на воспроизведение

* [GADV] – аббревиатура от названия кодирующих аминокислот, функционально замещающих основания – Gly, Ala, Asp и Val. Термин "семантиды" для кодирующих биополимеров в противовес "эписемантидам", не кодирующим биосинтез, был введен Полингом и Цукеркандлом в 1965 г. (Zuckerkindl, Pauling, 1965).

[†] По последнему пункту наиболее информативным источником является малодоступный препринт Вебера с конференции (Gordon Research Conf.) по происхождению жизни ("Origins of Life"), прошедшей 20-25.12.2008 в Вентуре (Калифорния): "Sugar World Chemistry: Sugars as the Source of Energized Carbon for the Origin of Life" (SETI Institute, NASA Ames Research Center).

преимущественно одной – репликационно-самовоспроизводящейся функции на молекулярном уровне. Или же – в случае принятия опорных моделей "мира белка", логичным является моделирование формирования протоклеток на основе нуклеации белка (Rapis, 2005), либо получение безмембранных модельных структур на основе пептидно-нуклеотидных микрокапель (Koga et al., 2011), предполагающих ненужность собственно нуклеинового генома и мембран или только генома, ибо функции мембраны может выполнять некий сурфактант (для чего могут быть достаточными минимальные, нанометровые размеры «клеток» (Rasmussen et al., 2003, 2004)). Любые упрощения подобного рода либо игнорируют целостность процесса и формы, имплементированной в клеточной «конституции», либо не отвечают на вопрос о причинах и предпосылках возникновения тех или иных структур в составе целого. Допустим, появление одновременно нескольких регулирующих систем – внутренне-противоречивый для системы в целом факт; если не учитывать наличие обратных связей в процессе формирования клетки – невозможный, однако возможный при учёте явлений синхронизации из синергетической области, а также диалектических противоречий, вынуждающих протоклетку к совмещению данных регуляторных систем в рамках компенсаторной реакции или принципа Ле-Шателье в общефилософской его трактовке.

Увы, для историков науки последних десятилетий стало общим местом спекулятивное апеллирование к дискретной структуре познавательного процесса в отдельных отраслях, проявляющейся в резкой смене исторически сложившихся парадигм (по Куну) под грузом накопившихся противоречий. Согласно этим воззрениям, нормальная наука, способная описывать любые факты, появляющиеся в ходе исследований, в рамках имеющихся представлений, накапливая «аномалии» или «необъяснимые факты» формирует множество противоборствующих школ, превращаясь при этом в "экстраординарную науку", которая затем неизбежно претерпевает научную революцию, то есть смену парадигм, объясняющих те же объективно регистрируемые факты. По факту же, при эволюции науки о комплексных системах, например – молекулярной и клеточной биологии, происходит не только эволюция в рамках диалектики отрицания и далее отрицания отрицания, но и перестановка акцентов, не отрицающая остальные компоненты системы, но как бы абстрагирующаяся от них. Если, как это произошло с молекулярной биологией процессов аутопоэза и ранней молекулярной (предбиологической) эволюции, стороны начинают упорствовать, подобно спору мудрецов в известной греческой притче (концептуально сводимому к спору из сценария «Крылья, ноги и хвосты» А.А. Иванова: «– Крылья, крылья... Ноги! – Ноги, крылья... Главное – хвост!»), то в результате суммарный выигрыш в рамках теории игр уменьшается, а кооперативность как фактор эмерджентной самоорганизации системы исчезает.

Результат этого проявляется в формировании противоречащих друг другу теорий, никак не вяжущихся с наблюдаемым комплексом фактов настолько, что естественная вероятность возникновения и существования объекта исследования в наблюдаемом виде при принятии всех необходимых допущений одновременно устремляется к нулю. Между тем, интеграция их, в противовес распространённому мнению, ведёт не к усугублению противоречий, а к полной компенсации контрадикторных факторов – тем более полной, чем более полный факторный комплекс закладывается в основу, то есть – чем меньше величина абстрагирования в модели и декомпозиции в схеме взаимодействия в ней.

Вместо заключения (результаты дискуссии с гуманитарной аудиторией)

Анализ постмодернистской литературы, аргументирующей различные положения в рамках теории структуры научных революций Куна и близкородственных построений Фуко, создает неизгладимое впечатление в том, что авторы применяют этот подход бессистемно, исходя из моды этого концепта в гуманитарных кругах, не делая при этом попыток понять элементарные естественнонаучные следствия из диктуемых ею выводов. Между тем, любая смена воззрений в любой из естественных наук влечет за собой также смену модельных представлений в целом ряде её смежных субдисциплин, причем происходящие на стадии перехода данной науки в "экстраординарную" фазу развития дробления школ и почкования подчиненных направлений неизбежно ведут также к количественному умножению версий парадигм в этих смежных дисциплинах. Соответственно, результаты моделирования клетки могут быть достаточно положительными только при переходе к интегральному подходу, что

требует качественно иного – не индивидуалистического (т.е. не «новый конкретный world и новая конкретная omics-ная отрасль в тренде как панацея для объяснения всего абиогенеза с полным подавлением потребности в биохимии всех кто мыслит иначе», а «комплексировать всё известное, чтобы преодолеть возможные противоречия и недоговорки каждого концепта знания»). Эгоистичная и монополизированная, но при этом отгороженная от соперников по источникам ассигнований только путём ограничения областей собственной компетентности, очередная «омика», порождающая очередной предварительно отграниченный её границей «world», не сможет привести к пониманию появления всего, что находится за этой границей, следовательно – абиогенеза и морфопоэза (прото-)клетки в целом. Следовательно, ответ на вопрос о происхождении клеточной жизни в рамках молекулярной биологии ограничен как целое не только объективным уровнем развития науки (базисом), но и «эпистемологической надстройкой», обусловленной, во-первых, редукционистским характером системы познания в условиях конкурирующего за ресурсы / статус научного мира (по субъективным причинам, со смыслом науки никак не связанным), а во-вторых, первопричиной этой конкуренции как базиса – а именно политэкономическим устройством капитализма эпохи постмодернизма, в силу которого личное выживание школ ставится выше поиска непротиворечивой истины, а истинность как предельная цель понимания подменяется множеством подножных «истин», выбор из набора которых часто осуществляется по имиджевым соображениям успешности в их продвижении, а не целостностью аспектов аргументации в рамках системы естественных наук («кто опубликовал результат в “Nature” – более прав, чем тот, кто сделал это в “Origin of Life and Evolution of Biosphere”; кто получил грант Европейского Агентства или в системе NIH, по определению, более прав, чем тот, кто пытался сделать что-то в Восточной Европе за счёт имеющейся инфраструктуры или в КНР на скопированных приборах – бренды которых отличны от престижных). Неконтролируемая метания и реификация терминов в рамках системы постмодерна приводит к несовместимости интерпретаций (и невозпроизводимости механизмов соответствующих эффектов *ceteris paribus*) и возникновению контрадикторных концептов, не являющихся в корне противоречивыми, но становящихся не дополняющими, а конкурирующими – в силу социальной организации науки вышеуказанного современного периода. «Внутренняя логика мифа», не дающего прийти к разрешению в целом проблемы абиогенеза не может быть преодолена без преодоления «логики мифа» организации науки и общества в целом, обеспечивающего их стабильность, несмотря на наличие внутренних противоречий, по факту, ведущих к стагнации в объективных потребностях, удовлетворение которых возможно только в рамках коллективизма и кооперации групп на пути к цели. Цель разрешения проблем абиогенеза может быть в принципе решена только соответствующими ей средствами, являющимися формой по отношению к содержанию объекта исследования – «мультиагентной» и мультипараметрической биологической системы. Следовательно, цель эта будет сознательно достигнута только на том уровне, когда «развитие производительных сил», определяемое организацией труда, не содержащей противоречий, препятствующих её реализации, станет адекватным цели – когда степень коллективизма между отдельными (по организации труда/субординации и объекту исследования) группами (хотя бы отсутствие конкуренции за «материальный ресурс индивидуального потребления» и нематериальный/статусный профит, заставляющее бороться против очевидных, но невыгодных положений, а иным – доказывать целесообразность комплексного подхода там, где она является общим местом, но отрицается из-за индуцируемого ею «сужения кормовой базы» и необходимой, но воспринимаемой как посягательство «коллективизации» работы в рамках интегральных программ) будет соответствовать комплексности объекта, части которого ими исследуются. Это соответствует экстраполяции на структуры исследований закона Конвея для системного программирования: организации, создающие системы, ограничены дизайном, копирующим структуры коммуникации в организации*.

* Точ. цит.: "organizations which design systems ... are constrained to produce designs which are copies of the communication structures of these organizations" (Conway, 1968) или в выражении J.O. Coplien и N.B. Harrison: «If the parts of an organization (e.g., teams, departments, or subdivisions) do not closely reflect the essential parts of the product, or if the relationship between organizations do not reflect the relationships between product parts, then the project will be in trouble... Therefore: Make sure the organization is compatible with the product architecture».

Благодарности

Работа является расшифровкой презентации эпистемологического семинара 2013 года, выполненной с участием некоторых коллег автора данной работы. Автор благодарит коллег за помощь в библиографической корректуре. Автор также благодарит зарубежных коллег за доступ к литературе в тот период, когда отсутствие перегрузки отчётностью в рамках ФАНО ещё позволяло делать не только практические работы, но и приходиться к общим проблемам с целями, направленными на интегральную перспективу науки, а не отдельного государства/корпорации. Со второй половины 2013 года семинара не существует, а в последние годы это направление научного творчества является невостребованным в силу отсутствия отдачи для практики – импортозамещения и наукометрии. *An nescis, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur? ...Animus quod perdidit optat, Atque in praeterita se totus imagine versat!*

Литература

- [Герцен, 1946](#) – Герцен А.И. Письма об изучении природы. 316 с., М., ОГИЗ, 1946.
- [Ленин, 1933](#) – Ленин В.И. Философские тетради. 475 с., Ин-тут Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), Партийное издательство, Москва, 1933.
- [Энгельс, 1930](#) – Энгельс Ф. Диалектика природы (в сер. "Библиотека научного социализма" под общ. ред. Д. Рязанова). 380 с., Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Государственное издательство (Ленинградский Областлит), 1930.
- [Adamala, Szostak, 2013](#) – Adamala K., Szostak J.W. Competition between model protocells driven by an encapsulated catalyst. *Nat Chem.*, 2013, Vol. 5, Is. 6, pp. 495-501.
- [Andras, Andras, 2005](#) – Andras P., Andras C. The origins of life – the 'protein interaction world' hypothesis: protein interactions were the first form of self-reproducing life and nucleic acids evolved later as memory molecules. *Medical Hypotheses*, 2005, Vol. 64, pp. 678-688.
- [Andreä, 1616](#) – Andreä J.V. Chymische Hochzeit Christiani Rosencreuetz anno 1459. Arcana publicata vilescunt & gratiam prophanata amittunt. Ergo ne Margaritas objice porcis, seu Asino substerne rosas. 143 p., "Verläg. Lazari Zetzners", Straßburg, 1616.
- [Argemi, Rossetto, 1983](#) – Argemi J., Rossetto B. Solutions périodiques discontinues pour l'approximation singulière d'un modèle neurophysiologique dans R_4 – une métaphore dans R_3 avec chaos. *Journal of Mathematical Biology*, 1983, Vol. 17, Is. 1, pp. 67-92.
- [Bar-Even et al., 2005](#) – Bar-Even A., Shenhav B., Kafri R., Lancet D. The Lipid World: from catalytic and informational headgroups to micelle replication and evolution without nucleic acids. In: *Life in the Universe*, Ed. by J. Seckbach, Kluwer Academic Publishers. The Netherlands, 2005, pp. 111-114.
- [Black, 1962](#) – Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Cornell University Press, Ithaca, New York, 1962, 268 p.
- [Bortoff, 1996](#) – Bortoff H. The Wholeness of Nature: Goethe's Way Toward a Science of Conscious Participation in Nature. Lindisfarne Press, Aurora, Colorado, 1996, 407 p.
- [Brooks et al., 1988](#) – Brooks C.L., Karplus M., Pettitt B.M. Proteins: A Theoretical Perspective of Dynamics, Structure, and Thermodynamics.. John Wiley & Sons, New York, Chichester, Brisbane, Tronto, Singapore, 1988, 260 p.
- [Caetano-Anolles et al., 2009](#) – Caetano-Anolles G., Wang M., Caetano-Anolles D., Mittenthal J.E. The origin, evolution and structure of the protein world. *Biochem. Journ.*, 2009, Vol. 417, pp. 621-637.
- [Canguilhem, 2000](#) – Canguilhem G. A Vital Rationalist. Zone Books, New York, 2000, 482 p.
- [Chen et al., 2005](#) – Chen I.A., Salehi-Ashtiani K., Szostak J.W. RNA catalysis in model protocell vesicles. *Journ. Am. Chem. Soc.*, 2005, Vol. 127, Is. 38, pp. 13213-13219.
- [Church, Regis, 2012](#) – Church G.M., Regis E. Regenesi: How Synthetic Biology Will Reinvent Nature and Ourselves. Basic Books (PB Groop), New York, 2012, 304 p.
- [Conway, 1968](#) – Conway M.E. How do Committees Invent? *Datamation*, 1968, Vol. 14, Is. 5, pp. 28-31.
- [Dijksterhuis, 1956](#) – Dijksterhuis E.J. Die Mechanisierung des Weltbildes. Springer, Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1956, 594 p.
- [Dijksterhuis, 1961](#) – Dijksterhuis E.J. The Mechanization of the World Picture. Clarendon Press, Oxford, 1961, 539 p.

- [Dragoman, Dragoman, 2004](#) – *Dragoman D., Dragoman M.* Quantum-Classical Analogies. Springer, Berlin, Heidelberg, New York, 2004, 347 p.
- [Eliasmith, 2013](#) – *Eliasmith C.* How to Build a Brain: A Neural Architecture for Biological Cognition. Oxford University Press, Oxford, New York, 2013, 480 p.
- [Engels, 2012](#) – *Engels F.* Dialectics of Nature. Wellred, London, 2012, 410 p.
- [Ferris, 1999](#) – *Ferris J.P.* Prebiotic Synthesis on Minerals: Bridging the Prebiotic and RNA Worlds. *Biol. Bull.*, 1999, Vol. 196, pp. 311-314.
- [Fujikawa et al., 2005](#) – *Fujikawa S.M., Chen I.A., Szostak J.W.* Shrink-wrap vesicles. *Langmuir*, 2005, Vol. 21, Is. 26, pp. 12124-12129.
- [Geary, 2012](#) – *Geary J.* I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How It Shapes the Way We See the World. Harper Coll. Pub. New York, 2012, 320 p.
- [Gigante, 2009](#) – *Gigante D.* Life: Organic Form and Romanticism. Yale University Press, New Haven. London, 2009. 336 p.
- [Goodsell, 2010](#) – *Goodsell D.S.* The Machinery of Life. Springer – Copernicus, 2010. 168 p.
- [Haraway, 2004](#) – *Haraway D.J.* Crystals, Fabrics, and Fields: Metaphors That Shape Embryos. North Atlantic Books, Berkeley, 2004, 256 p.
- [Harman, Sahtorius, 1998](#) – *Harman W., Sahtorius E.* Biology Revisioned Paperback. North Atlantic Books, Berkeley, 1998, 320 p.
- [Herzen, 2004](#) – *Herzen A.* Letters on the Study of Nature. University Press of the Pacific, Honolulu, Hawaii, 2004. 216 p.
- [Hoffman, 2008](#) – *Hoffman H.* The Physics of Warm Nuclei: With Analogies to Mesoscopic Systems. Oxford University Press, Oxford, New York, 2008, 624 p.
- [Ikehara, 2005](#) – *Ikehara K.* Possible steps to the emergence of life: the [GADV]-protein world hypothesis. *Chem Record*, 2005, Vol. 5, Is. 2, pp. 107-118.
- [Keller, 2003](#) – *Keller E.F.* Making Sense of Life: Explaining Biological Development with Models, Metaphors, and Machines. Harvard University Press, Cambridge, London, 2003, 400 p.
- [Keller, 1995](#) – *Keller E.F.* Refiguring Life: Metaphors of Twentieth-Century Biology. Columbia University Press, Irvine, New York, Chichester, 1995, 134 p.
- [Koga et al., 2011](#) – *Koga S., Williams D.S., Perriman A.W., Mann S.* Peptide/nucleotide Micro-droplets as a Step Towards a Membrane-free Protocell Model. *Nature Chemistry*, 2011, 3: 720-724.
- [Koonin et al., 2006](#) – *Koonin E.V., Senkevich T.G., Dolja V.V.* The ancient Virus World and evolution of cells. *Biol Direct.*, 2006, Sep 19, 1: 29.
- [Koonin, 2009](#) – *Koonin E.V.* On the origin of cells and viruses: primordial virus world scenario. *Ann NY Acad Sci.*, 2009 Oct, 1178: 47-64. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2009.04992.x
- [Kurihara et al., 2011](#) – *Kurihara K., Tamura M., Shohda K., Toyota T., Suzuki K., Sugawara T.* Self-reproduction of supramolecular giant vesicles combined with the amplification of encapsulated DNA. *Nat Chem.*, Sep 4, 3(10): 775-81.
- [Labica, 1996](#) – *Labica G.* Karl Marx: Thesen über Feuerbach. Argument Verlag, Hamburg, 1996, 150 p.
- [Larralde et al., 1995](#) – *Larralde R., Robertson M.P., Miller S.L.* Rates of decomposition of ribose and other sugars: Implications for chemical evolution (RNA world/pre-RNA world/ribose stability). *PNAS USA*, 1995, Vol. 92, pp. 8158-8160.
- [Lass, 1988](#) – *Lass R.* Biological Metaphor and Cladistic Classification: An Interdisciplinary Approach by Henry Hoenigswald; Linda F. Weiner. *Journal of Linguistics*, 1988, Vol. 25, No. 2, pp. 490-493.
- [Lehn, 1996](#) – *Lehn J.-M.* Supramolecular Self-Organization and the Helicate World. *Origins of life and evolution of the biosphere*, 1996, Vol. 26, Is. 3-5: 299.
- [Leinfellner, 1966](#) – *Leinfellner W.* Die Entstehung der Theorie: Eine Analyse des kritischen Denkens in der Antike. Verlag Karl Albert, Freiburg, München, 1966, 207 p.
- [Lenin, 2002](#) – *Lenin V.I.* Materialism and Empirio-Criticism: Critical Comments on a Reactionary Philosophy. University Press of the Pacific, 2002, 391 p.
- [Lenin, 1961](#) – *Lenin V.I.* Philosophical notebooks (Translated by Clemens Dutt / Ed. by Stewart Smith). Collected works, Vol. 38, Lawrence & Wishart, London, 1961.
- [Losev, 2003a](#) – *Losev A.F.* The Dialectics of Myth. Routledge, London, New York, 2003, 318 p.

- [Losev, 2003b](#) – *Losev A.F.* Twelve Theses on Antique Culture. *Arion. A Journal of Humanities and the Classics*, 2003, 3rd Ser., Vol. 11, Is. 1, pp. 55-70.
- [Luisi, 2010](#) – *Luisi P.L.* The Emergence of Life: From Chemical Origins to Synthetic Biology. Cambridge University Press, Cambridge, New York, 2010, 315 p.
- [Matthews, 2005](#) – *Matthews C.* The HCN World. Establishing Protein – Nucleic Acid Life via Hydrogen Cyanide Polymers. *Origins; Cellular Origin, Life in Extreme Habitats and Astrobiology*, 2005, Vol. 6, II, 121-135.
- [Mattis, 2006](#) – *Mattis D.C.* The Theory of Magnetism Made Simple: An Introduction To Physical Concepts And To Some Useful Mathematical Methods. World Scientific Publishing Company, Singapore, 2006, 580 p.
- [Matveev, Wheatley, 2005](#) – *Matveev V.V., Wheatley D.N.* "Fathers" and "sons" of theories in cell physiology: the membrane theory. *Cellular and Molecular Biology*, 2005, Vol. 51, Is. 8, pp. 797-801.
- [McCarthy, 2003](#) – *McCarthy A.A.* Metaphore Pharmaceuticals: mimicking nature's enzyme. *Chem. Biol.*, 2003, Vol. 10, Is. 12, pp. 1139-1140.
- [Merry, 1995](#) – *Merry U.* Coping with Uncertainty: Insights from the New Sciences of Chaos, Self-Organization, and Complexity. Praeger, Westport, Connecticut, London, 1995, 224 p.
- [Moore, 2006](#) – *Moore G.* Nietzsche, Biology and Metaphor. Cambridge University Press, Cambridge, New York, 2006, 240 p.
- [Mulkiđjanian, Galperin, 2009](#) – *Mulkiđjanian A.Y., Galperin M.Y.* On the origin of life in the Zinc world. 2. Validation of the hypothesis on the photosynthesizing zinc sulfide edifices as cradles of life on Earth. *Biology Direct*, 2009, Vol. 4(27), 37 p.
- [Mulkiđjanian, 2009](#) – *Mulkiđjanian A.Y.* On the origin of life in the Zinc world: 1. Photosynthesizing, porous edifices built of hydrothermally precipitated zinc sulfide as cradles of life on Earth. *Biology Direct*, 2009, Vol. 4(26): 39.
- [Newman, 2004](#) – *Newman W.R.* Promethean Ambitions: Alchemy and the Quest to Perfect Nature. University Of Chicago Press, Chicago, London, 2004, 352 p.
- [Plavilscikov, 1962](#) – *Plavilscikov N.N.* Homunculus: Schițe din istoria biologie. "Ed. tineretului", București, 1962, 517 p.
- [Povh, Rosina, 2005](#) – *Povh B., Rosina M.* Scattering and Structures: Essentials and Analogies in Quantum Physics "Springer", Berlin, Heidelberg, New York, 2005, 264 p.
- [Pross, 2012](#) – *Pross A.* What is Life? How Chemistry becomes Biology. "Oxford University Press", Oxford, New York, 2012, 256 p.
- [Rajeev, 2013](#) – *Rajeev S.G.* (2013). Advanced Mechanics: From Euler's Determinism to Arnold's Chaos. "Oxford University Press", Oxford, 2013, 184 p.
- [Rapis, 2005](#) – *Rapis E.* On the problem of nucleation (cell formation) in self-organization of protein nanostructures in vitro and in vivo. *Technical Physics*, 2005, Vol. 50, Is. 6, pp. 780-786.
- [Rasmussen et al., 2004](#) – *Rasmussen, S., Chen, L., Deamer, D., Krakauer, D., Packard, N., Stadler, P., Bedau, M.* Transitions between nonliving and living matter. *Science*, 2004, Vol. 303, Is. 5660, pp. 963-965.
- [Rasmussen et al., 2003](#) – *Rasmussen S., Chen L., Nilsson M., Abe S.* Bridging nonliving and living matter. *Artif Life*, 2003, Vol. 9, Is. 3, pp. 269-316.
- [Regis, 2008](#) – *Regis E.* What Is Life? Investigating the Nature of Life in the Age of Synthetic Biology "Farrar, Straus and Giroux", New York, 2008, 208 p.
- [Resnik, 2000](#) – *Resnik M.D.* Mathematics As a Science of Patterns. Oxford University Press, Oxford, New York, 2000, 304 p.
- [Rey, 1908](#) – *Rey A.* La philosophie moderne. Flammarion, Paris, 1908, 372 p.
- [Richards, 2004](#) – *Richards R.J.* The Romantic Conception of Life: Science and Philosophy in the Age of Goethe. University Of Chicago Press, Chicago, London, 2004, 600 p.
- [Salmon, 1984](#) – *Salmon W.C.* Scientific Explanation and the Causal Structure of the World. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1984, 321 p.
- [Scherer, Fisher, 2010](#) – *Scherer P.O.J., Fisher S.F.* Theoretical Molecular Biophysics. "Springer", Heidelberg, Dordrecht, London, New York, 2010, 373 p.
- [Sedley, 2008](#) – *Sedley D.* Creationism and Its Critics in Antiquity. "University of California Press", Berkley, Los Angeles, London, 2008, 296 p.

- Segre et al., 2001 – Segre D., Ben-Eli D. Deamer D., Lancet D. The Lipid World. *Origins Life. Evol. Biosphere*, 2001, Vol. 31, pp. 119-145.
- Shapiro, 2000 – Shapiro S. *Philosophy of Mathematics: Structure and Ontology*. Oxford University Press, Oxford, New York, 2000, 296 p.
- Simmons, 2011 – Simmons H. *An Introduction to Category Theory*. Oxford University Press, Oxford, New York, 2011, 234 p.
- Spirin, 2010 – Spirin A.S. Ancient RNA world. *Paleontological Journal*, 2010, Vol. 44, Is. 7, pp. 737-746.
- Spirin, 2005 – Spirin A.S. The RNA World and Its Evolution. *Molecular Biology*, 2005, Vol. 39, Is. 4, pp. 466-472.
- Strick, 2002 – Strick J.E. *Sparks of Life: Darwinism and the Victorian Debates over Spontaneous Generation*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, 2002. 304 p.
- Strulson et al., 2012 – Strulson C.A., Molden R.C., Keating C.D., Bevilacqua P.C. RNA catalysis through compartmentalization. *Nat Chem.*, 2012, Nov., 4(11): 941-6.
- Tauber, Chernyak, 1991 – Tauber A.I., Chernyak L. *Metchnikoff and the Origins of Immunology: From Metaphor to Theory*. "Oxford University Press", New York, Oxford, 1991, 280 p.
- Traube, 1864 – Traube M. Experimente zur Theorie der Zellenbildung. Vorläufige Mitteilung. "Zentralblatt f. d. med. Wissenschaften", No. 39, 1864, pp. 200-206.
- Traube, 1866 – Traube M. Über homogene Membranen und deren Einfluß auf die Endosmose. Vorläufige Mitteilungen. Zentralblatt f. d. med. Wissenschaften, 1866, No. 7 u. 8, pp. 207-212.
- Traube, 1867 – Traube M. Experimente zur Theorie der Zellenbildung und Endosmose. Archiv für Anatomie, Physiologie und wissenschaftliche Medizin (Mull. Arch.), 1867, pp. 87-165.
- Traube, 1867 – Traube M. Experimente zur Theorie der Zellenbildung und Endosmose. Reichert's u. du Bois-Reymond's Archiv, 1867, pp. 213-277.
- Traube, 1874 – Traube M. Experimente zur physikalischen Erklärung der Bildung der Zellhaut, ihres Wachstums durch Intussusception und des Aufwärtswachsens der Pflanzen. (Rede, gehalten in der botanischen Sektion der 47. "Versammlung deutscher Naturforscher u. Ärzte" (Breslau, 23.9.1874), 1874, pp. 282-295.
- Valiant, 2013 – Valiant L. *Probably Approximately Correct: Nature's Algorithms for Learning and Prospering in a Complex World*. 208 p., Basic Books (Perseus Book Group), New York, 2013.
- Weber, 1991 – Weber A.L. Energy from redox disproportionation of sugar carbon drives biotic and abiotic synthesis. *Journ. Molecular Evolution*, 1991, Vol. 44, pp. 354-360.
- Weber, 1996 – Weber A.L. The metabolic world; sugars as an energized carbon substrate for prebiotic and biotic synthesis. *Origins of life and evolution of the biosphere*, 1996, Vol. 26, Is. 3-5, pp. 466-467.
- Weiner, 2008 – Weiner R.M. *Analogies in Physics and Life: A Scientific Autobiography*. World Scientific Publishing Company, Singapore, 2008, 436 p.
- Yanofsky, 2013 – Yanofsky N.S. *The Outer Limits of Reason: What Science, Mathematics, and Logic Cannot Tell Us*. The MIT Press, Cambridge, 2013, 424 p.
- Yu et al., 2012 – Yu H., Zhang S., Chaput J.C. Darwinian evolution of an alternative genetic system provides support for TNA as an RNA progenitor. *Nature Chemistry*, 2012, Vol. 4, Is. 3, pp. 183-187.
- Zuckerandl, Pauling, 1965 – Zuckerandl E., Pauling L. Molecules as documents of evolutionary history. *J. Theor. Biol.*, 1965, Vol. 8(2), pp. 357-366.

References

- Adamala, Szostak, 2013 – Adamala K., Szostak J.W. (2013). Competition between model protocells driven by an encapsulated catalyst. *Nat Chem.*, Vol. 5, Is. 6, pp. 495-501.
- Andras, Andras, 2005 – Andras P., Andras C. (2005). The origins of life – the 'protein interaction world' hypothesis: protein interactions were the first form of self-reproducing life and nucleic acids evolved later as memory molecules. *Medical Hypotheses*, Vol. 64, pp. 678-688.
- Andreä, 1616 – Andreä J.V. (1916). *Chymische Hochzeit Christiani Rosencreuetz anno 1459. Arcana publicata vilescunt & gratiam prophanata amittunt. Ergo ne Margaritas objice porcis, seu Asino substerne rosas*. 143 p., "Verl. Lazari Zetzners", Straßburg.

[Argemi, Rossetto, 1983](#) – *Argemi J., Rossetto B.* (1983). Solutions périodiques discontinues pour l'approximation singulière d'un modèle neurophysiologique dans R_4 – une métaphore dans R_3 avec chaos. *Journal of Mathematical Biology*, Vol. 17, Is. 1, pp. 67-92.

[Bar-Even et al., 2005](#) – *Bar-Even A., Shenhav B., Kafri R., Lancet D.* (2005). The Lipid World: from catalytic and informational headgroups to micelle replication and evolution without nucleic acids. In: *Life in the Universe*, Ed. by J. Seckbach, Kluwer Academic Publishers. The Netherlands, pp. 111-114.

[Black, 1962](#) – *Black M.* (1962). *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*. Cornell University Press, Ithaca, New York, 268 p.

[Bortoff, 1996](#) – *Bortoff H.* (1996). *The Wholeness of Nature: Goethe's Way Toward a Science of Conscious Participation in Nature*. Lindisfarne Press, Aurora, Colorado, 407 p.

[Brooks et al., 1988](#) – *Brooks C.L., Karplus M., Pettitt B.M.* (1988). *Proteins: A Theoretical Perspective of Dynamics, Structure, and Thermodynamics*. John Wiley & Sons, New York, Chichester, Brisbane, Tronto, Singapore, 260 p.

[Caetano-Anolles et al., 2009](#) – *Caetano-Anolles G., Wang M., Caetano-Anolles D., Mittenthal J.E.* (2009). The origin, evolution and structure of the protein world. *Biochem. Journ.*, Vol. 417, pp. 621-637.

[Canguilhem, 2000](#) – *Canguilhem G.* (2000). *A Vital Rationalist*. Zone Books, New York, 482 p.

[Chen et al., 2005](#) – *Chen I.A., Salehi-Ashtiani K., Szostak J.W.* (2005). RNA catalysis in model protocell vesicles. *Journ. Am. Chem. Soc.*, Vol. 127, Is. 38, pp. 13213-13219.

[Church, Regis, 2012](#) – *Church G.M., Regis E.* (2012). *Regenesi: How Synthetic Biology Will Reinvent Nature and Ourselves*. Basic Books (PB Groop), New York, 304 p.

[Conway, 1968](#) – *Conway M.E.* (1968). How do Committees Invent? *Datamation*, Vol. 14, Is. 5, pp. 28-31.

[Dijksterhuis, 1956](#) – *Dijksterhuis E.J.* (1956). *Die Mechanisierung des Weltbildes*. Springer, Berlin, Göttingen, Heidelberg, 594 p.

[Dijksterhuis, 1961](#) – *Dijksterhuis E.J.* (1961). *The Mechanization of the World Picture*. Clarendon Press, Oxford, 539 p.

[Dragoman, Dragoman, 2004](#) – *Dragoman D., Dragoman M.* (2004). *Quantum-Classical Analogies*. Springer, Berlin, Heidelberg, New York, 347 p.

[Eliasmith, 2013](#) – *Eliasmith C.* (2013). *How to Build a Brain: A Neural Architecture for Biological Cognition*. Oxford University Press, Oxford, New York, 480 p.

[Engel's, 1930](#) – *Engel's F.* (1930). *Dialektika prirody [The Dialectic of Nature]*. (v ser. "Biblioteka nauchnogo sotsializma" pod obshch. red. D. Ryazanova). Institut K. Marksa i F. Engel'sa. Gosudarstvennoe izdatel'stvo (Leningradskii Oblastlit), 380 p. [in Russian]

[Engels, 2012](#) – *Engels F.* (2012). *Dialectics of Nature*. Wellred, London, 410 p.

[Ferris, 1999](#) – *Ferris J.P.* (1999). Prebiotic Synthesis on Minerals: Bridging the Prebiotic and RNA Worlds. *Biol. Bull.*, Vol. 196, pp. 311-314.

[Fujikawa et al., 2005](#) – *Fujikawa S.M., Chen I.A., Szostak J.W.* (2005). Shrink-wrap vesicles. *Langmuir*, Vol. 21, Is. 26, pp. 12124-12129.

[Geary, 2012](#) – *Geary J.* (2012). *I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How It Shapes the Way We See the World*. Harper Coll. Pub. New York, 320 p.

[Gertsen, 1946](#) – *Gertsen A.I.* (1946). *Pis'ma ob izuchenii prirody [Letters on the study of nature]*. M., OGIZ, 316 p. [in Russian]

[Gigante, 2009](#) – *Gigante D.* (2009). *Life: Organic Form and Romanticism*. Yale University Press, New Haven. London, 336 p.

[Goodsell, 2010](#) – *Goodsell D.S.* (2010). *The Machinery of Life*. Springer – Copernicus, 168 p.

[Haraway, 2004](#) – *Haraway D.J.* (2004). *Crystals, Fabrics, and Fields: Metaphors That Shape Embryos*. North Atlantic Books, Berkeley, 256 p.

[Harman, Sahtorius, 1998](#) – *Harman W., Sahtorius E.* (1998). *Biology Revisioned Paperback*. North Atlantic Books, Berkeley, 320 p.

[Herzen, 2004](#) – *Herzen A.* (2004). *Letters on the Study of Nature*. University Press of the Pacific, Honolulu, Hawaii, 216 p.

[Hoffman, 2008](#) – *Hoffman H.* (2008). *The Physics of Warm Nuclei: With Analogies to Mesoscopic Systems*. Oxford University Press, Oxford, New York, 624 p.

Ikehara, 2005 – Ikehara K. (2005). Possible steps to the emergence of life: the [GADV]-protein world hypothesis. *Chem Record*, Vol. 5, Is. 2, pp. 107-118.

Keller, 1995 – Keller E.F. (1995). *Refiguring Life: Metaphors of Twentieth-Century Biology*. Columbia University Press, Irvine, New York, Chichester, 134 p.

Keller, 2003 – Keller E.F. (2003). *Making Sense of Life: Explaining Biological Development with Models, Metaphors, and Machines*. Harvard University Press, Cambridge, London, 400 p.

Koga et al., 2011 – Koga S., Williams D.S., Perriman A.W., Mann S. (2011). Peptide/nucleotide Micro-droplets as a Step Towards a Membrane-free Protocell Model. *Nature Chemistry*, 3: 720-724.

Koonin et al., 2006 – Koonin E.V., Senkevich T.G., Dolja V.V. (2006). The ancient Virus World and evolution of cells. *Biol Direct.*, Sep 19, 1: 29.

Koonin, 2009 – Koonin E.V. (2009). On the origin of cells and viruses: primordial virus world scenario. *Ann N Y Acad Sci.*, Oct, 1178: 47-64. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2009.04992.x

Kurihara et al., 2011 – Kurihara K., Tamura M., Shohda K., Toyota T., Suzuki K., Sugawara T. (2011). Self-reproduction of supramolecular giant vesicles combined with the amplification of encapsulated DNA. *Nat Chem.*, Sep 4, 3(10): 775-81.

Labica, 1996 – Labica G. (1996). *Karl Marx: Thesen über Feuerbach*. Argument Verlag, Hamburg, 150 p.

Larralde et al., 1995 – Larralde R., Robertson M.P., Miller S.L. (1995). Rates of decomposition of ribose and other sugars: Implications for chemical evolution (RNA world/pre-RNA world/ribose stability). *PNAS USA*, Vol. 92, pp. 8158-8160.

Lass, 1988 – Lass R. (1988). Biological Metaphor and Cladistic Classification: An Interdisciplinary Approach by Henry Hoenigswald; Linda F. Weiner. *Journal of Linguistics*, Vol. 25, No. 2, pp. 490-493.

Lehn, 1996 – Lehn J.-M. (1996). Supramolecular Self-Organization and the Helicate World. *Origins of life and evolution of the biosphere*, Vol. 26, Is. 3-5: 299.

Leinfellner, 1966 – Leinfellner W. (1966). *Die Entstehung der Theorie: Eine Analyse des kritischen Denkens in der Antike*. Verlag Karl Albert, Freiburg, München, 207 p.

Lenin, 1933 – Lenin V.I. (1933). *Filosofskie tetrad [Philosophical notebooks]*. In-tut Marksa-Engel'sa-Lenina pri TsK VKP(b). Partiinoe izdatel'stvo, M. 475 p. [in Russian]

Lenin, 1961 – Lenin V.I. (1961). *Philosophical notebooks* (Translated by Clemens Dutt. Ed. by Stewart Smith). *Collected works*, Vol. 38, Lawrence & Wishart, London.

Lenin, 2002 – Lenin V.I. (2002). *Materialism and Empirio-Criticism: Critical Comments on a Reactionary Philosophy*. University Press of the Pacific, 391 p.

Losev, 2003a – Losev A.F. (2003). *The Dialectics of Myth*. Routledge, London, New York, 318 p.

Losev, 2003b – Losev A.F. (2003). Twelve Theses on Antique Culture. *Arion. A Journal of Humanities and the Classics*, 3rd Ser., Vol. 11, Is. 1, pp. 55-70.

Luisi, 2010 – Luisi P.L. (2010). *The Emergence of Life: From Chemical Origins to Synthetic Biology*. Cambridge University Press, Cambridge, New York, 315 p.

Matthews, 2005 – Matthews C. (2005). The HCN World. Establishing Protein – Nucleic Acid Life via Hydrogen Cyanide Polymers. *Origins; Cellular Origin, Life in Extreme Habitats and Astrobiology*, Vol. 6, II., 121-135.

Mattis, 2006 – Mattis D.C. (2006). *The Theory of Magnetism Made Simple: An Introduction To Physical Concepts And To Some Useful Mathematical Methods*. World Scientific Publishing Company, Singapore, 580 p.

Matveev, Wheatley, 2005 – Matveev V.V., Wheatley D.N. (2005). "Fathers" and "sons" of theories in cell physiology: the membrane theory. *Cellular and Molecular Biology*, Vol. 51, Is. 8, pp. 797-801.

McCarthy, 2003 – McCarthy A.A. (2003). Metaphore Pharmaceuticals: mimicking nature's enzyme. *Chem. Biol.*, Vol. 10, Is. 12, pp. 1139-1140.

Merry, 1995 – Merry U. (1995). *Coping with Uncertainty: Insights from the New Sciences of Chaos, Self-Organization, and Complexity*. Praeger, Westport, Connecticut, London, 224 p.

Moore, 2006 – Moore G. (2006). *Nietzsche, Biology and Metaphor*. Cambridge University Press, Cambridge, New York, 240 p.

Mulkiđjanian, 2009 – *Mulkiđjanian A.Y.* (2009). On the origin of life in the Zinc world: 1. Photosynthesizing, porous edifices built of hydrothermally precipitated zinc sulfide as cradles of life on Earth. *Biology Direct*, Vol. 4(26): 39.

Mulkiđjanian, Galperin, 2009 – *Mulkiđjanian A.Y., Galperin M.Y.* (2009). On the origin of life in the Zinc world. 2. Validation of the hypothesis on the photosynthesizing zinc sulfide edifices as cradles of life on Earth. *Biology Direct*, Vol. 4(27), 37 p.

Newman, 2004 – *Newman W.R.* (2004). *Promethean Ambitions: Alchemy and the Quest to Perfect Nature*. University Of Chicago Press, Chicago, London, 352 p.

Plavilscikov, 1962 – *Plavilscikov N.N.* (1962). *Homunculus: Schițe din istoria biologie*. "Ed. tineretului", București, 517 p.

Povh, Rosina, 2005 – *Povh B., Rosina M.* (2005). *Scattering and Structures: Essentials and Analogies in Quantum Physics* "Springer", Berlin, Heidelberg, New York, 264 p.

Pross, 2012 – *Pross A.* (2012). *What is Life? How Chemistry becomes Biology*. "Oxford University Press", Oxford, New York, 256 p.

Rajeev, 2013 – *Rajeev S.G.* (2013). *Advanced Mechanics: From Euler's Determinism to Arnold's Chaos*. "Oxford University Press", Oxford, 184 p.

Rapis, 2005 – *Rapis E.* (2005). On the problem of nucleation (cell formation) in self-organization of protein nanostructures in vitro and in vivo. *Technical Physics*, Vol. 50, Is. 6, pp. 780-786.

Rasmussen et al., 2003 – *Rasmussen S., Chen L., Nilsson M., Abe S.* (2003). Bridging nonliving and living matter. *Artif Life*, Vol. 9, Is. 3, pp. 269-316.

Rasmussen et al., 2004 – *Rasmussen, S., Chen, L., Deamer, D., Krakauer, D., Packard, N., Stadler, P., Bedau, M.* (2004). Transitions between nonliving and living matter. *Science*, Vol. 303, Is. 5660, pp. 963-965.

Regis, 2008 – *Regis E.* (2008). *What Is Life? Investigating the Nature of Life in the Age of Synthetic Biology* Farrar, Straus and Giroux", New York, 208 p.

Resnik, 2000 – *Resnik M.D.* (2000). *Mathematics As a Science of Patterns*. Oxford University Press, Oxford, New York, 304 p.

Rey, 1908 – *Rey A.* (1908). *La philosophie moderne*. Flammarion, Paris, 372 p.

Richards, 2004 – *Richards R.J.* (2004). *The Romantic Conception of Life: Science and Philosophy in the Age of Goethe*. University Of Chicago Press, Chicago, London, 600 p.

Salmon, 1984 – *Salmon W.C.* (1984). *Scientific Explanation and the Causal Structure of the World*. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 321 p.

Scherer, Fisher, 2010 – *Scherer P.O.J., Fisher S.F.* (2010). *Theoretical Molecular Biophysics*. "Springer", Heidelberg, Dordrecht, London, New York, 373 p.

Sedley, 2008 – *Sedley D.* (2008). *Creationism and Its Critics in Antiquity*. "University of California Press", Berkley, Los Angeles, London, 296 p.

Segre et al., 2001 – *Segre D., Ben-Eli D., Deamer D., Lancet D.* (2001). The Lipid World. *Origins Life. Evol. Biosphere*, Vol. 31, pp. 119-145.

Shapiro, 2000 – *Shapiro S.* (2000). *Philosophy of Mathematics: Structure and Ontology*. Oxford University Press, Oxford, New York, 296 p.

Simmons, 2011 – *Simmons H.* (2011). *An Introduction to Category Theory*. Oxford University Press, Oxford, New York, 234 p.

Spirin, 2005 – *Spirin A.S.* (2005). The RNA World and Its Evolution. *Molecular Biology*, Vol. 39, Is. 4, pp. 466-472.

Spirin, 2010 – *Spirin A.S.* (2010). Ancient RNA world. *Paleontological Journal*, Vol. 44, Is. 7, pp. 737-746.

Strick, 2002 – *Strick J.E.* (2002). *Sparks of Life: Darwinism and the Victorian Debates over Spontaneous Generation*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, 304 p.

Strulson et al., 2012 – *Strulson C.A., Molden R.C., Keating C.D., Bevilacqua P.C.* (2012). RNA catalysis through compartmentalization. *Nat Chem.*, Nov., 4(11): 941-6.

Tauber, Chernyak, 1991 – *Tauber A.I., Chernyak L.* (1991). *Metchnikoff and the Origins of Immunology: From Metaphor to Theory*. "Oxford University Press", New York, Oxford, 280 p.

Traube, 1864 – *Traube M.* (1864). *Experimente zur Theorie der Zellenbildung*. Vorläufige Mitteilung. "Zentralblatt f. d. med. Wissenschaften", No. 39, pp. 200-206.

[Traube, 1866](#) – *Traube M.* (1866). Über homogene Membranen und deren Einfluß auf die Endosmose. Vorläufige Mitteilungen. Zentralblatt f. d. med. Wissenschaften, No. 7 u. 8, pp. 207-212.

[Traube, 1867](#) – *Traube M.* (1867). Experimente zur Theorie der Zellenbildung und Endosmose. Archiv für Anatomie, Physiologie und wissenschaftliche Medizin (Mull. Arch.), pp. 87-165.

[Traube, 1867](#) – *Traube M.* (1867). Experimente zur Theorie der Zellenbildung und Endosmose. Reichert's u. du Bois-Reymond's Archiv, pp. 213-277.

[Traube, 1874](#) – *Traube M.* (1874). Experimente zur physikalischen Erklärung der Bildung der Zellhaut, ihres Wachstums durch Intussusception und des Aufwärtswachsens der Pflanzen. (Rede, gehalten in der botanischen Sektion der 47. "Versammlung deutscher Naturforscher u. Ärzte" (Breslau, 23.9.1874), pp. 282-295.

[Valiant, 2013](#) – *Valiant L.* (2013). Probably Approximately Correct: Nature's Algorithms for Learning and Prospering in a Complex World. 208 p., Basic Books (Perseus Book Group), New York.

[Weber, 1996](#) – *Weber A.L.* (1996). The metabolic world; sugars as an energized carbon substrate for prebiotic and biotic synthesis. *Origins of life and evolution of the biosphere*, Vol. 26, Is. 3-5, pp. 466-467.

[Weber, 1991](#) – *Weber A.L.* (1991). Energy from redox disproportionation of sugar carbon drives biotic and abiotic synthesis. *Journ. Molecular Evolution*, Vol. 44, pp. 354-360.

[Weiner, 2008](#) – *Weiner R.M.* (2008). Analogies in Physics and Life: A Scientific Autobiography. World Scientific Publishing Company, Singapore, 436 p.

[Yanofsky, 2013](#) – *Yanofsky N.S.* (2013). The Outer Limits of Reason: What Science, Mathematics, and Logic Cannot Tell Us. The MIT Press, Cambridge, 424 p.

[Yu et al., 2012](#) – *Yu H., Zhang S., Chaput J.C.* (2012). Darwinian evolution of an alternative genetic system provides support for TNA as an RNA progenitor. *Nature Chemistry*, Vol. 4, Is. 3, pp. 183-187.

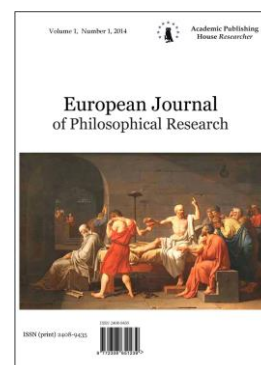
[Zuckerandl, Pauling, 1965](#) – *Zuckerandl E., Pauling L.* (1965). Molecules as documents of evolutionary history. *J. Theor. Biol.*, Vol. 8(2), pp. 357-366.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 40-53

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.40
www.ejournal17.com

Civilization Specifics of the Soviet and Modern Russia

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis the problem of civilization ownership of Russia. It is solved on the basis of use of the author's (institutional) version of civilization approach. According to it, the history Russia had three civilization embodiments: "an orthodox civilization", "a hybrid civilization moderny like" Romanov' empires and the "Soviet civilization" representing special type of industrial development. The paper analyzes the objective and subjective prerequisites of formation in the Soviet Russia "administrative – command" ("party – state") models of socialism, the reason of its support by most of party members and considerable part of the people. Such is specifics of transition to socialism of all societies of agrarian and agrarian-industrial type, with undeveloped democratic traditions and institutes, economy and low cultural level of most of workers inherent in them. Modern Russia, certainly inherits it. But it doesn't has political and religious metaideology uniting the people, and in contrast to the United States, it doesn't claim on global domination. More likely, it represents *civilization to a pseudomorphosis*, fancifully combining elements of antiquity, the Soviet past and the preset.

Keywords: bolshevism, state, democracy of the empire, modernization, socialism, civilization.

Введение

Невзирая на многовековые и многократные усилия России стать полноправной европейской державой, до сих пор ей это не удастся. По многим причинам, главная из которых – принадлежность страны к иной, нежели большинство стран "большой Европы" (США, Австралия, Канада и др.), не евроатлантической цивилизации, способность которой играть по сформированной "большой Европой" международным правилам постоянно ставится под сомнение. Но в чем цивилизационная специфика России – об этом со времен Данилевского и до сей поры идут оживленные споры. Иные договариваются до того, что объявляют Россию "варварской цивилизацией" (Яковенко, 1995). Другие, а их большинство, подчеркивают неоднородность российской цивилизации, вместившей в себя и Восток, и Запад, напоминающей человека, рожденного в смешанном браке. (Сурков, 2018). Резоны для этого, безусловно, есть. Но неопределенность ситуации усугубляется отсутствием в научной среде общепринятого понимания термина "цивилизация". В научной литературе сосуществуют, успешно конкурируя между собой, десятки определений "цивилизации". Поэтому в дальнейшем я буду опираться на восходящую к Питириму Сорокину трактовку, в пределах которой понимание цивилизаций базируется на их интерпретации как

* Corresponding author
E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin)

«социальных общностей», сложившихся «на основе центрального ядра, состоящего из культурных смыслов, ценностей и норм, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей». Поскольку в большинстве случаев территория распространения цивилизации включает в себя не один, а несколько различных в культурном плане народов (этносов), постольку необходимым условием устойчивого существования цивилизации является *метаидеология* – разделяемые большинством представления и универсалии ("картины мира" – природного, социального), соответствующие им и господствующим практикам смыслы, ценности и нормы жизни. В их перечне важную роль занимают так называемые геополитические (во много сакральные) "панъидеи", – дискурсивно оформленные и ценностно значимые представления о центральном (вселенском) положении "своей" цивилизации (римской, китайской, русской и др.) на воображаемой карте ментальной географии.

При этом следует иметь в виду, что цивилизация это не только «оплотневшая» в центральном ядре, кристаллизовавшаяся в политических, экономических и иных практиках *метакультура* и корреспондирующая с ней *метаидеология*, «осевшая» в некоторых долговременных ценностях и мыслительных парадигмах, но и некое *социокультурное целое, образованное соединением «культурного ядра» со многими социальными институциями и институтами и закрепленное ими*. Одним из таких, политических, институтов является «государство», которое, будучи одновременно и отделенным от основной части «общества» (населения) системой власти, в свою очередь оказывается *политической формой* организации и распространения входящих в цивилизацию локальных социумов и, как правило, всей «цивилизации». В последнем случае наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизации на большие расстояния во многих регионах исторически оказывались "универсальные государства" – "царства" и "империи" (Гранин, 2006а, 2006б, Гранин, 2013). Хотя, понятно, что цивилизации в качестве *социокультурных типов развития* географически очень часто перешагивают многие государственные границы, являясь для народов иной цивилизационной принадлежности неким "образцом развития".

Имея в виду эти соображения и рассуждая о цивилизационной специфике современной России, следует помнить, что за одиннадцать столетий на изменяемом географическом пространстве, вместившем в себя сначала Киевскую и Московскую Русь, а затем и имперскую Россию, образовались и распались несколько цивилизаций (Гранин, 2007). Для которых Запад не всегда был образцом развития, а "идея приблизится к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом – целью, которую надо выполнить» (Федотова, 2009: 15).

Вполне отчетливо в сознании элит и интеллигенции России эта цель возникает лишь во второй половине 19 столетия. За исключением демократизации политической сферы общества и формирования "нации", вначале XX века эта цель была достигнута: Россия твердо стала на путь капиталистического развития. Собственно, тогда же, к концу XIX – началу XX века завершается формирование "культурного ядра" новой *российской цивилизации современного типа*, давшей миру великую русскую поэзию и прозу, великую музыку и живопись, великую науку, архитектуру и балет (Гранин, 2018; Гранин, 2003). Но поскольку многомиллионное русское и "иностранное" крестьянство, практикующее архаические формы жизни и мысли, составляло подавляющее большинство населения империи, на окраинах которой формировался и укреплялся польский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, эстонский и иной "этнический национализм", обострялись социальные и экономические противоречия, *эта цивилизация имела гибридный характер*, идеологическую специфику которой уже тогда выразило евразийство. Она двигалась навстречу "большой Европе". Но русские революции и первая мировая война оборвали это движение. И Россия вновь, если пользоваться терминологией А. Янова, проваливается в пропасть контрреформы, завершившейся гражданской войной и образованием СССР, который начал индустриальную модернизацию страны на принципиально новой экономической и политической основе, но опять-таки при определяющей роли государства. На обломках царской империи *возникла империя нового типа* – советская империя "положительной деятельности" (Ливен, 2007), которой за короткое время удалось создать новую "советскую цивилизацию", основанную на

административно-командной государственной экономике и однопартийной системе. О ней и эволюции моделей ее строительства далее пойдет речь.

Основное содержание

Социальная революция, понимаемая как качественная перемена общественно-политического и экономического строя, не заканчивается взятием и удержанием власти. Она продолжается вплоть до окончательного утверждения той модели развития, которая становится доминирующей на многие десятилетия. Так что Великая Октябрьская революция продолжалась в плоть до 1929 года, включив в себя и попытку организации народного хозяйства на манер "почтового ведомства" (Ленин), и политику "военного коммунизма" и период НЭПа – товарно-денежной формы рыночного социализма, поддержанной многомиллионным крестьянством, и позволившей уже к 1923 году накормить "город" и отодвинуть казавшийся неизбежным крах политического режима. Начиная с 1922 года последний дрейфовал в направлении к либерализации и внутрипартийной демократизации, чему способствовали последние работы Ленина и поддержка ряда его идей Львом Троцким, который видел себя его приемником.

Надо заметить, что период 1922-1928 годов характеризуется не только отсутствием жесткого партийного диктата в экономике, но и идеологического прессинга в сферах науки и массовой культуры. В области промышленного производства предлагалось передать функции управления профсоюзам ("школам коммунизма"), объединить Рабкрин и ЦКК, усилить роль советов депутатов, а в науке, литературе и других видах искусства ограничиться переубеждением ("перековкой") "буржуазных элементов" и "попутчиков". Так, в Резолюции ЦК КПСС от 18.06.1925 г. "О политике партии в области художественной литературы" была выдвинута идея творческого соревнования различных литературных группировок в области литературной формы. В этом же году ЦИК и Совнарком (возглавляемый Дзержинским) приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Советского Союза». Не случайно именно 1920-е годы (до 1929-го) характеризуются ярким всплеском развития науки, литературы и искусств в СССР. Конкуренция и плюрализм форм собственности, научных школ и разных художественных направлений открывали возможность формирования относительно либеральной (на манер современной китайской) формы движения к социализму.

Но случилось иначе. В СССР утвердилось административно-командное государство, на протяжении десятилетий сковывавшее экономическую, политическую, духовную инициативу своих граждан, подавлявшее все возможности обретения ими личных прав и свобод. Чем это было вызвано? Только ли политической борьбой в руководстве партии и государства после смерти Ленина, волюнтаризмом и теоретическими просчетами Сталина, его «бонапартизмом» и всепоглощающим стремлением к неограниченной власти?

Современные ученые и публицисты нередко обращают внимание именно на эти факты нашей политической биографии. Тем самым вольно или невольно связывая формирование «государственно-административного», «командного» социализма только с той ролью, которую сыграл Сталин в нашей истории. Споры нет: роль личности Сталина, его сподвижников в деформации страны первостепенна. Но, признавая это, мы, тем не менее, обязаны осмыслить весь опыт истории СССР в его многообразии и противоречивости. И тогда, по-видимому, придется согласиться с тем, что появление у нас административно-командной формы социализма и соответствующей ей «советской цивилизации» не было случайным «зигзагом истории». Скорее всего, здесь мы имеем дело с конкретно-исторической закономерностью перехода к социализму обществ аграрного и аграрно-индустриального типа, с присущими им неразвитыми демократическими традициями и институтами, экономикой и низким культурным уровнем большинства трудящихся.

Могут ли такие общества без поддержки извне, форсируя в силу многих исторических обстоятельств темпы социалистических преобразований, сразу перейти к социализму гуманного, демократического типа? Изучение более чем показательного исторического опыта России, Китая и Кампучии дает отрицательный ответ на этот вопрос. Но мы не поймем нашего прошлого до тех пор, пока будем продолжать анализировать лишь политический реваншизм Сталина, которому удалось «подмять под себя партию», «добиться ее деформации» (*Партия и перестройка, 1988*). Скорее всего, так оно и было.

Однако эта эмпирическая констатация не избавляет от необходимости объяснить, почему партия и народ не только позволили узурпировать власть одному человеку, но и одобрили его тезис «обострения классовой борьбы», поддержали его политику «закручивания гаек», «чисток», администрирования и командования, курс на государственный социализм.

Достаточно поставить этот вопрос, как сразу становится очевидной необходимость выхода на более широкое поле исследования. А именно: в плоскость конкретно-исторического анализа социальных, культурных, психологических и иных предпосылок той идеологической ситуации в сфере общественного сознания, которая сложилась в стране к концу 20-х годов и была использована партийно-государственной бюрократией, в первую очередь – Сталиным и его ближайшим окружением в их борьбе против демократической тенденции развития советского общества. Что же это была за ситуация, благодаря которой Сталин выиграл борьбу с оппозицией и в кратчайшие сроки завершил строительство административно-командного социализма? Какие факторы спровоцировали ее возникновение?

Феномен "грубого коммунизма". Не в последнюю очередь это связано с тем, что сталинское видение социализма как общества с пирамидально-иерархической организацией системы власти, с разделением на «вождей» и «массы», прогрессирующим огосударствлением уже в первой половине 1920-х получило теоретическое обоснование в работах Л. Троцкого, Е. Преображенского и отчасти «раннего» Н. Бухарина. Но дело не только в теоретических аргументах за командный стиль и методы руководства обществом, хотя и они, конечно, сыграли свою, пусть и не определяющую роль.

Гораздо важнее то, что такое видение нового строя во многом совпало с теми вульгарными представлениями о сущности социализма и «грядущего со дня на день коммунизма», что имели самое широкое хождение в сознании беднейших социальных слоев города и деревни, большинства рядовых членов партии. В этой связи следует признать прозорливость ленинской мысли о безотложной необходимости развертывания культурной революции в стране, население которой было почти поголовно неграмотным, не имело опыта жизни в условиях буржуазной демократии и, следовательно, находилось значительно ниже того уровня цивилизованности, которым обладали народы, прошедшие, по выражению Ленина, более чем двухвековую «школу» капитализма (Ленин, 1969с: 214-215). Эта необходимость была вызвана не только нуждой в людях, умеющих читать и писать, владеющих начальными знаниями в естественных науках и, тем самым, способных овладеть современной техникой и технологией, а значит – поставить советское общество на рельсы индустриального развития. Речь шла и о более серьезных вещах, более масштабных задачах: об освоении народом всех тех культурных богатств, которые выработало человечество, без чего действительное содержание марксистской теории и идеологии не могли быть правильно восприняты массами.

Без всякого насилия над исторической правдой можно утверждать, что, будучи привнесенными в сознание религиозного, почти неграмотного, ведущего в основном патриархальный образ жизни, сельского населения и малообразованного пролетариата, коммунистические идеалы претерпевали существенные деформации. Массовое сознание «подрабатывало» социалистические и коммунистические лозунги, «опускало» до собственного уровня понимания, явно и скрыто искажая их первоначальное содержание. Искажение шло по линии упрощения коммунистического учения до грубых, примитивных форм. Социалистическая и коммунистическая фразеология сохранялась, но содержание терминов менялось весьма радикально, иногда - до неузнаваемости. К сожалению, у нас нет отечественных исследований, посвященных изучению социально-психологических механизмов, посредством которых неразвитое, пронизанное традиционными ценностями общественное сознание ассимилирует и обрабатывает по «своей мерке» передовые идеи. Но обратившись к творчеству Андрея Платонова, Михаила Булгакова или Максима Горького, можно наглядно убедиться, какой убогий, нередко химерический вид приобретали марксистские идеи «свободы» и «равенства», попадая в головы малограмотных и некультурных людей.

Приведу лишь один отрывок из повести М. Булгакова «Собачье сердце». Происходит весьма показательный застольный разговор Полиграфа Шарикова с профессором Преображенским и доктором Борменталем, в ходе которого выясняется, что их подопечный

читает переписку Энгельса с Каутским:

"Филипп Филиппович локти положил на стол, взгляделся в Шарикова и спросил:

— Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного?

Шариков пожал плечами.

— Да не согласен я.

— С кем? С Энгельсом или Каутским?

— С обоими, — ответил Шариков.

— Это замечательно, клянусь богом (...) А что бы вы со своей стороны могли предложить?

— Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять все, да и поделить..

— Так я и думал, — воскликнул Филипп. Филиппович, шлепнув ладонью по скатерти, — именно так и полагал» (Булгаков, 1987: 118).

У Булгакова профессор Преображенский не случайно восклицает именно в этом месте диалога, ибо, как и любой культурный человек, знакомый с марксизмом, он вполне понимает весь мрачный комизм фразы люмпена Шарикова о «дележе». "Пролетарский" писатель Максим Горький, как и персонаж Булгакова, тоже не любил пролетариат. Но с еще большим подозрением (и отвращением) он относился к российскому крестьянству, считая его анархистской стихией, где идея "отнять и поделить" доминировала на протяжении веков (Горький, 1922).

Но идея «дележа» или, иначе говоря, «уравниловки» - это сквозная идея того самого примитивного, грубого коммунизма, об опасности распространения которого в среде рабочего класса и среде неграмотных крестьян предупреждал еще в начале 1840-х годов Маркс. Он же и подверг его беспощадной критике в "Философско-экономических рукописях 1844 года". В чем же заключается согласно Марксу опасность, «грубого», казарменного коммунизма?

Прежде всего – в его утопии и антигуманизме, которые и в теории, и на практике ведут не к ликвидации отчуждения человека труда от плодов экономического, социального и духовного прогресса, а к ограничению его свободы в качестве суверенной индивидуальности, все более полному его подчинению власти государства. Несмотря на то, что в основе идеологии «грубого» коммунизма лежит вполне справедливое стремление трудящихся к «упразднению частной собственности», это упразднение, как показывает Маркс, базируется на таких социально-психологических чувствах, как «зависть» и «жажда нивелирования» всех под лозунгом «равенства». Будучи теоретически подкрепленными коммунистической фразеологией, эти чувства получают завершение в стремлении «уничтожить все то, чем на началах частной собственности не могут обладать все», где «...категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей...» (Маркс, Энгельс, 1955: 114). Подобное «упразднение частной собственности», по Марксу, есть не действительное, а лишь формальное обобществление, при котором частная собственность преобразуется фактически во «всеобщую частную собственность». Для такого рода коммунизма «общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» (Маркс, Энгельс, 1955: 114), представителем которой в фетишистском сознании политически и культурно отсталых людей выступает государственный аппарат, занятый уравнивательным распределением совокупного общественного продукта.

К сожалению, небольшой объем статьи не позволяет более подробно воспроизвести марксов анализ феномена «грубого» коммунизма. Но и из приведенных цитат видно, что, возникая в определенной социальной среде, эти представления о «коммунистическом» состоянии общественного устройства лишь формально имеют нечто общее с учением основоположников научного коммунизма. Содержание же, как я уже отмечал, меняется радикально: «равенство» замещается «уравнивательностью», социальная «свобода», понимаемая как такое состояние общества, при котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», неожиданно трансформируется в уравнивательный «коллективизм», «общественная собственность» – в «государственную»...

Важно подчеркнуть, что такого рода «коммунистические» представления и ожидания не случайны. Они закономерно возникают в аграрно-индустриальных обществах и особенно живучи среди беднейших слоев народа. Но не только среди них. Идеи «грубого» коммунизма в несколько измененной форме – форме «казарменного» социализма – произрастают и на интеллектуальной почве: в сознании тех революционеров, которые в условиях кровопролитных классовых боев теряют из виду, как считал Маркс, конечный общечеловеческий, гуманистический смысл и предназначение пролетарской революции. Их заслоняют промежуточные (узкоклассовые) цели и задачи, реализация которых в действительности совсем не приближает достижение коммунистического состояния общества. Конечные и промежуточные цели, цели и средства их достижения в этом случае как бы меняются местами. А что в результате? В результате построение нового общества мыслится не как дело рук самих трудящихся (Ленин), а как дело партии, при этом ее руководящая роль понимается не иначе, как командный диктат в отношении всех общественных организаций, свобода выбора трудовой деятельности заменяется принудительной «трудовой повинностью», и в итоге возникает такая теоретическая модель социализма, в которой человек – не более чем «винтик» огромной государственной машины, построенной якобы для его же блага и во имя «светлого завтра». «Путь к социализму, – писал Троцкий в работе «Терроризм и коммунизм» (1920 г.), – лежит через высшее напряжение государства ... Никакая другая организация, кроме армии, не охватывала в прошлом человека с такой суровой принудительностью, как государственная организация рабочего класса в тягчайшую переходящую эпоху. Именно поэтому мы говорим о милитаризации труда» (Цитир. по: Клямкин, 1989: 222).

Модель «казарменного» социализма не выдерживает серьезной теоретической критики. Но ее нельзя также считать и плодом «воспаленного воображения», например, того же Льва Троцкого, в лице которого она имела своего наиболее верного почитателя. Следует подчеркнуть, что идеи администрирования и командования вырастали из самой практики первых лет пролетарской революции. Речь идет не только о периоде «военного коммунизма» и гражданской войны, но и о времени перехода к новой экономической политике. По свидетельству историка М. Н. Покровского, победа в гражданской войне породила у многих коммунистов надежду, «что дело пойдёт так же быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы». (Покровский, 1929: 375). При этом надо помнить, что большинство народа находилось, как писал Ленин, «вне политики» партии и Советского государства. А это означало не что иное как объективную невозможность непосредственного перехода к обществу демократического социализма. Ибо «социализм не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами» (Ленин, 1969b: 53, курсив мой – Ю.Г.).

Пожалуй, именно Ленин как никто другой осознавал масштабы той опасности для дела развития демократии в стране и самой партии, которая коренилась в необходимости управления страной от лица народа достаточно узким кругом людей из состава «старой партийной гвардии». Ведь немало их искренне верило в эффективность административно-командных методов и управленческих структур. Сталин относился к их числу. Несмотря на то, что в дискуссии о профсоюзах он поддерживал ленинскую критику плана Троцкого и потом неоднократно (в печати и устно) выступал против него, все же объективно он стоял на позициях своего главного политического противника. В конце концов, Сталину удалось воплотить в жизнь ту самую административно-командную программу строительства нового общества, основополагающие принципы которой были сформулированы именно Троцким.

Удалось – не вопреки, как принято считать, мнению большинства руководства и рядового состава партий, народа, а благодаря ему. Почему же, осудив программу Троцкого, большинство в партии поддержало Сталина и его ближайшее окружение, когда они в конце 20-х годов выступили против нэпа, взяли курс на демонтаж демократических структур, выехали на дорогу государственно-командного социализма?

"Организационный фетишизм" и двухцветное мышление. Известно, что даже при жизни Ленина в партии и ее ЦК не существовало полного единства мнений ни по одному из ключевых вопросов строительства нового общества. И это понятно, ведь жизнь богаче любой теории, а социалистического опыта, на который можно было бы опереться, тогда не было. Поэтому всякое принимаемое советским правительством решение, по

существо, было шагом в неведомое, все последствия которого, по словам Ленина, не могли бы предсказать и семьдесят марксов. Отсюда – неизбежные тогда дискуссии и споры по коренным проблемам внешней и внутренней политики.

После смерти Ленина революции у руля государства осталось, как иногда писали "самое образованное в мире правительство". Но остались и разногласия, и сложнейшие проблемы, решать которые надо было безотлагательно. В этих условиях, когда политика партии определялась не ее составом, а, как указывал Ленин, громадным «авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» (Ленин, 1969е: 20), опасность фракционности, раскола в ее рядах была особенно велика.

Нередко можно услышать и прочитать, будто бы именно в этот период, стремясь сохранить единство партийных рядов, «старые большевики старались избегать всяческих конфронтаций», сознательно «шли на самоограничения при прояснении принципиальных вопросов» (Щетинов, 1989: 7). Но эта мысль верна лишь применительно к концу 20-х годов. А в начале все обстояло как раз наоборот! Выросшая в атмосфере творческих дискуссий и плюрализма мнений, партийная гвардия, выполняя резолюцию X съезда РКП (б) «О единстве партии», трактовала ее в ленинском духе. Непременное согласие с большинством по коренным политическим целям не отрицало критики недостатков деятельности руководства партии, разногласий и дискуссий в области теории. В те годы для многих ветеранов партии, занимавших ключевые посты в государстве, Ленин не был «теоретическим богом». Высокообразованные и талантливые, мыслящие самостоятельно и нешаблонно, Н. Бухарин, Г. Зиновьев, Л. Камёнев, Г. Кржижановский, Е. Преображенский, Ю. Ларин, А. Чайнов и многие другие в своих работах в ряде случаев противоречили Ленину.

«Не ошибался» и «не противоречил» только один – Сталин. После смерти Ильича, провозгласив его «гениальнейшим из гениальных», «горным орлом нашей партии», он во всех своих публичных выступлениях и теоретических работах старательно подчеркивал свою идейную связь с Лениным, строго и буквально «следовал» ленинским текстам. Откройте Собрание сочинений Сталина. Почти каждая страница пестрит вырванными из контекста ленинскими цитатами, которыми «корифей науки» подкреплял свои программные положения, освящая их ленинским авторитетом и превращая тем самым в партийный канон. Но, как теперь уже общеизвестно, суждение о Сталине как «Ленине сегодня» было глубоко ошибочным. Ведь не кто иной, как Сталин ещё при жизни Ильича неоднократно выступал с проектами и предложениями, существенно расхопившимися с ленинской позицией. Это именно против его проекта была направлена одна из последних работ уже смертельно больного Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации», которая была преступно скрыта от партии и увидела свет только после XX съезда КПСС.

Известная характеристика Троцким Сталина как «самой выдающейся посредственности нашей партии» не верна по крайней мере в одном отношении. В области политических комбинаций и прогнозов Сталин мог дать не одно очко вперед любому из блестящей плеяды современных ему деятелей. Вспомним хотя бы, как ему удалось провести на XIII конференции РКП(б) 7-й пункт резолюции X съезда, который предусматривал как крайнюю меру исключение из партии фракционеров (вплоть до членов ЦК) и который до этого не был опубликован. Судя по всему, тогда, в январе 1924 года, ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Каменев, ни другие лидеры не представляли себе политической значимости этого решения, которое Сталин впоследствии использовал как дубину в расправе с ними, а еще позже – со всеми инакомыслящими.

Жизнь шла вперед, ставя в повестку дня новые вопросы, на которые не было готовых ответов. И чем больше их было, чем шире разворачивалось обсуждение, сталкивались альтернативные взгляды, тем больше укреплялся авторитет Сталина как единственного и последовательного марксиста-ленинца. Всегда и везде выдавая свою точку зрения за мнение Ленина, он в конце концов добился своего: те, кто выступал против его понимания характера и методов руководства страной, оценивались в широких партийных кругах крайне негативно и как бы автоматически зачислялись в разряд антиленинцев – «ревизионистов» и «уклонистов» всех мастей и, оттенков.

Следует прямо сказать, что Сталин был не одинок в своем мнении об эффективности административно-командной системы управления. Многие в партийном руководстве и госаппарате, среднем звене его поддерживали. И не только по соображениям политической

карьеры. Для этого были и иные – объективные – предпосылки. Время «военного коммунизма» и перехода к нэпу, будучи периодом интенсивных революционных преобразований, обнаружило исключительно высокую роль организационного фактора. Иногда столь значительную, что Ф. Э. Дзержинский даже констатировал возникновение феномена «организационного фетишизма» (Дзержинский, 1977: 491-492). И это очень верная оценка. Потому что административно-командная структура управления обществом и государством начала формироваться в первые годы революции, и к середине 20-х годов она уже имела достаточно прочный фундамент, позволивший ей со временем перейти в новое – системное – качество.

Впрочем, иначе и быть не могло. Без воплощения в жизнь политики «военного коммунизма», без диктатуры центра, достаточно жестко контролирующего положение на местах, большевики в тот период просто не смогли бы удержать власть. Кроме того, обстоятельства сложились так, что задача революционного слома старой государственной машины не была решена окончательно. Ибо, как писал Ленин, «аппарат мы, в сущности, взяли старый, от царя и помещиков» (Ленин, 1969д: 357). Не следует забывать и того, что осуществление новой экономической политики происходило в условиях, когда ключевые посты в низовых и средних звеньях управления заняли партийцы с «красно-белым» мышлением, привыкшие за годы гражданской войны повелевать и командовать. И в высших эшелонах власти многие разделяли командный стиль руководства, поддерживали курс Троцкого на «казарменный» вариант социализма. Если учесть все это и многое другое, то становится понятным по крайней мере одно: не только Сталин (хотя его роль громадна) был творцом административно-командной системы. Скорее он был ее «крестным отцом», выразителем той достаточно сильной политической тенденции к казарменной форме социализма, которая – прежде всего в лице аппарата – выступала против демократической альтернативы развития.

Думаю, что в противоборстве этих двух тенденций первая победила не только благодаря поддержке значительной части партийного, государственного и хозяйственного аппарата. Главное, что позволило Сталину одержать верх над своими оппонентами, а затем сохранить и упрочить административно – командные структуры, заключалось в достаточно мощной поддержке определенных социальных сил, тех общественных групп, среди которых идеи «вульгарного», «грубого» коммунизма были распространены особенно широко.

Расстановка социальных сил в стране и партии. После гражданской войны, политики «военного коммунизма» и перехода к нэпу эти бедняцкие иллюзии и ожидания скорого наступления коммунистического «завтра» отнюдь не угасли. Еще были памятны времена политики «комбедов», в обязанность которых в соответствии с декретом ВЦИК от 12 июня 1918 года входило «оказание помощи местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков» (Собрание указаний, 1942: 584). При этом практика была такова, что 25 процентов изъятых продовольствия оставалось в их распоряжении. Имущество помещиков и кулаков отчуждалось и поступало в пользование организуемых в те годы коммун, жизнь в которых была, построена как правило, на принципах уравнительного коллективизма.

Время показало неэффективность курса на коммунализацию жизни. Но и с переходом к нэпу ситуация в городе и особенно в деревне продолжала оставаться крайне напряженной. Деревенская беднота и исполнительные органы на местах продолжали считать, будто бы отказ от раскулачивания и нажима на середняка есть не что иное, как забвение их интересов – главной опоры Советской власти в деревне. Не случайно, Сталин уже на XIV съезде ВКП(б) отметил, что не только бедноте, «но и некоторым коммунистам показалось, что отказ от раскулачивания и административного нажима есть отказ от бедноты, забвение ее интересов». (Сталин, 1947: 332). Если задать вопрос коммунистам, продолжал Сталин, к чему сейчас больше готова партия, «я, думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только – и мигом разденут кулака». (Сталин, 1947: 333).

Не думаю, что Сталин был предельно искренним, когда в декабре 1925 года критиковал «уродливые формы администрирования» и «иждивенческую психологию» бедноты, «бедняцкие иллюзии». Но будучи реалистом и в высшей степени прагматиком в политике, он в борьбе за власть учитывал настроения беднейших слоев населения, ожидающих от партии

немедленного улучшения жизни. Сегодня мы почему-то об этом не вспоминаем. Но факт остается фактом. Городские безработные, неквалифицированный пролетариат и, конечно, многомиллионная сельская беднота, чье хозяйство имело преимущественно натуральный характер, были недовольны нэпом, который обострил в связи с развитием товарно-денежных отношений дифференциацию населения по уровню жизни.

Именно эти слои выступали с позиции уравнилельного коллективизма, ратовали за нетоварную экономику и государственный «порядок», за формальное обобществление частной собственности нэпманов и кулаков, надеясь, по словам того же Сталина, «на ГПУ, на начальство, на что угодно, только не на себя» (Сталин, 1947: 333). Именно из их числа – малограмотных, но в большинстве своем, безусловно, преданных делу «мировой революции» – пополнялись партийные ряды, в которых гражданская война, разруха и голод пробрили к тому времени громадные бреши. За годы гражданской войны численность самого передового отряда пролетариата – фабрично-заводских рабочих – сократилась с 2,6 миллиона человек (1917 год) до 1,2 миллиона (1920 год) – то есть более, чем в два раза. (Советский рабочий класс, 1975: 128-129). Сотни предприятий были закрыты, и рабочие в поисках куска хлеба покидали города. В канун 1921 года Советская республика и ее опора – рабочий класс находились в критическом положении. «Враг – обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг – мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас как воздух и проникает очень сильно в ряды пролетариата. А пролетариат деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи», – отмечал Ленин. (Ленин 1969d: 103).

Разумеется, серьезные изменения в структуре рабочего класса, миграция после введения и расцвета нэпа сельских жителей в города и в этой связи общее оживление всех мелкобуржуазных элементов в стране не могли не сказаться на социальном составе партии, ее общей и политической культуре, нравственных качествах. Предвидя опасность возможной депролетаризации большевистской партии, проникновения в ее ряды политически неграмотных или же нравственно и идеологически нестойких людей, Ленин предупреждал: «Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы... С другой стороны, так же несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике. Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский... Если Генуэзская конференция даст нам новый политический успех, то напор в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому возрастет в гигантских размерах» (Ленин, 1969e: 19).

К сожалению, эти, как и многие другие предостережения Ленина, не были услышаны высшим партийным руководством. После его смерти некоторые «горячие головы» из числа ответственных партработников, которым «не хватало культурности»,* стали предлагать в один-два года принять в партию до 90 % всех (промышленных и сельскохозяйственных) рабочих страны (так называемый «ленинский призыв»). Но, несмотря на то, что Сталин иронизировал по этому поводу, заявляя: «товарищи не рассчитали и попали впросак с цифрой 90 %» (Сталин, 1947: 347), видимо, именно с его «легкой» руки партийные ряды стали расти небывало быстрыми темпами. Начиная с апреля 1924 года число членов партии (446 тысяч человек) увеличилось за полтора года более чем в два раза и достигло в ноябре 1925 года 1025 тысяч человек. Эти цифры Сталин с удовлетворением огласил на XIV съезде ВКП(б), и он же в 1930 году одобрительно оценивал такие факты, как заявления рабочих о вступлении в партию целыми цехами и заводами, рост числа членов партии в промежутке от XV съезда до XVI съезда более чем на 600 тысяч человек, вступления в партию за первый лишь квартал этого года 200 тысяч новых членов (Сталин, 1947a: 344).

* «Чего же не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет» (Ленин, 1969e: 96).

Теперь мы знаем, во что обошлись народу индустриализация и коллективизация. Но в конце 1920-х годов, когда партия пополнилась новым составом коммунистов, которые в большинстве своем лишь понаслышке знали, кто такие Каменев, Зиновьев или, например, Бухарин, когда обострились трудности с хлебозаготовками, и в связи с этим и в городе, и в деревне стали раздаваться голоса, требующие «прикрыть» НЭП, тогда социально-психологическая атмосфера в стране была принципиально иной. «Мировая революция» запаздывала. Измученный нищетой, карточной системой, биржами труда народ ждал от партии и правительства наглядных свидетельств преимуществ нового строя, грандиозных планов. И готов был взяться за их выполнение. И многое из намеченного было выполнено. Главное – удалось возвести культурно-исторический фундамент новой советской цивилизации.

К сожалению, я не могу подробно разбирать все перипетии и просчеты ее формирования. Отмечу лишь, что начиная 1930-х годов разрабатываемая под идеологическим прикрытием «интернационализма» реальная *политика государства была переориентирована на формирование новой политически интегрированной «исторической общности»*. В русле стратегии ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения) и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно-коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности – «советского народа».

Важная, а быть может и ведущая, роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже телевидению. Начиная с 1918 года по всей стране возводились (иногда на прежних постаментах) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А.Н. Толстого, М.А. Шолохова, К.А. Федина, поэзией В.В. Маяковского и А.Т. Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества. Слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной войной.

Либерализация политического режима после смерти Сталина не могла ликвидировать действительное отчуждение трудящихся от власти, плодов экономического и духовного производства. Скорее, она закрепляла это отчуждение, скрывая под идеологическим флером реальное положение дел. В конце концов растущий день ото дня прессинг официальной идеологии, выдававшей желаемое за действительное, породил в обществе недоверие к провозглашаемым с высоких трибун лозунгам и обещаниям. И чем громче раздавались призывы к движению за «коммунистическое отношение к труду», «активную жизненную позицию» и т.п., тем больше под определяющим воздействием негуманного бытия массовое сознание отторгало их, заменяя иными, отнюдь не коммунистическими ценностями и идеалами.

«Никогда еще, пожалуй, столько сил и средств не бросалось на то, чтобы внедрить идеологию в жизнь, как во времена Застоя. И никогда еще экспансия эта не была столь бесплодной. Ей никто не оказывал сопротивления, но она наткнулась на глухую стену равнодушия и апатии, способную устоять перед любым штурмом и выдержать самую длительную осаду», – весьма точно характеризовал ситуацию в обществе на рубеже 80-х годов И. Клямкин (Клямкин, 1989: 235). Скепсис, равнодушие и социальная апатия, потребительские иждивенческие настроения и идеалы, дефицит духовности и нрав-

ственности – наиболее характерные приметы «застойного» в сравнении с предшествующим времени. Не случайно и движение за обновление общества, его "перестройку" у нас началось не «снизу», а «сверху». И закончилось оно весьма плачевно: развалом СССР и утверждением на его руинах модели неуправляемого «дикого капитализма», последствия торжества которого не изжиты до сих пор.

Заключение

Современная Россия, безусловно, наследует "советской цивилизации". Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она представляет собой *цивилизационную псевдоморфозу*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и современности. Сформированная в последние годы политическая система хорошо управляемой "демократии" и плохо управляемого олигархического "капитализма" не решают задачи выхода страны в число развитых стран мира (на путь модерного прогресса). Многие исследователи объясняют это тем, что руководство страны не собиралось и не собирается проводить системную модернизацию по европейским лекалам, предполагающую в качестве необходимой составляющей реальную демократию, политическую конкуренцию и свободный от власти чиновничества рынок. Скорее всего, они правы. В силу цивилизационных особенностей в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: - социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ (Гранин, 2018; Гранин, 2014).

Наши федеральная и региональные элиты, в практиках которых все больше проступают феодальные черты, больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны – ослабления «властной вертикали», скрепляющей ассиметричную РФ. Последняя, действительно, до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Судя по моим наблюдениям, именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств. Поэтому в обозримом будущем не стоит ждать либерализации курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы этот авторитаризм, был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны, развитие образования и науки.

Литература

- Булгаков, 1987 – Булгаков М. Собачье сердце // Знамя. 1987. №6. С. 94-148.
- Горький, 1922 – Горький М. О русском крестьянстве / Изд. И.П. Ладыжникова. Берлин, 1922.
- Дзержинский, 1977 – Дзержинский Ф.Э. Избр. произведения в двух томах. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1977.
- Гранин, 2018 – Гранин Ю.Д. Идеология постмодернизма и ее влияние на трансформацию языка социальных наук // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электронный журнал. 2018. Выпуск 5. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5
- Гранин, 2014 – Гранин Ю.Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. №2(14). С.60-74.
- Гранин, 2013 – Гранин Ю.Д. "Глобализация" или "вестернизация"? // Свободная мысль. 2013. № 1 (1637). С. 51-64.
- Гранин, 2007 – Гранин Ю.Д. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // Философские науки. 2007. №9. С.1-27.
- Гранин, 2006а – Гранин Ю.Д. Роль образования в формировании российской нации // Высшее образование в России. 2006. №10. С. 150-156.
- Гранин, 2006б – Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // Философские науки. 2006. №7. С. 5-23.

- Гранин, 2003 – Гранин Ю.Д. Национальное государство и самоопределение наций // *Свободная мысль*. 2003. №9. С. 82-93.
- Гранин, 1994 – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. №2-3. С. 32-39.
- Дзержинский, 1977 – Дзержинский Ф.Э. Избр. произведения в двух томах. Изд. 3-е, т. 2. М., 1977.
- Клямкин, 1989 – Клямкин И. Почему трудно говорить правду. Выбранные места из истории одной болезни // *Новый мир*. 1989. № 2. С. 207-226.
- Ленин, 1969a – Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 33.
- Ленин, 1969b – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
- Ленин, 1969c – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.
- Ленин, 1969d – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44.
- Ленин, 1969e – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
- Маркс, Энгельс, 1955 – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
- Партия и перестройка, 1988 – *Партия и перестройка*. «Круглый стол» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // *Правда*. 1988, 14 июня.
- Покровский, 1929 – Покровский М.Н. Октябрьская революция: Сборник статей. М., 1929.
- Собрание указаний, 1942 – Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1918 год. М., 1942.
- Советский рабочий класс, 1975 – Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917–1973). М., 1975.
- Сталин, 1947 – Сталин И. Соч. в 12 томах. Т. 7.
- Сталин, 1947a – Сталин И. Соч. Т. 12.
- Сурков, 2018 – Сурков В. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. 9 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477>
- Философия коммуникации, 2017 – Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб: Изд-во Политехнического университета. 2017.
- Федотова, 2009 – Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // *Вопросы философии*. 2009. №12. С.3-18.
- Щетинов, 1989 – Щетинов Ю. Всевластие Сталина // *Ветеран*. 1989. № 5. С. 7-8.
- Яковенко, 1995 – Яковенко И. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки сегодня*. 1995, № 4,5. [Электронный ресурс]. URL: <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html#p2>

References

- Bulgakov, 1987 – Bulgakov M. (1987). Sobach'e serdtse [Heart of a Dog]. *Znamya*. №6. pp. 94-148. [in Russian]
- Gor'kii, 1922 – Gor'kii M. (1922). O russkom krest'yanstve [On the Russian Peasantry]. Izd. I.P. Ladyzhnikova. Berlin. [in Russian]
- Dzerzhinskii, 1977 – Dzerzhinskii F.E. (1977). Izbr. proizvedeniya v dvukh tomakh [Selected works in two volumes]. Izd. 3-e. Т. 2. М.
- Granin, 2018 – Granin Yu.D. (2018). Ideologiya postmodernizma i ee vliyanie na transformatsiyu yazyka sotsial'nykh nauk [The ideology of postmodernism and its influence on the transformation of the language of social sciences]. *Gumanitarnyi vestnik MGTU im. N.E. Baubana. Elektronnyi zhurnal*. Vypusk 5. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5 [in Russian]
- Granin, 2014 – Granin Yu.D. (2014). Zheltye pyatna na mantii rossiiskogo televideniya [Yellow spots on the mantle of russian television]. *Zhurnal'ist. Sotsial'nye kommunikatsii*. №2(14). pp. 60-74. [in Russian]
- Granin, 2013 – Granin Yu.D. (2013). "Globalizatsiya" ili "vesternizatsiya"? ["Globalization" or "Westernization"?]. *Svobodnaya mysl'*. № 1 (1637). pp. 51-64. [in Russian]
- Granin, 2007 – Granin Yu.D. (2007). Globalizatsiya i natsional'nye formy globalizatsionnykh strategii [Globalization and national forms of globalization strategies]. *Filosofskie nauki*. №9. pp. 1-27. [in Russian]

- Granin, 2006a** – Granin Yu.D. (2006). Rol' obrazovaniya v formirovaniy rossiskoi natsii [The role of education in the formation of the Russian nation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 150-156. [in Russian]
- Granin, 2006b** – Granin Yu.D. (2006). Globalizatsiya i natsionalizm [Globalization and nationalism]. *Filosofskie nauki*. №7. pp. 5-23. [in Russian]
- Granin, 2003** – Granin Yu.D. (2003). Natsional'noe gosudarstvo i samoopredelenie natsii [The national state and the self-determination of nations]. *Svobodnaya mysl'*. №9. pp. 82-93. [in Russian]
- Granin, 1994** – Granin Yu.D. (1994). Vlast' i ekologicheskoe soznanie [Power and environmental consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. pp. 32-39. [in Russian]
- Dzerzhinskii, 1977** – Dzerzhinskii F.E. (1977). Izbr. proizvedeniya v dvukh tomakh [Selected works in two volumes]. Izd. 3-e, t. 2. M. [in Russian]
- Klyamkin, 1989** – Klyamkin I. (1989). Pochemu trudno govorit' pravdu. Vybrannye mesta iz istorii odnoi bolezni [Why is it difficult to tell the truth. Selected places from the history of one disease]. *Novyi mir*. № 2. pp. 207-226. [in Russian]
- Lenin, 1969a** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch [Complete set of works]. M.: Politizdat, T. 33. [in Russian]
- Lenin, 1969b** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. T. 36. [in Russian]
- Lenin, 1969c** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. T. 43. [in Russian]
- Lenin, 1969d** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. T. 44. [in Russian]
- Lenin, 1969e** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch [Complete set of works]. T. 45. [in Russian]
- Marks, Engel's, 1955** – Marks K., Engel's F. (1955). Soch. [Works]. T. 42. [in Russian]
- Partiya i perestroika, 1988** – Partiya i perestroika. «Kruglyi stol» v Institute marksizma-leninizma pri TsK KPSS [The Party and Perestroika. "Kruglyi stol" at the Institute of Marxism-Leninism at the Central Committee of the CPSU]. Pravda. 1988, 14 iyunya. [in Russian]
- Pokrovskii, 1929** – Pokrovskii M.N. (1929). Oktyabr'skaya revolyutsiya: Sbornik statei [October Revolution: Collection of articles]. M. [in Russian]
- Sobranie ukazanii, 1942** – Sobranie ukazanii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1918 god [Collection of instructions and orders of the worker and peasant government for 1918]. M., 1942. [in Russian]
- Sovetskii rabochii klass, 1975** – Sovetskii rabochii klass. Kratkii istoricheskii ocherk (1917–1973) [Soviet working class. A brief historical sketch (1917-1973)]. M., 1975. [in Russian]
- Stalin, 1947** – Stalin I. (1947). Soch. [Works]. v 12 tomah. T. 7. [in Russian]
- Stalin, 1947a** – Stalin I. Soch. [Works]. T. 12. [in Russian]
- Surkov, 2018** – Surkov V. (2018). Odinochestvo polukrovki [Loneliness of half-breed]. Rossiya v global'noi politike. 9 aprelya 2018 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> [in Russian]
- Filosofiya kommunikatsii, 2017** – Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty [Communication Philosophy. Theoretical and methodological aspects]. SPb: Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta. 2017. [in Russian]
- Fedotova, 2009** – Fedotova V.G. (2009). Rossiiskaya istoriya v zerkale modernizatsii [Russian history in the mirror of modernization]. *Voprosy filosofii*. №12. pp. 3-18. [in Russian]
- Shchetinov, 1989** – Shchetinov Yu. (1989). Vsevlastie Stalina [Absolute power of Stalin]. *Veteran*. № 5. pp. 7-8. [in Russian]
- Yakovenko, 1995** – Yakovenko I. (1995). Tsivilizatsiya i varvarstvo v istorii Rossii [Civilization and Barbarism in the History of Russia]. *Obshchestvennye nauki segodnya*. № 4,5. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html#p2> [in Russian]

Цивилизационная специфика советской и современной России

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется проблема цивилизационной принадлежности России. Она решается на основе использования авторской (институциональной) версии цивилизационного подхода. Согласно ей, история досоветской России имела три цивилизационных воплощения: "православную цивилизацию", "гибридную цивилизацию современного типа" империи Романовых и "советскую цивилизацию", представляющую особый тип индустриального развития. Анализируются объективные и субъективные предпосылки ее формирования в форме "административно – командной" ("партийно-государственной") модели социализма, причины ее поддержки большинством членов партии и значительной частью народа. Такова специфика перехода к социализму всех обществ аграрного и аграрно-индустриального типа, с присущими им неразвитыми демократическими традициями и институтами, экономикой и низким культурным уровнем большинства трудящихся. Современная Россия, безусловно, наследует "советской цивилизации". Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она представляет собой *цивилизационную псевдоморфозу*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и современности.

Ключевые слова: большевизм, государство, демократия империи, модернизация, социализм, цивилизация.

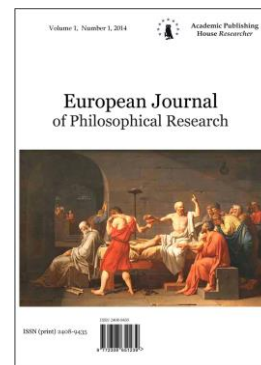
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 54-63

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.54
www.ejournal17.com

Anthropic Principle and Anthropology

Alex A. Kalmykov ^{a, *}

^aRussian State University for the Humanities, Academies of the media industry,
Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the anthropic principle and its importance for humanitarian knowledge. It is argued that in the Humanities this principle is not widely accepted and understood. He did not become fundamental in philosophical anthropology and as a consequence in education. It is accepted and justified in physics and cosmology. The recognition of this principle by the humanities means a worldview revolution comparable to the scientific revolution of Copernicus. Only in the opposite direction. The anthropic principle returns to man the lost central position in the Universe. Since the ideological anthropic principle is in good agreement with some provisions of Christian (Orthodox) anthropology, the paper discusses its main ideas. Also various formulations of the anthropic principle and criteria of successful development of science coordinated with the anthropic principle are given. It is argued that since the purpose of the formation of the universe is to create a human observer, all statements that do not take this fact into account do not have the necessary theoretical heuristics, and sufficient pragmatism.

Keywords: Anthropology, anthropic principle, humanitarian knowledge, scientific revolution, education, cosmology.

Введение

В 1973 году английским математиком Бренденом Картером был сформулирован тезис, ставший не только фундаментальным принципом современной космологии, но и фактором пересмотра мировоззренческих следствий коперниканской научной революции – антропный принцип (Wheeler, 1977). В своей сильной формулировке он звучит примерно так: «Наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия». Он фиксирует связь между базовыми свойствами нашей Вселенной и возможностью существования в ней человека.

Если смена центра мироздания (от Земли к Солнцу), в XVI веке осуществленная Коперником, логически вела к отказу от антропоцентризма, то антропный принцип в XX веке, напротив, возвращает человеку его привилегированное положение во Вселенной. Момент рождения Вселенной – большой взрыв – также момент определения значений ансамбля мировых констант, отвечающих за отношения различных элементов вещества и энергии, так точно подогнанных друг другу, что незначительное изменение, например, гравитационной постоянной или постоянной Планка привело бы к невозможности существования и атомов, и звезд, и, конечно, человека. Как выражаются космологи,

* Corresponding author
E-mail addresses: alex.kalmykov@gmail.com (A.A. Kalmykov)

Вселенная взрывным образом неустойчива к численным значениям определенного набора фундаментальных констант. Иными словами, потенциальные возможности возникновения высших форм существования, были заложены уже на начальных стадиях развития Метагалактики, когда формировались численные значения мировых констант, определившие характер дальнейших эволюционных изменений. Поэтому можно предположить, что в этих численных значениях заложен проект не только физической вселенной, но и ее наблюдателя – человека, с его разумом, цивилизацией и культурой. (Гранин, 2013).

В.И. Вернадский считал, что различие между живыми и косными природными телами так велико, что переход одних в другие в земных процессах никогда и нигде не наблюдается. Связанная с этим разнородность строения биосферы, резкое различие ее вещества и ее энергетики в форме живых и косных естественных тел есть основное ее проявление. (Вернадский, 1997). Если живое вещество не может произойти от косного, то необходимо будет искать квантовые проформы жизни в оставшемся от большого взрыва реликтовом излучении или в экспериментах, моделирующих это событие. Это вопрос к квантовой механике и космобиологии, здесь же вернемся к гуманитарному знанию и месте в нем антропного принципа.

Парадоксально, но в целом гуманитарное знание не слишком замечает его существование, несмотря на то, что часто использует термины «человеческое измерение», «человеческий фактор», «человеческий ресурс». Да и само гуманитарное знание можно было бы переименовать «антропным знанием», если бы удалось принять этот принцип, а также антропоцентризм в качестве его парадигмальной основы. Тогда законы (эмпирические обобщения) психологии, социологии, экономики, истории получили бы в свое распоряжение новый критерий правдоподобности: «любая общенаучная теория не верна, если в ней не предусмотрено появление физических условий для возникновения и существования жизни и человека как наблюдателя. Или иначе: «Вот человек; какой должна быть Вселенная?». Мы же скажем: «Вот человек; каким должна быть социокультурная и политическая среда, какой должна быть история, каким должно быть гуманитарное знание?». В этой связи антропный принцип может стать точкой сборки областей естественнонаучного, гуманитарного и философского знания, между которыми к XXI веку сложились практически непроницаемые границы.

Свойства человека-наблюдателя детерминируют законы мироздания, а не наоборот, т.е. человек есть системная интеграция всего. Можно сказать и так: поскольку целью формирования вселенной является создание человека-наблюдателя, то все утверждения, не учитывающие этот факт, не обладают необходимой теоретической эвристичностью, и достаточной прагматичностью. Человек-наблюдатель здесь не биологическое, и даже не социальное существо, а рефлексующее сознание, способное мысленно расширить свою телесность до границ вселенной, т.е. рассматривать вселенную в качестве своей телесной оболочки. В психологии виртуальной реальности (виртуалистике) это свойство называется виртуальной телесностью. Виртуальная телесность может также включать семью, племя, народ, родину, человечество и т.п.

Само же рефлексующее сознание естественно отождествить с Личностью, которая, тем не менее, обладает определенной двойственностью, почти в соответствии с известной православной формулой: Человек – Ангел Земной и Тварь Небесная. С.Л. Франк писал: «...Личность может быть постигнута лишь трансрационально-монодуалистично, как единство раздельности и взаимопроникновения – как такое единство, сущность которого заключается в его непостижимости» (Франк, 1990). Значит ли это, что рациональные конструкции гуманитарного знания ошибочны изначально, поскольку стремятся постичь непостижимое?

Основное содержание

Действительно, естественный культурный и цивилизационный процесс должен был бы подчиняться вектору – становления личности (в том числе и симфонической), однако за некоторыми исключениями в истории мы наблюдаем прямо противоположное. Рациональные социо-политические теории и модели воплощенные в доктрины

обустройства жизни и форматы власти приводят в конечном итоге к нивелированию личностного начала, к расчеловечиванию.

Теоретики сегодня говорят о трансгуманизме и постчеловеческой цивилизации, как о реальном будущем человечества. Или уже не человечества? Эти идеи подкрепляются тем обстоятельством, что в то время как научно-технический прогресс только ускоряется, все, что касается гуманитарной сферы в лучшем случае стоит на месте, если не деградирует. Значит ли это, что рациональное гуманитарное знание бесполезно, если не вредно? Или, быть может, отсутствие прогресса в этой области обусловлено мировоззренческими шорами коперниканской научной революции – отрицанием антропоцентризма, как элемента общенаучной парадигмы? Действительно, трансгуманизм (и идея технологической сингулярности) прямо противоречит антропному принципу, поскольку предполагает исчезновение человека, без которого существование вселенной не имеет смысла. Так что, пока не поздно, надо вернуть антропоцентризм в качестве парадигмы гуманитарного знания, позаимствовав антропный принцип у физики. Тогда, может быть, не только снимется противоречие между разрабатываемыми гуманитарными концептами и жизнью, но и начнется ускоряющийся научно-гуманитарный прогресс.

Для примера возьмем образование. Сам термин предполагает, что образование есть процесс предания человеку некоего образа. В основе этого образа – антропологическая парадигма, т.е. представление о том, что такое человек и каким он должен быть. А что нам сегодня предлагают? Специалист (бакалавр и магистр) это сумма компетенций. Образованный человек, по мнению чиновников, некое роботизированное существо, запрограммированное на выполнение определенных функций. Или как сказал бывший министр от образования Фурсенко: «недостатком Советской системы образования была попытка формирования человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя» (Фурсенко..., 2012). И это притом, что цивилизационная фаза – общество потребления – завершается. А тут формулируется антропологическая парадигма – человек-потребитель. Тогда и студент тоже потребитель образовательных услуг. Вполне логично, не правда ли? Однако как-то не хочется принадлежать к сфере услуг и пришивать к костюму клиента дополнительные рукава-компетенции. У студента отнимается его личностная целостность и целеустремленность, а у преподавателя его миссия.

Впрочем, компетентностный подход был бы технически приемлем, если бы список компетенций формировался самими преподавателями при участии студентов и потенциальных работодателей. Однако он спускается откуда-то сверху. Можно списать это на издержки бюрократизации, однако есть подозрение в отсутствии образовательной стратегии, являющейся следствием непонимания того, каким должен быть человек 21 века. Парадокс сложившихся на практике образовательных стратегий во вскрывшемся противоречии между тем, что сама по себе методика основывается на идее необходимости человеководства (педагогике) и существенно осложнившейся реальностью, открывшей цифровым поколениям множественные дополнительные степени свободы. Преодолеть это противоречия без актуализации человекознания не представляется возможным. Здесь может помочь опыт православного богословия.

От человеководства к человекознанию. Попытка осознать и описать сущность человека, т.е. антропологию с позиций православного вероучения осуществлялась практически всеми религиозными мыслителями, поскольку этот вопрос является чуть ли не главным для деятельности претендующей, и по праву, на средоточие идеалов и ценностей общественной жизни. Однако, при этом у тех же мыслителей часто можно встретить отрицание самого понятия православной антропологии и сетование на невозможность создать хотя бы в какой-то мере стройное богословское антропологическое учение.

Человек есть тайна не только для самого себя, но и для всякого стороннего пытливого ума как тайна творения. «Среди предметов необъятного мира вижу и себя – человека. Кто Я? Откуда и для чего являюсь на земле? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределенный, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как

творение. Живу на земле, не зная будущего. Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется смертью, но во мне живет убеждение невольное естественное, что я бессмертен. Человек – тайна для самого себя» (Святитель Игнатий, 1989).

Европейская и российская культуры являются, прежде всего, культурами христианскими. Созданные ими цивилизации основаны на христианском миропонимании. Даже в тех случаях, когда народы и государства, будто бы, отворачивались от христианских канонов, становление и личности, и общества происходило под мощным влиянием вероучения. Следовательно, без знания основ вероучений нельзя толком разобраться ни в современности, ни в истории.

Характерной чертой самосознания православного русского народа является космичность (в смысле Божественной упорядоченности) построения своего бытия, обостренное чувство ответственности за судьбу Мира и мессианские настроения. Вместе с тем, научный анализ в традиционном смысле христианской антропологии затруднен невозможностью в рамках современной рационалистической общенаучной парадигмы оперирования с понятиями, присущими вероучению.

Человек – проблема основания. Подходя к задаче реконструкции представления о человеке в христианстве необходимо обозначить то понятийное пространство, при котором эта реконструкция вообще будет иметь смысл. Внешний рационализированный (позитивистский) взгляд не обеспечит нужной полноты и глубины осмысления, поскольку предмет исследования более чем на половину ускользает от чисто рационалистического анализа, отбрасывающего все, что не укладывается в законы логики и современные принципы построения научного знания. Стало быть, такие понятия как “внутренний человек”, “невидимый мир”, в лучшем случае могут быть осмыслены лишь как специфические мифологемы, и их онтология может быть обсуждаема лишь в мифологическом же ключе, со всеми вытекающими отсюда методологическими последствиями. Вместе с тем, именно трансцендентное начало в человеке с религиозных позиций вообще, а с православных в особенности, составляет главную и определяющую часть Личности. Именно трансцендентное бытие является в подлинном смысле реальным, в подлинном смысле истинно человеческим.

Рациональное и иррациональное в человеке преходяще и определяет даже не образ, а тень личности, изменчивую форму, подверженную внешним влияниям и внутреннему стохастическому эволюционированию. Попытки сделать Человека Разумного основанием для самого себя, породили множественные гуманистические учения, но так и не смогли однозначно определить свое же центральное понятие. В этом смысле примечательна статья П.С. Гуревича и В.С. Степина, в которой проводится анализ различных концепций человека и антропогенеза в контексте философской антропологии. И хотя в ней авторы весьма иронично возвышаются над теологическими объяснениями, тем не менее, они вынуждены констатировать: «Высшее самосознание человека необъяснимо из природного мира и остается тайной для него. Оно есть абсолютный предел для всего научного познания антропологическое сознание предшествует не только онтологии и космологии, но и философии познания, гносеологии, предшествует по существу всякой философии. Человек – особый род сущего. Специфически человеческое нередко ускользает от сайентистской парадигмы. Даже социология и психология не способны, судя по всему, дать идеальный образ человека и раскрыть проблему антропогенеза. В своей свободе и спиритуалистичности человек возвышается над природой. Человек не просто биологический феномен. Он существо, которое несмотря на все ограничения, *имеет трансцендентальную природу* и обладает возрастающей способностью подчинить природу человеческому контролю» (Гуревич, Степин, 1994).

Последнее, впрочем, вызывает обоснованные сомнения. Куда уж человеку подчинять и контролировать природу, когда он сам себя подчинить и проконтролировать не может и когда его собственная реальность может быть подвергнута сомнению. В самом деле: каждое мгновение нашей индивидуальной жизни, что-то в нас меняется. Какие-то клетки умирают, какие-то рождаются снова. Подобное происходит и с мыслями, и чувствами. Тем не менее, мы все время считаем себя самими собой. Но на каком основании? Когда человек погружается в обычный сон, или подвергается гипнозу, или падает в обморок, или в состояние клинической смерти, какие у него основания считать, пробудившись, что он это

по прежнему он, а не другой? Проблема самоидентификации, будто бы, решается самой жизнью - обыденное сознание, не обремененное философской рефлексией, решает ее на основе своей личной мифологии и этот процесс в основном происходит подсознательно. Обыденное сознание в норме состояния психики воспринимает самотождественность и самость как само собой разумеющееся, хотя, пожалуй, каждый из нас хоть раз в жизни испытывал ощущения, выражаемые расхожей фразой: «Как будто заново родился».

Гуманистическое решение этой проблемы отсутствует. Лучшее, что может предложить гуманизм (в качестве идейно-философской и мифологической базы современного знания), это довольно бессмысленный экзистенциальный лозунг “Цель жизни - жизнь”. Поиски же основания человека в социуме “человек – общественное или политическое животное”, помимо известных развенчивающих эту идею практических последствий в форме строительства светлого будущего приводят к элиминации свободы и модели муравейника.

Одной из предельных точек развития (если вообще не абсолютной вершиной) гуманизма можно признать учение Н.Ф. Федорова, поставившего перед человечеством грандиозную задачу (Федоров, 1982). По Н.Ф. Федорову, общим делом человечества (долгом сынов) является воскрешение всех умерших. Он описал, для чего это необходимо и как этого можно в принципе достичь. Но Николаю Федоровичу так и не удалось (в силу технологичности и в некотором роде материалистичности его учения) ответить на вопрос – на каком основании можно считать, что наука, пусть даже действительно способная реконструировать почивших, воскрешая получит тех же самых людей, а не просто произведет новых из старого материала. Вернее, он даже и не задавал себе такого вопроса, полагая, что человек полностью определяется своей памятью.

Таковым ли было воскрешение Лазаря? «Когда Голос владычный, сойдя во гроб с великим светом, сразу начал насаждать на голове Лазаря волосы, влагать мозг в опустевшие кости, наполнять живую кровью вены, – пораженные подземные силы кричали друг другу: кто это зовет? Кто это самовластный? Голос человеческого звука, а сила Божия» (Творения Святого Иоанна Златоуста, 1977). Не просто возвращение к жизни, а утверждение победы над смертью и более того – владычества и над жизнью, и смертью, а значит и над всем тварным миром.

Глубокий философский смысл Чуда Воскрешения Лазаря, переносящий центр значения от собственно возвращения жизни (и раньше Спаситель исцелял и воскрешал) на благовествование Спасения “новому” человеку в полноте этого понятия раскрывается в иконе Св. Преп. Андрея Рублева из Благовещенского иконостаса. Явное различие иудеев (ветхого Израиля), которые изображены поверженными смертью, уstraшенными ею и апостолов (нового Израиля), глазам которых открывается Божественный Свет (так же как различие ролей Марфы – синагоги и Марии – церкви) – открывает суть происходящего вселенского события – перехода к новой вечной жизни во Христе, и избавление от проклятия смертности, как таковой. (Плугин, 1974)

“Азмъ есть истина и жизнь” – говорит Спаситель. Основанием для человека в христианстве полагается Сам Бог. Вера в Бога является основанием актуализации реальности бытия самого человека. Таким образом, Вера не может исчерпываться ни культурологическим ни, тем более, чисто психологическим контекстом. Так что основание человека, его оправдание и объяснение оказывается по природе трансцендентным, что создает естественные ограничения для рационального познания человека, т.е. для научного человекознания.

Христианское представление о человеке в принципе диалогично, может быть именно поэтому с трудом поддается систематизации и анализу. Причем, основное силовое напряжение приходится на оппозиции:

Человек, такой, какой он есть в его земном бытии ⇔ *Человек, такой каким он должен быть, по Замыслу Божьему.*

Нравственное и педагогическое содержание антропологического учения здесь очевидно – от православного требуется постоянное движение от своего настоящего реального состояния к идеальному, постоянное путешествия по дороге совершенства. Однако было бы ошибочным трактовать антропологию лишь как нравоучение, хотя бы

потому, что “идеальный человек” не является абсолютным идеалом. Сведение религиозного учения к морализаторству, как и любая частная его трактовка, нивелирует трансцендентальную сущность человеческого бытия, выхолащивает основное содержание, бесконечное и невыразимое. И научный, и философский анализ здесь способны лишь частично обозначить предмет.

Сретение личности. Содержание и смысл различных определений человека в православной религиозной традиции отражает множественность форм человеческого бытия в его предстоянии Богу. Таковы понятия Раб Божий, тварь Божия, венец творения и др. Сравнение этих определений (или - в узком смысле - антропологий) приводит, тем не менее, к единой формуле человеческого бытия, а именно личностного ипостасного (“ипостасный” - личный; “ипостась” - существо; в церковном смысле - лице) существования. Открытие качества личности с точки зрения православия произошло через откровение Личности проповедью Христа.

С некоторыми оговорками можно говорить лишь о предчувствовании древним миром откровения личности в смысле осознания личностного бытия в себе. Языческое многобожие, с жестко функциональной структурой, будучи одновременно и основой формирования представления о себе в индивидуальном обыденном сознании, не давало оснований для ощущения личностного начала как целостности. Отсюда и те вопросы, которые задавал себе Аристотель: возможна ли для настоящего человека дружба с рабом, если раб, не человек, а говорящее орудие? Но если раб есть человек по своему естеству, то, как в таком случае к нему относиться? Удивительно, но наука и по сей день фактически продолжает игнорировать личностное (а, следовательно, трансцендентальное и ипостасное) начало в человеке, не далеко продвинувшись в разрешении известного античного спора относительно определения человека как двуногого, прямоходящего, без перьев.

С. Булгаков подчеркивал, что каждая ипостась есть “Я”, но каждая ипостась не хочет оставаться в себе, быть для себя ипостасью, она не только смотрится, но существенно из себя исходит в другую ипостась, или вернее в другие две ипостаси: в “Ты” и “Он”. Проблема “Ты” для Булгакова – проблема зеркала “Я”, без которого оно не может вполне себя увидеть. (Белова, 1994). Не очень ясно, что же, все-таки, является причиной личностного становления и только ли человеческая культура является тем экраном, на котором просматривается личность? Тем не менее личностность вводится в научный и философский обиход в качестве реальности, в своем собственном целостном ипостасном бытии, без попыток навязать ему привнесенные извне схемы. Продуктивным оказывается и виртуалистический подход к анализу личностного начала. Так, в трудах Н.А. Носова (Носов, 1994) удачно осуществлена попытка в едином плане рассматривать реалии, относящиеся обычно к разным типам знания: естественнонаучному, гуманитарному или техническому. Объединение этих типов знаний является достаточно нетривиальной задачей.

Виртуальность – это особая философская категория, наряду с такими как «время», «пространство», «сущность» и др. Виртуальная реальность постоянно сопровождала человека и находила свое отражение и в обыденном и в теоретико-философском сознании, однако, ее естественно-научное отражение началось только сегодня. С помощью категориального аппарата виртуалистики оказалось возможным описать многое из того, что наука была не в состоянии признать за реальность. В виртуалистике человек определяется как онтологически виртуальный объект, в отличие от всех других объектов видимого тварного мира. Он виртуален, как по отношению к Творцу, так и по отношению к твари.

Личность виртуальна сама по отношению к себе, как сущностная ипостась. Об этом прозрачная антропологическая формула, которую мы находим у Евангелиста: Иисус отвечал ему: Первая из всех заповедей: “Слушай Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый”; И возлюби Господа Бога всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем помышлением твоим, и всею крепостью твоею “: вот первая заповедь! Вторая подобная ей: “возлюби ближнего твоего, как самого себя”; иной большей сих, заповедей нет.

Две заповеди приравниваются друг к другу в значении “вторая подобная ей... иной большей сих заповедей нет”, т.е. точное исполнение одной влечет исполнение и другой. Если человек сможет любить ближнего своего хотя бы как самого себя, он тем самым будет любить и Бога всею своей сущностью. Если он будет любить Бога, то тогда с необходимостью

будет любить ближнего. Если он будет любить ближнего, то будет и любить самого себя. Если будет любить самого себя, то будет и любить Бога.

Возникает вопрос, как это возможно, если в этих заповедях сам Спаситель уравнивает Бога и человека? Связывает Любовью и дарует Свободу. Но сказано “возлюби”, а не просто люби, учись любить, а это значит учись видеть в ближнем его божественную сущность. А чтобы увидеть в нем божественную сущность надо увидеть ее в себе. А как ее увидеть, если не связать себя любовью с Богом, отдав этой любви всего себя? Но разве можно Любить всей сущностью не будучи Свободным? Это и есть откровение Личности. В евангелиях и в описанном в книге Бытия Божественным акте Творения человека (по Образу и Подобию) делает его не просто тварью, но любимым чадом Божьим. Столь высокому достоинству подобает и высокая Ответственность, сопряженная с обретением подлинной Свободы (а стало быть и признания Вины за грехопадение Адама, разделяемой всем человечеством до Первого Пришествия).

Подлинный смысл образования как придания образа раскрывается одновременно и через связь образа и личности. Обезличенное “образование” ведет к обезображиванию (лишению образа), омертвлению души от избыточного знания, оторванного от жизни.

«Как образ и подобие Божие человек наделен Богоподобными свойствами и бесконечными стремлениями. Он не удовлетворяется одной видимостью явлений, одной показной стороной жизни, он ищет ее оснований и, таким образом, доходит до последнего основания. Он не удовлетворяется лишь видимыми, служебными отношениями к нему природы и людей, он хочет сделать эти отношения вечнозначимыми, безусловными. Но ответы на эти бесконечные по истине Божественные запросы своей природы человек в самом себе найти не может и это потому, что он есть только образ, только конечное отражение бесконечной, самосушей и самоценной жизни, а не сама эта жизнь» (Архиепископ Сергей Старгородский, 1991).

По учению святых отцов образ Божий есть собственно стремление к Богу, и способность воспринимать Божественную любовь, стремится к единению с Богом и другими людьми.

Заключение: зеркала личности

В ортодоксальном христианстве, тем не менее, природа человека в нынешнем состоянии признается противоестественной, поврежденной грехом. Более того, состояние человека по падении чрезъестественно. Это слово с точностью выражает сущность дела. Естественная же природа человека безгреховна, совершенна, освещающая все, на что человек бросает свой мыслительный взор, и всякую вещь, которая выходит из под его рук. Излишне доказывать, что нынешнее состояние человека и овеществляемого им мира, измененного мира как совокупного продукта человеческой деятельности очень далеко от этого идеала.

При этом, человек не остается в неведении о своем состоянии. Его личности (и душе) предоставляется возможность наблюдать себя в системе зеркал, в роли которых выступают его собственное телесное естество, окружающие его вещи и весь остальной мир, также воспринимаемый как вещь.

Поврежденность этого мира предстает, как отражение испорченности человека и наоборот, поскольку и человек является в каком-то смысле зеркалом всего тварного мира т.е. тем же самым наблюдателем в контексте антропного принципа. Однако его царственное предназначение, но предоставленное самому себе обрекает его на безысходное противоречие и вечное страдание.

Тусклые зеркала нашего личностного бытия прикрывают собой встречу (сретение) лицом к лицу с Самим Богом. Чем более через нас повреждается мир, тем более тускнеет стекло и отдаляется от нас и в нас Образ Божий, уступая место человекоподобному *изображению*. Вот источник неразрешимых противоречий и страданий. Деятельность человека есть онтологическая необходимость обретения рефлексии, сама есть вид рефлексии, только в таком ракурсе она вообще имеет какой – либо смысл.

Соответственно и то, что управляет этой деятельностью, и то, что формируется в результате и является прямым или косвенным продуктом деятельности, как предметной, так и психической. Здесь имеется ввиду все что присуще человеку – все его телесные и

душевные свойства, все его личностные свойства. Также и все, что окружает человека служит в роли этого тусклого стекла. Полезно вглядываться в эти зеркала, различая черты по разному открывающиеся современному рациональному сознанию и традиционному православному.

Отражения человека объективизируются, опредмечиваются: мы говорим «мой ум» и «мое сознание», почти также, как и «моя машина» и «мой дом». Зеркалами человеческой личности оказываются самые сокровенные и самые тонкие проявления человеческой психики, скрывающиеся в подсознании и в глубинном бессознательном, с одной стороны, а с другой – и весь тварный мир в котором разворачивается человеческая деятельность.

Но что же представляет собой Субъект рефлексии, если ему свойственно всматриваться в опредмечиваемые, но не отъемлемые человеческие атрибуты, наблюдать их как бы со стороны, отчуждаясь от них, являясь при этом также неотъемлемым атрибутом человека? Быть одновременно и трансцендентным и имманентным бытию человека? При этом эти разделяемые и рассматриваемые черты сохраняют именно в нем свою целостность. Да и сама рефлексивность будучи частным свойством, наряду с другими человеческим свойствами также служит экраном личности.

В.Н. Лосский писал: «Мы в конце концов, понимаем: то, что делает его (человека) им “самим “ – неопределимо, потому, что в его природе нет ничего такого, что относилось бы собственно к личности, единственной, несравнимой и “бесподобной. Человеческая личность – не часть существа человеческого, подобно тому, как Лица Пресвятой Троицы – не части существа Божественного» (Лосский, 1991). Это неопределимая и нечастное (ипостасное) средоточие человека не может быть конструкцией тварного мира, ибо тогда оно стало бы определяемым и частным. Это средоточие нельзя назвать и душой, так как и на свою душу можно взглянуть со стороны и она подвержена повреждениям, не смотря на то, что является субстанцией не материальной, а духовной природы, обладает бессмертием в невидимом мире. Но и про душу можно сказать: «Моя душа». Тело и душа сливаются в человеке, но ими только человек не исчерпывается, ибо и по отношению к душе, как к частному определяется нечто более центральное и трансцендентное. Без этого не было бы возможности различения душ.

Философ И.А. Ильин определял человека как живого, личного духа; а религиозность как состояние духовное. В этом плане дух есть сила личного самоутверждения. Дух освещает и тело, и душу, делает душу живой, а живое тело духовным. В той степени в которой душа и тело не повреждены грехом. По отношению к духу и несовершенные душа и тело оказываются саморефлексируемыми.

Душевное и телесное присутствует не только внутри человека, но и во вне его, проявляемое в делах и плодах индивидуума и человечества в целом. Таким образом, наблюдатель (тот самый трансцендентный живой дух) формирует реальность через душевную природу ипостасного существа. Причем разрушение гармонии между ипостасями ведет не только к личностной деструкции, но и, в какой-то степени, к деградации бытия в целом. Это утверждение можно рассматривать как еще одну формулировку антропного принципа.

Литература

Архиепископ Сергей Старгородский, 1991 – *Архиепископ Сергей Старгородский. Православное учение о Спасении Пророков. М., 1991.*

Белова, 1994 – *Белова Т.В. Личность, как Ипостась, как самостное существование // Человек, Общество, Вселенная М. ГА ВС. 1994.*

Богословский словарь, репринт, 1992 – *Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Репринт. М., 1992.*

Вернадский, 1997 – *Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль, Дубна, "Феникс", 1997.*

Гранин, 2013 – *Гранин Ю.Д. "Глобализация" или "вестернизация"? // Свободная мысль. 2013. № 1 (1637). С. 51-64.*

Гранин, 2007 – *Гранин Ю.Д. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // Философские науки. 2007. №9. С. 1-27.*

Гранин, 2006 – *Гранин Ю.Д. Роль образования в формировании российской нации // Высшее образование в России. 2006. №10. С. 150-156.*

- Гранин, 2003** – Гранин Ю.Д. Национальное государство и самоопределение наций // *Свободная мысль*. 2003. №9. С. 82-93.
- Гранин, 1994** – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. №2-3. С. 32-39.
- Гуревич, Степин, 1994** – Гуревич П.С., Степин В.С. *Философская антропология: Очерк Истории* // *Философские исследования*, 1-2, М., 1994.
- Лосский, 1991** – Лосский В.Н. *Очерк мистического богословия восточной церкви*. М., 1991.
- Носов, 1994** – Носов Н.А. *Психологические виртуальные реальности*. М., 1994.
- Плугин, 1974** – Плугин В.А. *Мировоззрение Андрея Рублева* МГУ. 1974.
- Святитель Игнатий, 1989** – Святитель Игнатий (Брянчанинов). *Слово о человеке*. Богословские труды, № 29. Изд. Московской патриархии. М., 1989.
- Творения Святого Иоанна Златоуста, 1977** – Творения святого Иоанна Златоуста. Т. X, кн. 2. *Слово о Марфе и Марии*, 1977.
- Федоров, 1982** – Федоров Н.Ф. *Сочинения*. ФН Мысль. М., 1982.
- Франк, 1990** – Франк С.Л. *Сочинения*. М.: Правда, 1990.
- Фурсенко..., 2012** – Фурсенко честно рассказал о целях реформы образования. *Добромир* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237> (дата доступа: 19.04.2012).
- Wheeler, 1977** – Wheeler J.A. *Genesis and Observership. Foundational Problems in the Special Sciences*. Dordrecht, 1977.

References

- Archiepiskop Sergii Stargorodskii, 1991** – Archiepiskop Sergii Stargorodskii [Orthodox doctrine of salvation]. *Pravoslavnoe uchenie o Spasении Prosvetitel'*. М. [in Russian]
- Belova, 1994** – Belova T.V. (1994). *Lichnost', kak Ipostas', kak samostnoe sushchestvovanie* [Personality, as Hypostasis, as self-existing existence]. *Chelovek, Obshchestvo, Vselennaya*. М. GA VS. [in Russian]
- Bogoslovskii slovar', reprint, 1992** – Polnyi Pravoslavnyi Bogoslovskii Entsiklopedicheski slovar' [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary]. Reprint. М, 1992. [in Russian]
- Fedorov, 1982** – Fedorov N.F. (1982). *Sochineniya* [Writings]. FN Mysl'. М. [in Russian]
- Frank, 1990** – Frank S.L. (1990). *Sochineniya* [Writings]. М.: Pravda. [in Russian]
- Fursenko..., 2012** – Fursenko chestno rasskazal o tselyakh reformy obrazovaniya [Fursenko spoke honestly about the goals of education reform]. *Dobromir* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237> (data dostupa: 19.04.2012). [in Russian]
- Granin, 1994** – Granin Yu.D. (1994). *Vlast' i ekologicheskoe soznanie* [Power and environmental consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. pp. 32-39. [in Russian]
- Granin, 2003** – Granin Yu.D. (2003). *Natsional'noe gosudarstvo i samoopredelenie natsii* [The national state and the self-determination of nations]. *Svobodnaya mysl'*. №9. pp. 82-93. [in Russian]
- Granin, 2006** – Granin Yu.D. (2006). *Rol' obrazovaniya v formirovaniі rossiiskoi natsii* [The role of education in the formation of the russian nation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, №10. pp. 150-156. [in Russian]
- Granin, 2007** – Granin Yu.D. (2007). *Globalizatsiya i natsional'nye formy globalizatsionnykh strategii* [lobalization and national forms of globalization strategies]. *Filosofskie nauki*. №9. pp. 1-27. [in Russian]
- Granin, 2013** – Granin Yu.D. (2013). *"Globalizatsiya" ili "vesternizatsiya"?* [Globalization" or "Westernization"?]. *Svobodnaya mysl'*. № 1 (1637). pp. 51-64. [in Russian]
- Gurevich, Stepin, 1994** – Gurevich P.S., Stepin V.S. (1994). *Filosofskaya antropologiya: Ocherk Istarii* [Philosophical anthropology: History essay]. *Filosofskie issledovaniya*, 1-2, М. [in Russian]
- Losskii, 1991** – Losskii V.N. (1991). *Ocherk misticheskogo bogosloviya vostochnoi tserkvi* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church]. М. [in Russian]
- Nosov, 1994** – Nosov N.A. (1994). *Psikhologicheskie virtual'nye real'nosti* [Psychological virtual reality]. М. [in Russian]

[Plugin, 1974](#) – *Plugin V.A.* (1974). Mirovozzrenie Andrey Rubleva MGU [Worldview Andrei Rublev MSU]. [in Russian]

[Svyatitel' Ignatii, 1989](#) – Svyatitel' Ignatii (Bryanchaninov). Slovo o cheloveke [St. Ignatius (Brianchaninov). A word about a man]. *Bogoslovskie trudy*, № 29. Izd. Moskovskoi patriarkhii. M., 1989. [in Russian]

[Tvoreniya Cvyatogo Ioanna Zlatousta, 1977](#) – Tvoreniya svyatogo Ioanna Zlatousta [Creations of St. Ioanna Zlatousta]. T. X, kn. 2. Slovo o Marfe i Marii, 1977. [in Russian]

[Vernadskii, 1997](#) – *Vernadskii V.I.* (1997). O nauke [About science]. T. 1. Nauchnoe znanie. Nauchnoe tvorchestvo. Nauchnaya mysl', Dubna, "Feniks". [in Russian]

[Wheeler, 1977](#) – *Wheeler J.A.* (1977). Genesis and Observership. Foundational Problems in the Special Sciences. Dordrecht, 1977.

Антропный принцип и антропология

Александр Альбертович Калмыков ^{a, *}

^a Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена антропному принципу и его значению для гуманитарного знания. Утверждается, что в сфере гуманитарных наук этот принцип не получил широкого распространения и понимания. Не стал он основополагающим и в философской антропологии и, как следствие, в образовании. Он принят и обоснован в физике и в космологии. Признание этого принципа гуманитарными науками означает мировоззренческий переворот, сравнимый с научной революцией Коперника. Только в противоположном направлении. Антропный принцип возвращает человеку утраченное центральное положение во Вселенной. Поскольку идеологически антропный принцип хорошо согласуется с некоторыми положениями христианской (православной) антропологии, в работе обсуждаются ее основные идеи. Также приводятся различные формулировки антропного принципа и критерии успешного развития науки, согласованной с антропным принципом. Утверждается, что поскольку целью формирования вселенной является создание человека-наблюдателя, то все утверждения, не учитывающие этот факт, не обладают необходимой теоретической эвристичностью и достаточной прагматичностью.

Ключевые слова: антропология, антропный принцип, гуманитарное знание, научная революция, образование, космология.

* Корреспондирующий автор

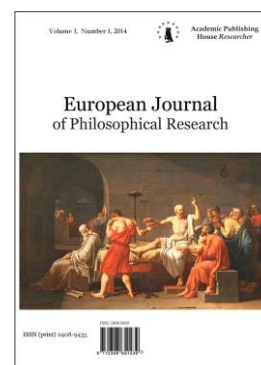
Адреса электронной почты: alex.kalmykov@gmail.com (А.А.Калмыков)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 64-70

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.64
www.ejournal17.com

The Specific Structure and Methods of Technical Sciences

Sergey A. Lebedev ^{a,*}, Anna V. Koloskova ^a

^a Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article describes the specific features of the structure and the methods of technical sciences in comparison with other sciences, the direct conditionality of their contents, functioning and development by three groups of factors: 1) practical, technical and social problems; 2) level of the development technical knowledge and natural sciences and mathematics; 3) basic picture of the universe. Is shown existence of four scientific knowledge levels in the structure of technical science: 1) sensual, 2) empirical, 3) theoretical, 4) metatheoretical. Is described the specific methods of developing and justifying of technical theories.

Keywords: technical science, structure of technical science, methods of technical sciences.

Введение

Технические науки — науки о структуре и функционировании различных видов техники и других материальных артефактов. Развитие технических знаний детерминировано, с одной стороны, необходимостью совершенствования практической деятельности людей, удовлетворения их материальных и социальных потребностей, а с другой, достигнутым уровнем развития технических наук, а также науки в целом, особенно естествознания и математики (Лебедев, 2014). Первая форма технического знания возникла в результате описания различных видов практической деятельности людей (знание-техно). Это был длительный период развития сугубо эмпирического уровня технического знания вплоть до возникновения технических теорий, основанных на мысленном проектировании технических систем, физического и математического обоснования математического технических моделей, их последующей экспериментальной проверки, натурного испытания функциональной полезности и надежности сконструированных на основе данных моделей технических устройств и систем. Этот важный шаг от чисто эмпирического уровня технического знания к развитию технических наук на основе технических теорий был сделан лишь в эпоху Возрождения и Новое время. До этого развитие техники базировалось в основном на природном инженерном таланте отдельных ученых и практиков. Но лишь к XIX в. сознательная ориентация на естествознание и математику при проектировании технических систем покажет свою огромную эффективность при создании новых видов техники и технологий, а начиная с XX в. это станет главным источником, как прогресса самих технических наук, так и их практического применения (Горохов, 2007).

Опора в развитии технических наук на естествознание с необходимостью привела их к приданию самому техническому научному знанию формы и структуры, аналогичной

* Corresponding author

E-mail addresses: saleb@rambler.ru (S.A. Lebedev), anna.koloskova@gmail.com (A.V. Koloskova)

естественнонаучному знанию. Другим следствием ориентации технических наук на естествознание как лидера классической науки стало изменение социальной структуры технoзнания. К XIX веку уже сформировалась сеть профессиональных инженерных обществ, подобных научным, стали издаваться научно-технические журналы, были созданы исследовательские технические лаборатории, а математические теории и экспериментальное знание естественных наук и их методы все более приспособлялись к техническим нуждам. Структура и постановка проблем в технических науках определялась не только познавательной, но и практической деятельностью инженеров, окончательно их новое понимание было закреплено и институализировано в возникших в середине XIX в. высших технических школах. В настоящее время обозначился новый этап в развитии технических наук, который выражается в реализации комплексных исследований в рамках интеграции не только технических и естественных, но и общественных наук (Лебедев, 2010а; Лебедев, 2010б; Лебедев, 2011).

Предметом технических наук является совокупность свойств, отношений и законов разных видов техники, технологий, приборов, измерительных инструментов, строительных, архитектурных конструкций и других артефактов человеческой деятельности. Эти свойства исследуются во многих технических науках, например, теории машин и механизмов, сопротивлении материалов, материаловедении, строительстве, фармацевтике и других.

Предмет технических наук и особенности свойств технического знания определяют понятие технико-технологической рациональности, как особого вида научной рациональности (Лебедев, Твердынин, 2008;6]. Этот вид рациональности предъявляет следующие необходимые требования к свойствам научного технического знания:

- «вещная» объектность
- конструктивная системность
- эмпирическая проверяемость
- системная надежность
- практическая эффективность
- социальная полезность
- точность
- открытость к критике
- возможность оптимизации или отказа от прежней модели.

Существенное влияние на развитие технических наук всегда оказывала также господствующая в обществе научная картина мира (Лебедев, 2015). Как известно, картина мира с точки зрения своего содержания и формы также прошла определенные этапы развития. Например, в Древнем Мире преобладала мифологическая картина мира, где вера в естественное и сверхъестественное сливалась в единое целое. В Древней Греции была создана первая научная картина мира, основу которой составлял космоцентризм. Все явления природы рассматривались в ней как части и элементы определенным образом понимаемого Космоса, как тотальной целостности с ее всеобщими законами. Установление природы этих законов, их числа и содержания – одна из главных задач философии как науки наук. Затем в Средние Века античную философскую картину мира сменил теоцентризм – религиозная картина мира, где всемогущий, всемогущий и вечный Бог стал демиургом и универсальной силой этой реальности. В эпоху Возрождения была предпринята попытка перемещения человека в центр картины мира, рассматривалась взаимосвязь человека с природой, возник антропоцентрическая картина мира, ставшая основой философии гуманизма. Последовавшая за этим смена акцентов в развитии европейской цивилизации Нового времени на удовлетворение практических потребностей общества, увеличение его материального могущества и на науку как главное средство решения этих проблем («Знание – сила» - Бэкон) породила новую научную картину мира – механистическую картину мира, но, вместе с ней, и новую традицию рационально-технического мышления.

Несмотря на смену в истории цивилизаций типов мировоззрения, технические науки фактически вплоть до начала XX века в целом развивались довольно медленно. Выделяют следующие этапы развития технических знаний:

- донаучный, эмпирико-практический (от античности до XVII в.)
- этап формирования научного технического знания (XVIII — первая половина XIX вв.)
- классический этап (вторая половина XIX в.)
- современный (с начала XX века по наст. вр.).

В наше время уже привычными и массовыми для развития науки стали ситуации, когда целевые исследования, ведущиеся в промышленных лабораториях, приводят к серьезным научным прорывам, или, напротив, когда ученые, работающие в университетах или академических центрах, приходят к важным технологическим открытиям. В то же время технические науки сегодня уже в полной мере рассматриваются не только как самостоятельные научные дисциплины, но и как особый вид научного знания, который существенно отличается от других видов научного знания (логико-математического, естественнонаучного, социально-гуманитарного) не только по своему предмету и функциям, но также структуре и методам (Лебедев, 2016).

Основное содержание

1. Специфика структуры знания в технических науках

Формирование любой технической науки происходит обычно следующим образом. Вначале возникает инженерная задача создания нового технического устройства определенного типа, которая предстает в виде определенной структурной схемы, затем она преобразуется в картину естественного физического процесса, отражающую функционирование данного устройства. Инженерная задача переходит в научную проблему, а потом и в математическую задачу, решаемую логическим путем. Этот путь (снизу вверх) называется анализом схем, а противоположный ему — синтезом схем. Он позволяет на базе уже имеющихся конструктивных элементов, точнее, соответствующих им идеальных объектов, синтезировать новое техническое устройство (вернее, его идеальную модель или теоретическую схему) по определенным правилам дедуктивного преобразования, рассчитать его основные параметры и проимитировать его функционирование. Выработанное на основе идеальной модели решение затем последовательно переносится на уровень инженерной практики. Главная задача технической теории состоит в разработке разных типов структурных схем для всевозможных требований и условий. Тем самым обосновывается принципиальная возможность создания соответствующих технических устройств и систем.

Специфика структуры и методов технических наук достаточно очевидна при их сравнении со структурой научного знания в других основных областях науки (математике, естествознании, социально-гуманитарных науках).

Особенность научно-технических дисциплин состоит в том, что в них инженерная деятельность часто не только дополняет экспериментальную, но и сама выполняет сама функцию эксперимента. Именно в инженерной деятельности проверяется адекватность теоретических выводов и выявляется новый эмпирический материал для исследования. Научно-технические дисциплины обязаны доводить теоретические знания до уровня практических инженерных рекомендаций. Специфика технической теории выражается не столько в использовании ее выводов для объяснения протекающих в технических устройствах природных процессов или даже необходимости доказательства применимости ее результатов на практике, сколько в их регулярном практическом использовании для создания этих технических устройств.

Поскольку все виды технических устройств являются материальными объектами, то по необходимости технические науки тесно связаны с естествознанием, изучающим различные природные материальные системы. Хотя и технические и естественные науки имеют в качестве своих предметов области инструментально измеримых явлений, однако они проводят их исследование различным образом. Технические объекты — это реальные объекты, которые создаются для выполнения определенных целесообразных функций. Техника, будучи объектом человеческого творчества, не является простой реализацией естественнонаучных знаний о природных объектах: она имеет свои специфические законы развития, которые выступают главной основой технического творчества. Более того, законы, вскрытые естествознанием, служат лишь исходной основой для технической творческой деятельности. Действие общих естественнонаучных законов проявляется в

специфической форме, связанной с тем, что реальные условия их функционирования накладывают массу ограничений конструкторского, технологического, экономического и даже эстетического плана в конкретных технических объектах и их системах. С онтологической точки зрения технические закономерности отражают специфическую форму проявления природных законов, обусловленную устойчивым, целенаправленным, искусственно организованным взаимодействием природных процессов, позволяющим использовать силы природы в удобной и пригодной для человека форме.

Специфика познавательной деятельности, осуществляемой в процессе создания технологических объектов, определяется тем, что она направлена на исследование структурно-функциональных зависимостей и придумывание (конструирование) на их основе структур, выполняющих заданные функции. Поэтому для того, чтобы материализоваться в технических объектах, естественнонаучные законы должны быть трансформированы в технические законы, в законы технических систем.

Принято выделять три больших группы технических наук:

- науки, изучающие технические свойства материалов (материаловедение, металловедение);
 - науки, изучающие технологические способы производства, т.е. технологические науки (технология композитных материалов);
 - науки об устройствах (детали машин, теория машин и механизмов, техническая термодинамика, гидравлика).
- Внутри каждой из этих больших групп технических наук выделяют различного рода общие и специальные технические дисциплины.
- Кроме того различают также и различные виды технических знаний:
 - Прикладные знания, умения и навыки, имеющие методическое значение для конкретных отраслей промышленности;
 - Проектно-исследовательские знания, позволяющие методологически обеспечивать создание новых технических средств;
 - Математические модели технических систем и устройств.

В частности, математические модели выполняют в технической теории различные функции, прежде всего инженерных расчетов. В развитой технической теории такие модели используются также для анализа и синтеза теоретических схем. Применение математических методов для верификации идеальных объектов служит мощным средством саморазвития технической теории. С помощью манипуляции математическими параметрами получают новые знания о процессах, протекающих в технических устройствах, без обращения к инженерной практике, хотя математические методы в ходе их применения сами претерпевают определенные изменения, приспособляясь к решению специфических научно-технических задач. Именно таким образом, в частности, возникло операционное исчисление, первоначально развитое для решения практических инженерных задач и получившее свою логическую форму значительно позже.

Применение математики в рамках проведения инженерных расчетов требует определенной идеализации технических систем. Исследователь — представитель технической науки — работает одновременно с теоретическими схемами как физической, так и технической теории, а также с математическими моделями, которые интерпретируются, с одной стороны, с точки зрения их физического смысла, а с другой — с позиций содержания инженерной деятельности. Собственная деятельность исследователя заключается в поиске научного обоснования для средств идеального описания стоящих перед ним познавательных задач, которые выявляются в процессе инженерной деятельности. При этом подобная идеализация строится таким образом, чтобы были возможны переходы между слоями теоретических схем, которые в качестве конечного результата предполагают использование их в расчетах проектировщиков новой техники.

2. Специфика методов технических наук

Методология технических наук — это особая область методологии научного познания. Ее предметом являются методы получения, обоснования, изложения и проверки знания в технических и технологических науках (сопротивление материалов, теория машин и механизмов, горное дело, фармацевтика, здравоохранение, кибернетика, теория связи,

технология выплавки металлов, теория планирования, маркетинг, менеджмент и др). Главной особенностью методологии технических наук является ее комплексный характер, отражающий сложную структуру технического знания как единства естественнонаучного, математического, социально-экономического и модельно-проективного знания (Лебедев, Твердынин, 2008). Важную роль в технических и технологических науках играют следующие методы, специфические именно для этой области научного знания (Лебедев, 2016):

- построение теоретических и материальных моделей будущих образцов техники и технологии;
- проектирование техносистем, математические расчеты на их конструктивность;
- лабораторные и полевые испытания на надежность,
- эффективность,
- экологичность;
- экономическая калькуляция на окупаемость,
- прибыльность, конкурентные преимущества;
- социальное тестирование на востребованность и приемлемость для общества в плане удовлетворения потребностей людей и т. д.

Наряду с инженерным, техническим и технологическим проектированием материальных систем и процессов, а также последующим обеспечением их обслуживания и безопасного функционирования, существенную роль в технических науках играет метрологическое знание, разнообразные методы измерения, разработка эталонов, стандартов единиц количественной оценки разнообразных свойств артефактов, технических, технологических и строительных изделий и конструкций.

В технических науках проводятся специальные теоретические (или специфические фундаментальные) исследования, анализ которых становится одной из важных задач современной методологии и истории науки. Вот почему так важно провести различие чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней знания в науке в целом и каждой из наук в отдельности (Лебедев, 2016). Это необходимо, прежде всего, для выявления специфических методов познания каждого из этих уровней. Опишем кратко специфические методы каждого из основных уровней научного познания и знания.

1. Методы чувственного уровня научного познания – научное наблюдение, эксперимент, измерение. Полученная с помощью этих методов познания информация достигается с помощью либо непосредственного чувственного восприятия изучаемого объекта, либо показаний различных научных приборов о его свойствах и отношениях.

2. Методы эмпирического уровня научного познания – описание данных наблюдения, эксперимента, эмпирическое обобщение, представление данных наблюдения и эксперимента в виде определенных графиков, схем, классификаций, формулировка научных фактов и эмпирических законов, их систематизация, построение феноменологических теорий, эмпирическое научное объяснение и предсказание, эмпирическое моделирование.

3. Методы теоретического уровня научного познания - идеализация, конструктивно-генетический метод, аксиоматический метод, дедуктивный метод, теоретическое моделирование, системный метод, метод принципов, интерпретация научной теории.

4. Методы метатеоретического уровня научного познания – обоснование частнонаучных теорий путем выведения их аксиом в качестве следствий более общих научных теорий; обоснование частных и общих научных теорий путем согласования их положений с общенаучным знанием (научной картиной мира); обоснование научных теорий путем их согласования с общепринятыми в науке идеалами и нормами научного исследования; обоснование класса фундаментальных теорий путем согласования с философскими основаниями науки) (Лебедев, 2016).

Заключение

Хотя технические науки – это органическая часть современной науки, однако они при этом являются также важнейшей частью практической деятельности. Поэтому технические и технологические науки (технонауки) не должны отрываться от практики, как от своего главного основания и цели, хотя, конечно, они и не тождественны последней. С другой стороны, хотя научно-технические дисциплины обслуживают, прежде всего, технику и ее

развитие, они, несмотря на это, являются частью науки, главной целью которой является получение объективно-истинного знания.

Литература

- Горохов, 2007** – Горохов В.Г. Основы философии техники и технических наук. М.: Гардарика. 2007. 296 с.
- Лебедев, 2010b** – Лебедев С.А. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2010, № 2, С. 5-10.
- Лебедев, 2010a** – Лебедев С.А. Структура научного знания. *Вестник Московского университета* // *Серия 7: Философия*, 2010, №3, С. 26-50.
- Лебедев, 2011** – Лебедев С.А. Современная наука: социальность и инновационность // *Вестник московского университета. Серия 7: Философия*. №1, С. 36-45.
- Лебедев, 2014** – Лебедев С.А. Основные модели развития научного знания // *Вестник Российской академии наук*. 2014. Т. 84, № 6, с. 506-513.
- Лебедев, 2015** – Лебедев С.А. Курс лекций по философии науки. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2015. 318 с.
- Лебедев, 2015** – Лебедев С.А. Наука и научная рациональность // *Известия Российской академии образования*. №4, С. 5-20.
- Лебедев, 2016** – Лебедев С.А. Курс лекций по методологии научного познания. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2016. 293 с.
- Лебедев, Твердынин, 2008** – Лебедев С.А., Твердынин Н.М. Гносеологическая специфика технических и технологических наук // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 2008, № 2, С. 44-70.
- Степин и др., 1996** – Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. Учебное пособие. М.: Гардарика. 1996. 400 с.

References

- Gorokhov, 2007** – Gorokhov V.G. (2007). *Osnovy filosofii tekhniki i tekhnicheskikh nauk* [Basics of philosophy of technology and engineering sciences]. M.: Gardarika. 296 p. [in Russian]
- Lebedev, 2010a** – Lebedev S.A. (2010). *Struktura nauchnogo znaniya* [Structure of scientific knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, №3, pp. 26-50. [in Russian]
- Lebedev, 2010b** – Lebedev S.A. (2010). *Edinstvo estestvennonauchnogo i sotsial'no-gumanitarnogo znaniya* [The unity of scientific and social-humanitarian knowledge]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, № 2, pp. 5-10. [in Russian]
- Lebedev, 2011** – Lebedev S.A. (2011). *Sovremennaya nauka: sotsial'nost' i innovatsionnost'* [Modern science: social character and innovation character]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. №1, pp. 36-45. [in Russian]
- Lebedev, 2014** – Lebedev S.A. (2014). *Osnovnye modeli razvitiya nauchnogo znaniya* [Basic models of the development of scientific knowledge]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. T. 84, № 6, pp. 506-513. [in Russian]
- Lebedev, 2015** – Lebedev S.A. (2015). *Kurs lektsii po filosofii nauki* [A course of lectures on the philosophy of science]. M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana. 318 p. [in Russian]
- Lebedev, 2015** – Lebedev S.A. (2015). *Nauka i nauchnaya ratsional'nost'* [Science and Scientific rationality]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya*. №4, pp. 5-20. [in Russian]
- Lebedev, 2016** – Lebedev S.A. (2016). *Kurs lektsii po metodologii nauchnogo poznaniya* [A course of lectures on the methodology of scientific knowledge]. M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana. 293 p. [in Russian]
- Lebedev, Tverdnyin, 2008** – Lebedev S.A., Tverdnyin N.M. (2008). *Gnoseologicheskaya spetsifika tekhnicheskikh i tekhnologicheskikh nauk* [[The epistemological specificity of technical and technological sciences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, № 2, pp. 44-70. [in Russian]
- Stepin i dr., 1996** – Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. (1996). *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology]. *Uchebnoe posobie*. M.: Gardarika. 400 p. [in Russian]

Специфика структуры и методов технических наук

Сергей Александрович Лебедев ^{a, *}, А.В. Колоскова ^a

^a Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены особенности структуры и методов технических наук по сравнению с другими науками. Показана их обусловленность тремя видами факторов: 1) техническими, практическими и социальными проблемами, 2) уровнем развития технических наук, а также естествознания и математики, 3) господствующей картиной мира. Обосновано наличие в структуре технических наук четырех качественно различных уровней научного знания: чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического. Раскрыта сущность основных методов построения и обоснования технических теорий.

Ключевые слова: технические науки, структура технического знания, методы технических наук.

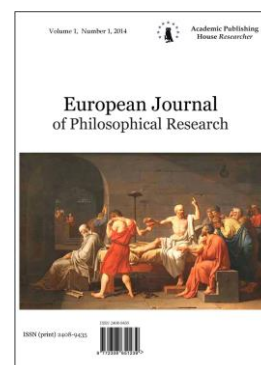
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: saleb@rambler.ru (С.А. Лебедев),
anna.koloskova@gmail.com (А.В. Колоскова)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 71-76

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.71
www.ejournal17.com

Intentional and Extentional Contexts of Truth-Values

Andrii E. Lebid ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article covers the developments of many-valued logics and logical semantics. An emphasis is placed on functional properties of many-valued logics. Another important topic covered in the article is the more complicated philosophical problem of interpretation of the truth-values in many-valued logics and logical semantics. Investigating this problem leads to the idea of structuralization of truth-values. The article deals with the main principles of logical semantics. The considerable attention is given to the problem of differentiating sense and meaning, as well as their referentials in modern logic. It analyzes the main principles of the logical systems developed by Frege, Bochvar, and Church. International and extentional contexts of truth of utterances meaning are researched via the critique of the bivalence, identity and executionability principles.

Keywords: semantics, truth, false, sense, truth-values.

Введение

Семантика междисциплинарная: её начала видим уже в античности, позднее она стала инструментально расширена и рассматривалось не столько как раздел филологии, а как раздел общей науки о знаках (семиотики). Одним из ведущих направлений в современной науке является логическая семантика, изучающая, по мнению А. Чёрча, интерпретации формализованного языка средствами логики (Чёрч, 1960). Логическая же семантика не занимается изучением всех семантических проблем, её предметом являются только те из них, которые исследуются строгими методами, например построение логических языков.

Сужение предметного поля логической семантики определяется выбором способов решения семантических парадоксов. Этот выбор даёт возможность оценить логическую эффективность той или иной семантической теории. Разрешение проблем семантических парадоксов определило размежевание таких понятий, как «объект-язык» (язык, о котором говорится) и «метаязык» (язык, на котором говорится об объект-языке). Проблема метаязыка (читай формализованного языка) многократно поднималась не только логиками, но и философами. В частности, философский постмодернизм определяет несколько интерференций этого феномена, позволяющих определить структурно-функциональные зависимости в логической семантике, а также требования, предъявляемые к метаязыку.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическими основаниями исследования выступают логико-семантические идеи Г. Фреге (Фреге, 1997), А. Чёрча (Чёрч, 1960), Д. Бочвара (Бочвар, 1938)

* Corresponding author

E-mail addresses: schwarzschwanenreich@gmail.com (A.E. Lebid)

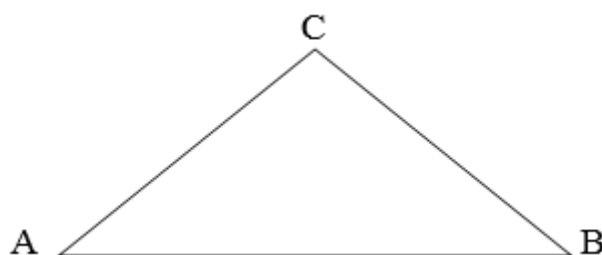
и других. Основополагающим для исследования следует обозначить методологии анализа: декомпозиционного (рассмотрение истинностного предиката как сущностно-функциональной системной манифестации) (Lebid, 2017), регрессивного (для обозначения фундаментальных принципов логической семантики в исследовании истинностной проблематики), трансформативного (для пояснения того или иного высказывания с приведением последнего к правильной логической форме), концептуального (для установления смыслов и экспликации концептов в формализованном семантическом языке), контрфактического (для моделирования гипотетических ситуаций и контекстов «возможных миров»).

Обсуждение проблемы

Следует отметить, что в классической философии и логике метаязык выступал в роли фиксатора логического инструментария рефлексии над феноменами семиотического ряда. То есть, это был методологический приём, позволяющий фиксировать знаковые модификации без дальнейшего их смыслопрочтения. С развитием неклассических логик метаязык меняет своё функциональное назначение, превращаясь в нечто наподобие инструмента критики, в том числе и своих собственных оснований (мета-метаязык).

В данном случае метаязык как формализованный язык оформляется в рамках постмодернистской концепции критики (Kritik) как стратегии отношения к формам мышления, Тексту как таковому. Формализованный характер метаязыка предполагает наличие у него ряда качеств, характеризующего его как метод фиксации и прочтения смысла. Во-первых, он должен обладать такими свойствами, как связность, логичность и систематичность, являющиеся интегративным потенциалом метаязыка, выступающим по отношению к объект-языку в качестве квазисистемы. Подобная квазирефлексивность формализованного языка выступает условием, благодаря которому сами поиски метаязыка становятся новым объект-языком, что открывает новый горизонт возможностей его бытия (Bent van, 1986, 38).

Часто логическую семантику разделяют на теорию референции и теорию смысла. Первая использует такие категории, как «имя», «определимость», «выполнимость» и другие. Вторая исследует отношение формализмов к тому, что они выражают и основными её понятиями являются понятия смысла, синонимии, аналитической и логической истинности. На уровне понятий и суждений в логической семантике являются вопросы, связанные с различием между объёмом и содержанием понятия, между истинностным значением и смыслом суждения. Это различие выражено в так называемом основном семантическом треугольнике Огдена-Ричардса -трёхчленном отношении между символом (A), референтом (B) и смыслом (C).

Отношения по линии AC и CB указывают на реальные отношения между символом и предметом, а также одновременно на то, что эти отношения возникли благодаря наличию смысла. Отсюда вытекает, что знаки могут иметь один денотат, но разный смысл, и не могут иметь разный смысл в случае указания на один и тот же денотат.

Это правило является общим как для эмпирической, так и для логической семантики. Представленная схема изображает не отношение трёх уровней анализа языка (синтаксического, семантического и прагматического), не коммуникативный процесс, но информацию семантического отношения. В этой схеме отсутствует прагматический уровень, который лишь предполагается в виде различных состояний сознания. Но в то же время, если уровни анализа языка употреблять изолированно один от другого, то они становятся

своеобразными абстракциями. Но опять же, это не означает, что каждый уровень анализа не может применяться самостоятельно. Фактически этот парадокс является нормой в логической семантике.

Если исследуют знаковые системы как средство фиксации, переработки и сохранения информации, то получают семантический уровень анализа, который возникает в результате абстрагирования от коммуникативной функции языка. А это значит, что знаковая система перестаёт быть языком в лингвистическом смысле. Эта абстракция применяется при изучении языка науки логики и математики, если анализируют знаковые системы с позиции их структурных свойств и отношений, получают синтаксический уровень анализа, возникающий благодаря абстрагированию от семантического и прагматического аспектов знаковых систем. Чаще всего, приведённые абстракции используются в логике в процессе исследования формализованных языков.

Значительный вклад в развитие идей логической семантики, в частности по вопросам формализации дедуктивных систем, сделал немецкий логик Г. Фреге. Его семантическая концепция основывается на анализе собственных имен. Он считал, что имена имеют не просто значение, но и смысл. По его мнению, имена выполняют две семантические функции: во-первых, они обозначают объекты, а во-вторых, они выражают объективную ситуацию, то есть указывают на соотношение объекта с другими объектами (Фреге, 1997, 109-120). Таким образом, заслугой Г. Фреге в области обоснования проблем логической семантики является формализация дедуктивных систем и структуризация понятия знака, который может мыслиться не только в связи с обозначаемым (денотатом), но и в связи с его смыслом (структура значения «денотат - смысл» у Г. Фреге соответствует структуре значения «экстенционал - интенционал» у Р. Карнапа).

Значение, или денотат, имени отождествляется с предметом, обозначаемым данным именем, смысл же имени - это информация, которая в нем содержится. Два выражения могут иметь одно и то же значение, но разные смыслы, если эти выражения различаются по структуре («7» и «5+2»). Важнейшими принципами теории именования, разработанной Г. Фреге и продолженной Р. Карнапом, является принцип замещения, то есть выражения, обозначающие один и тот же объект, могут взаимозаменяться во многих контекстах (например, имена «основатель логики» и «учитель А. Македонского» оказываются взаимозаменяемыми при обозначении греческого философа Аристотеля).

Принцип замещения носит экстенциональный характер, так как тождество имен основано на одинаковых денотатах. Принцип однозначности выражает требования, согласно которым каждое имя обозначает только один предмет. Этот принцип исходит из определения имени. Не отрицая факта многозначности имен, этот принцип требует, чтобы в специализированных языках, прежде всего в языках науки, каждое имя имело одно значение и один смысл. Принцип предметности отражает тот факт, что сложное имя выражает связи между предметами, а не между именами, составляющими сложное имя.

На практике существует множество случаев употребления имен, несущих различную смысловую и содержательную нагрузку и подчас обозначенных одним символом. Такое разногласие в реализации принципов именования обусловлено различием контекстов, в которых употребляются имена. В логике различают непрямой и прямой контексты. Непрямой или интенциональный называется контекст, значение которого изменяется при замене в нём определённого имени на другое с тем самым денотатом. Прямой контекст не предполагает изменения значения имени. В естественном языке интенциональными контекстами выступают те, которые содержат непрямую речь, а также так называемые модальные контексты, выражающие отношение человека к предметам или явлениям.

Анализируя естественный язык, Г. Фреге столкнулся с контекстами, в которых нарушался принцип объёмности, согласно которому два предиката (как логическая функция) не различаются, если они имеют один и тот же объём. Рассматривая антиномии именования, Г. Фреге показывает, что в интенциональных контекстах при употреблении имени, относительно которого этот контекст является интенциональным, денотат этого имени изменяется. Денотатом имени при непрямом его употреблении становится смысл имени при прямом его употреблении. А это означает, что, согласно принципу предметности, в интенциональных контекстах выражаются отношения не между предметами, а между их смыслами.

На данной методологической основе была произведена формализация экстенциональной логики путем отождествления понятия «логическое значение высказывания» и «денотат высказывания». Если денотатом высказывания является истина или ложь (в системе двухзначной логики), то все интенциональное многообразие устраняется.

Дальнейшая экспликация термина «денотат» была осуществлена А. Чёрчем (Чёрч, 1960), в созданной им логике смысла и денотата. Его концепция строится как простая теория типов (теория синтаксических и семантических категорий), позволяющая стратифицировать экстенциональные сущности с единственным разветвлённым предикатом «быть концептом».

В последующей версии теории значения А. Чёрч указал две интенциональные характеристики предикативной функции «быть концептом»: характеризующую функцию, соответствующую смыслу логической формы и соответствующую смыслу константного имени функции. Но поскольку интерпретация смысла и денотата в теории значения А. Чёрча ограничена онтологией простой теории типов, то есть экстенциональной иерархией, то процедура различения характеризующих функций и концептов остаётся чисто синтаксической, не интерпретированной.

Таким образом, проблема смысла, поднятая Г. Фреге и А. Чёрчем, тесно связана с проблемой поиска путей развития логики. Один путь развития логики состоял в построении специальных логических исчислений, которые бы учитывали интенциональные контексты, а другой – через развитие экстенциональной логики. На это развитие должно учитывать, по крайней мере, два момента. Первый состоит в том, что экстенциональная логика является чрезвычайной абстракцией относительно реального процесса познания. Второй момент состоит в том, что, отстаивая принцип объёмности, основополагающего для экстенциональной логики, следует помнить, что построить завершённую систему логики, применимую к любым языкам, невозможно. Интенциональные контексты нельзя исключить из содержательного языка, поскольку они выражают неопределенность, существующую в логике.

По большей части существующую неопределенность в логике связывают с существованием семантических и логических парадоксов, решение которых, в частности, состоит в требовании исключить из сферы рассмотрения семантически замкнутые языки. Семантически замкнутые языки являются самонепротиворечивыми, и поэтому их использование приводит к появлению неопределенностей в логических исчислениях.

В 1938 году Д. Бочвар (Бочвар, 1938) предложил оригинальный способ преодоления логических и семантических парадоксов. Он не отказывается ни от неограниченного принципа свёртывания, ни от семантической замкнутости. Парадоксы преодолеваются за счёт отказа от принципа бивалентности, то есть, не предполагается, что каждое высказывание является либо истинным, либо ложным; оно также может быть бессмысленным или абсурдным. В своей трёхзначной логике Д. Бочвар разрабатывает типологию высказываний, отличая собственно высказывания от предложений (то есть высказываний со смыслом).

В соответствии с этим он вводит три значения: «1» – истинно, «2» – ложно и «3» – бессмысленно. Отправным положением логики Д. Бочвара выступает тезис: если в состав высказывания *A* включено бессодержательное высказывание *B*, то высказывание *A* необходимо признать бессодержательным. Этот тезис положен им в основу дефиниции логических операторов:

Λ	B		

V	B		

	B		

A	A ¬
1	2
2	1
3	3

Результаты

Таким образом, доказуемой формулой у Д. Бочвара является выражение, которое принимает значение «1» при любых значениях аргументов. В этой связи возникает необходимость формировать новую логику. Стандартная семантика, включая семантику возможных миров, носит ярко выраженный экстенциональный, теоретико-множественный характер. Свойства и отношения в этой семантике задаются указанием их объёмов. Далее предполагалось, что функции и предикаты в классической логике и, соответственно стандартной семантике, являются всюду определёнными. Это относится и к семантическим предикатам, таким как предикат «истинно» (Смирнова, 1996, 176). Такой подход приводит к идее, что понятие истинности не является определённым для всего класса высказываний. Так, высказывание «Юлий Цезарь есть простое число» не будет ни истинным, ни ложным. Эта идея созвучна трёхзначной логике Д. Бочвара, а также сильной трёхзначной логике С. Клини.

Заключение

Применение точных методов в логике и логической семантике, использование формализованных языков не только не удаляет логику от решения теоретико-познавательных проблем, но наоборот, актуализирует ряд иных важнейших философских и научных проблем. Не совсем справедливым представляется, когда об абстрактных сущностях и связях, используемых в семантических построениях, говорят как о формальных, оторванных от познавательной деятельности (особенно достаётся в этом плане реляционным семантикам). На самом деле, создание системы абстрактных, идеальных конструкторов в ходе этой познавательной деятельности – важнейший аспект, суть самой этой деятельности.

Литература

- Бирвиш, 1981 – Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 10: Лингвистическая семантика. Москва: Прогресс, 1981. С. 177-199.
- Бочаров, Маркин, 2010 – Бочаров В., Маркин В. Силлогистические теории. Москва: Прогресс-Традиция. 2010. 336 с.
- Бочвар, 1938 – Бочвар Д.А. Об одном трехзначном исчислении и его применении к анализу парадоксов классического расширенного функционального исчисления // Математический сборник. 1938. Вып. 4. № 2. С. 287-308.
- Даммит, 1987 – Даммит М. Что такое теория значения // Философия, логика, язык. Москва: Прогресс, 1987. С. 127-212.
- Карпенко, 2010 – Карпенко А. Развитие многозначной логики. Москва: Изд-во ЛКИ. 2010. 448 с.
- Карпенко, 2016 – Карпенко А.С. Трёхзначная логика Бочвара и литеральные паралогики. Москва: ИФ РАН. 2016. 110 с.
- Клини, 1957 – Клини С. Введение в метаматематику. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 527 с.
- Лебідь, 2017 – Лебідь А.Є. Концепт «істина» в аналітичній філософії. Суми: Сумський державний університет, 2017. 381 с.
- Непейвода, 2000 – Непейвода Н. Прикладная логика. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 2000. 521 с.
- Павиленис, 1983 – Павиленис Р.И. Проблема смысла. Москва: Мысль, 1983. 288 с.
- Смирнов, 1989 – Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик / Под ред. В. Смирнова. Москва: Наука, 1989. 309 с.
- Смирнова, 1996 – Смирнова Е.Д. Логика и философия. Москва: РОССПЭН, 1996. 304 с.
- Тондл, 1975 – Тондл Л. Проблемы семантики. Москва; Прогресс, 1975. 485 с.
- Фреге, 1997 – Фреге Г. Избранные работы. Москва: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. 160 с.
- Чёрч, 1960 – Чёрч А. Введение в математическую логику. Том I. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 384 с.
- Bent van, 1986 – Van Bent hem J. Essays in logical semantics. Dordrecht: Reidel, 1986. 236 p.

References

- Bent van, 1986** – *Van Bent hem J.* (1986). Essays in logical semantics. Dordrecht: Reidel, 236 p.
- Birvish, 1981** – *Birvish M.* (1981). Semantika [Semantics]. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Vyp. 10: Lingvisticheskaya semantika. M.: Progress, pp. 177-199. [in Russian]
- Bocharov, Markin, 2010** – *Bocharov V., Markin V.* (2010). Sillogisticheskie teorii [Syllogistic theories]. M.: Progress-Traditsiya. 336 p. [in Russian]
- Bochvar, 1938** – *Bochvar D.A.* (1938). Ob odnom trekhznachnom ischislenii i ego primenenii k analizu paradoksov klassicheskogo rasshirennogo funktsional'nogo ischisleniya [On one three-digit calculus and its application to the analysis of the paradoxes of the classical extended functional calculus]. *Matematicheskii sbornik*. Vyp. 4. №2. pp. 287-308. [in Russian]
- Cherch, 1960** – *Cherch A.* (1960). Vvedenie v matematicheskuyu logiku [Introduction to the mathematical logic]. Tom I. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 384 p. [in Russian]
- Dammit, 1987** – *Dammit M.* (1987). Chto takoe teoriya znacheniya [What is the theory of value]. *Filosofiya, logika, yazyk*. M.: Progress, pp. 127-212. [in Russian]
- Frege, 1997** – *Frege G.* (1997). Izbrannye raboty [Selected Works]. M.: Dom intellektual'noi knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 160 p. [in Russian]
- Karpenko, 2010** – *Karpenko A.* (2010). Razvitie mnogoznachnoi logiki [The development of multi-valued logic]. M.: Izd-vo LKI. 448 p. [in Russian]
- Karpenko, 2016** – *Karpenko A.S.* (2016). Trekhznachnaya logika Bochvara i literal'nye paralogiki [Bochvar three-valued logic and literal paralogics]. M.: IF RAN. 110 p. [in Russian]
- Klini, 1957** – *Klini S.* (1957). Vvedenie v metamatematiku [Introduction to metamathematics]. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 527 p. [in Russian]
- Lebid', 2017** – *Lebid' A.Є.* (2017). Kontsept «istina» v analitichnii filosofii [The concept of "Istina" in the analogy of philosophy]. Sumi: Sums'kii derzhavnii universitet, 381 p. [in Ukrainian]
- Nepeivoda, 2000** – *Nepeivoda N.* (2000). Prikladnaya logika [Applied logic]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 521 p. [in Russian]
- Pavlenis, 1983** – *Pavlenis R.I.* (1983). Problema smysla [The problem of meaning]. M.: Mysl', 288 p. [in Russian]
- Smirnov, 1989** – *Smirnov V.* (1989). Sintaksicheskie i semanticheskie issledovaniya neekstensional'nykh logik [Syntactic and semantic studies of non-extensional logics]. Pod red. V. Smirnova. M.: Nauka, 1989. 309 p. [in Russian]
- Smirnova, 1996** – *Smirnova E.D.* (1996). Logika i filosofiya [Logic and philosophy]. M.: ROSSPEN, 1 304 p. [in Russian]
- Tondl, 1975** – *Tondl L.* (1975). Problemy semantiki [Problems of semantics]. M.: Progress, 485 p. [in Russian]

Интенциональные и экстенциональные контексты истинностных значений

Андрей Е. Лебедь ^{a, *}

^a Сумской государственной университет, Украина

Аннотация. В статье исследуются основные принципы логической семантики. Значительное внимание уделено проблеме определения смысла и значения, а также их референтов в современной логике. Анализируются основные принципы логических систем Г. Фреге, Д. Бочвара и А. Чёрча. Исследуются интенциональные и экстенциональные контексты истинностных значений высказываний через критику принципа бивалентности, тождества и выполнимости.

Ключевые слова: семантика, истинность, ложность, смысл, значение.

* Корреспондирующий автор

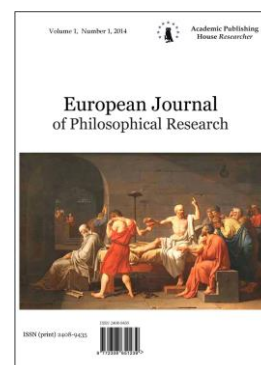
Адреса электронной почты: schwarzschwanenreich@gmail.com (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 77-93

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.77
www.ejournal17.com

The Welfare State: from the Imperfect Present to the Accomplished Future (Experience of Critical Reflection)

Yury M. Reznik^{a, *}

^aInstitute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Social state appears in the conditions of capitalism in order to smooth class contradictions and support the poor. The aim of the study is to substantiate the cognitive and design capabilities of the reflexive – critical approach to the understanding of the state as an ideal and reality. The author argues that social is not only the state that protects the interests of people in difficult situations, but also that seeks to maintain a balance between different groups, working towards national harmony and creating equitable conditions for the free development of each person, regardless of his social affiliation.

The article gives the substantiation of the critical theory as a tool for the analysis of the social state. It is presented by the author as a form of theoretical self-reflection, a kind of revolutionary practice, research activities (analytical modeling) and design. The last two forms are associated with the construction of different "critical models" of the social state, differing orientation to the past/present or future. Depending on the nature of the problems to be solved, the author identifies three main types of social statehood: the minimalist state, the state with a developed system of social protection (or the welfare state), the state of personal well-being. Each of them has its own critical model, focused either on the past/present or the future. In this case, the specified time coordinates are supplemented by the categories of perfect and imperfect, expressing different (respectively – high and low) degree of human emancipation.

The author presents the criticism of the really functioning social state by the leading social theorists in two analytical versions: the anti-system criticism of the Social state, which reveals the systemic contradictions of capitalism, its social and existential critique of the life of the world, and the meaning of its life-oriented interests.

Further, the author, relying on the critical analysis of the social state, and a number of variants of its critical modeling in the conditions of the Russian reality, offers Two options: a critical analysis of the imperfect present (the minimalist state, which has developed in modern Russia), and the system of restrictions (the orientation of the living state, and the critical model of the imperfect future (the protecting state). In the first case, the author uses the experience of anti-system and existential criticism, and in the second – his vision of the state with a developed system of social protection as a project of imperfect future, which will inevitably be replaced by a better future (the state of personal well-being).

However, "old" diseases stand in the way of further development of the social state in Russia (bureaucratic arbitrariness, disregard of constitutional principles and norms, non-observance and

* Corresponding author
E-mail addresses: reznik-um@mail.ru (Y.M. Reznik)

curtailment of social rights of the majority of citizens, growth of social and economic inequality, value conflict between the main groups, etc.). The Russian project of the social state is based on the critical model of imperfect future (protecting state), which has become imperfect present and even past for many developed countries. In conclusion, the author offers a specific list of steps that are designed to accelerate the transition to a new model of social statehood through a breakthrough in the sphere of transcendent ("higher" meanings of life) and the establishment of a harmonious social world that replaces class compromises and games of anonymous social forces.

Keywords: capitalism, social state, types of social statehood, critical theory, critical model, social problem, analytical modeling, project modeling, existential criticism, anti-system criticism, system world, life world, practices, communications, time coordinates (past, present and future), categories of perfect and imperfect, human emancipation.

Введение

Социальное государство возникает как инструмент сглаживания классовых противоречий капитализма, а в современных условиях продолжает выступать как форма его политической самокоррекции. Сформулированные еще Л. Штейном идеи, принципы и функции такого государства оказались актуальными и сегодня. В основе его деятельности лежит защита интересов большинства, обеспечение их социальных прав путем перераспределения собственности и доходов в пользу малоимущих слоев населения. Пытаясь разрешить острейшие классовые противоречия, социальное государство проходит в своём развитии несколько стадий: от минималистской модели к государству всеобщего благоденствия и далее – к поиску новых моделей. На этот путь уже давно стали государства Западной Европы, которые во имя укрепления собственной безопасности существенно расширили спектр социальных услуг, реализуя помимо ограничительной и обеспечительной функций еще и гарантирующую функцию.

Однако гуманистический потенциал такого государства (создание условий для развития человека и его достойной жизни) пока не реализован в полной мере, о чем свидетельствует процесс его становления в современной России. Опыт показывает, что такое государство, будучи классовым компромиссом, успешно развивается лишь при опоре на институты гражданского общества, которые вовлекают людей в различные формы самоорганизации. Кроме того, перед российской государственностью стоит еще одна комплексная задача – введение прямого действия соответствующего конституционного принципа, развитие социальной демократии и стимулирование крупного бизнеса к более масштабному участию в программах социальной поддержки населения.

Таким образом, между идеалом социального государства (свободное развитие человека) и реальностью его воплощения (обеспечение прожиточного минимума) оказалась значительная дистанция, преодолеть которую не всегда удается посредством социальных реформ. Поэтому современное социальное государство (в России и странах Европы) переживает острейший кризис. Нужны более радикальные шаги в переустройстве общества и преодолении социально-экономического неравенства различных групп.

В этих условиях глобальный капитализм оказался перед историческим выбором: продолжить своё «победное» шествие по планете, усиливая репрессивную направленность своих институтов и порождая цепь разрушительных последствий, или же, не ограничиваясь самокоррекцией, стать на путь фундаментальной перестройки основ своего существования. А это чревато в свою очередь новым кризисом социального государства.

Следовательно, социальное государство появилось в результате компромисса между классами и их политическими партиями, вобрав в себя некоторые лучшие черты двух исторически существующих общественных систем (капитализма и социализма). От капитализма оно восприняло идею «организации на началах свободы», принципы «социальной рыночной экономики» и гражданской ответственности. А от реального социализма – идею планирования и коллективного участия, обеспечение социального минимума (полная трудовая занятость и восьмичасовой рабочий день, единая пенсионная система, минимальные зарплаты, социальная помощь малоимущим).

В любом случае социальное государство как политический феномен и программа деятельности не выходит за пределы капиталистического строя, выступая в лучшем случае его самокоррекцией или усовершенствованной версией. Истоки многих социальных проблем

не выявляются, а загоняются вглубь (например, камерализм как политика изоляции бедности и маскировки нищеты). Будучи по своей сути институционализированным классовым (или точнее – межклассовым) компромиссом и «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма» (Ю. Хабермас), оно проходит в своей эволюции разные стадии, зависящие от конкретной модели капиталистической системы и условий её развития.

В завершении приведу своё определение. В моём понимании *социальное государство – это государство капиталистического типа, которое наряду с правовым государством возникает как инструмент сглаживания противоречий между правящими классами и классом рабочих (и в целом немущих), прежде всего, в сфере труда и занятости, и в дальнейшем берет на себя функции защиты интересов большинства и, опираясь на право каждого человека на достойную жизнь и принцип справедливого распределения доходов, развивается в направлении самоорганизации людей в рамках гражданского общества для решения проблем саморазвития человека как свободной и творческой личности.*

Основное содержание

Насколько социальное государство социально? Вопрос не праздный. О том, что социальное государство имеет классовую природу и является буржуазным по сути, написано много. Мне представляется, чтобы понять, что такое социальное государство, необходимо уточнить вначале один из самых распространенных в научной литературе термин – «социальное». Кстати, у него имеются свои противники.

Одним из самых ярких противников термина «социальный» и его научного употребления был Л. фон Хайек*. «Социальный» – слово-ласка. Существительное «общество» («социум») относительно безобидно по сравнению с прилагательным «социальное» («общественное»), которое, вероятно, стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике» (Хайек, 1992). Так вот, подобно зверьку ласке социальное выедает, как из яйца, содержимое основного термина. В нашем случае речь идет о государстве. Государство, которое называется социальным, перестает быть государством в его традиционном понимании*. Оно становится социальным, но теряет во многом свою изначальную основу.

Следует признать, что в идеале любое государство должно заботиться о своих гражданах больше, чем о своём собственном благополучии. Об этом писали многие мыслители прошлого (Аристотель, Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Гегель и др.). Но чем тогда отличается социальное государство от всех прежних типов государственности? Только тем, что оно проводит сильную социальную политику и стремится преодолеть социально-экономическое неравенство? Конечно, нет. Такую политику проводило и советское государство, хотя можно спорить о том, насколько оно было (или не было) социальным. Как известно, социальное характеризует отношения между людьми как представителями разных классов и групп, которые возникают в связи с различиями (или сходством) в условиях и образе их жизнедеятельности. Оно охватывает «интегральные» и «сквозные» связи между людьми, указывающие на их способность быть субъектами совместной деятельности и поддерживать целостность коллективных образований.

* В этой же книге он многократно разбирает термин «социальный», приводя более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальный» или «общественный». Он считает этот термин совершенно бесполезным и даже опасным средством коммуникации. Но главный его порок заключается в том, что он выхолащивает смысл тех существительных, к которым прилагается (см.: Хабермас, 1995).

* Досталось от Л. фон Хайека и социальному государству. Он считает, что в Западной Германии, где конституция 1949 года признавала факт существования «социального правового государства» и «социальной рыночной экономики», были принесены в жертву многие ценности либерального порядка. По его мнению, государство и рыночную экономику не стоит превращать в социальные, поскольку они так социальные по своей природе. В этом он видит прямую угрозу рынку и даже допускает, что введение этих конституционных норм приводит к приостановке правления права (см.: Хабермас, 1995).

В отличие от них экономические отношения складываются по поводу производства материальных условий существования людей.

Социальное очерчивает границы существования различных (больших и малых) групп как социокультурных целостностей, удерживая равновесие между ними (баланс интересов). Между классовым конфликтом и внутриклассовым согласием находится зона солидарности как внешнего формального единства людей, объединенных общими интересами и, прежде всего, интересом поддерживать существующий социальный порядок.

Государство, которое объявляет себя социальным, не должно предоставлять ни одной социальной группе существенные экономические и политические привилегии. Оно становится на сторону большинства, выражая интересы основных классов или групп общества и поддерживая единство (социальное согласие) между ними. Именно в этом, а не только в оказании помощи нуждающимся, я вижу его практический смысл.

Социальное государство объявляет в качестве приоритета своей деятельности не первенство социального над экономическим, что больше характерно для стран реального социализма, а установление между ними паритетных отношений, не посягая при этом на сами основы капиталистического строя (рынок, частную собственность, свободную конкуренцию, демократию). Это – государство здравого смысла, которое в своей политике исходит из принципа разумного самоограничения. Каждый, кто обладает значительным объемом капитала, должен отдавать его часть на нужды неимущих или занятых в бюджетной сфере. Так оно сглаживает, а не упраздняет в принципе классовые противоречия, выступая своего рода «буфером» между имущими и неимущими, предпринимателями и наемными работниками.

Таким образом, социальное государство уже на ранней стадии своего развития берет на себя, с одной стороны, функцию защиты интересов зависимых и нуждающихся в материальной помощи групп, а, с другой стороны, функцию ограничения монопольного права на власть и собственность других групп. Причем обе функции тесно связаны друг с другом. Нельзя защищать права одних, не ограничивая возможности других. Конечно, защищающее и ограничивающее государство является лишь первым типом социального государства, которое я и называю минималистским.

Предпосылки рефлексивно-критического понимания социального государства. Из всего многообразия дефиниций мне больше всего подходит следующее определение: «Теория, способная дать аналитическое и этическое обоснование, необходимое для выявления структуры явлений, лежащих в основе общественной практики, и раскрыть воплощенную в них возможную деформацию социальной жизни» (Шон Розенберг)*. Её основатель М. Хоркхаймер считал, что критический метод призван разоблачать «всё, что уродует жизнь человечества и препятствует его свободному развитию...» (Хоркхаймер, 2011: 213).

Как известно, основы критической теории заложили представители Франкфуртской школы (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе и др.). Они соединили в своей теории идеи критики разума Канта, диалектики Гегеля, отчуждения К. Маркса, концепцию человека З. Фрейда, анализ идеологии как ложного сознания Г. Лукача и др. Вместе с тем они настаивали на том, что поздний капитализм и социализм суть разновидности индустриального общества, отрицали революционную роль пролетариата и абсолютизировали категорию отрицания. Особое место в их трудах заняла критика тоталитаризма и авторитарной личности (Адорно). Некоторые из их идей подхватили и развили дальше современные социальные теоретики Ю. Хабермас, М. Фуко, А. Гоулднер, Ч. Миллс, Э. Гидденс и др.

Изложу вкратце своё понимание современной критической теории применительно к анализу социального государства.

1. Критическая теория является формой теоретической саморефлексии современного типа социальной жизни (Фурс, 2002: 11). С этой точки зрения социальное государство, являющееся продуктом модернизации, выступает полем анонимной игры стихийных сил (рынок, политическая борьба и пр.) и не может преодолеть социальное отчуждение. Акцент же на саморефлексию означает рефлексивную самоотнесенность содержания теории к ситуации её создания, в т.ч. к биографической ситуации самих теоретиков. Как известно, создатели идеи

* См.: https://studwood.ru/1507849/ekonomika/kriticheskaya_teoriya (дата обращения – 06.02.19).

и практики социального государства так и не смогли преодолеть до конца свою политическую ангажированность.

2. Критическая теория выступает разновидностью революционной практики, ориентируя людей на идеал эмансипации и рефлексивное присвоение продуктов отчуждения их труда и собственности. Нынешнее социальное государство не способно стать движущей силой борьбы за эмансипацию человека, хотя в своей официальной политике продолжает следовать гуманистическим идеалам («достойная жизнь», «свободное развитие личности» и пр.). Поэтому необходимо вскрывать все недостатки деятельности такого государства, показывая его двойственную природу (пребывание между двух миров) и неспособность к радикальным социальным изменениям.

3. Критическая теория рассматривает социальную жизнь как сеть практик и коммуникаций, структурированных значениями, деньгами и властью (Ю. Хабермас, М. Фуко). С одной стороны, общество выступает композицией сфер действия (инструментальные и коммуникативные аспекты), с другой, представляет стратегические игры за доминирование над поведением индивидов. Социальное государство находится в поле взаимодействия системного и жизненного миров социума. Его можно определить как одну из практик системного мира, обеспечивающую за счет его ресурсов элементарные условия для жизнедеятельности людей и ориентированную в той или иной мере на ценности жизненного мира.

Социальное государство можно рассматривать далее в двух ипостасях критической теории: аналитическое моделирование (построение «критической модели», ориентированной на описание прошлого или настоящего) и проектное моделирование (разработка «критической модели», ориентированной на будущее, в т.ч. несовершенное и совершенное)*.

Поэтому для критического анализа такого государства наряду с временными координатами (прошлое, настоящее и будущее) следует ввести категории «совершенное» и «несовершенное», производные от слова «совершенство» (как предел развития единства, выступающего в качестве меры подлинности или эталона чего-либо) и выражающие в моем понимании соответственно высокую или низкую степень эмансипированности человека в конкретных условиях его исторического развития. То, что совершенно сегодня, завтра уже несовершенно. Кроме этого, надо учитывать еще одно обстоятельство: несовершенное настоящее может породить лишь несовершенное будущее, которое не обладает полнотой всех качеств исходного образца (совершенного будущего). К тому же для каждой эпохи (или в жизни каждого поколения) имеется свой идеал совершенства.

4. Единицей критического и конструктивного анализа деятельности любого социального государства является, на мой взгляд, социальная проблема, содержащая осознанное противоречие между потребностями людей в достойной (по меркам их социальной группы) жизни, с одной стороны, и условиями их удовлетворения, которые им создает (или не создает) данное общество, с другой стороны. Интегральным же показателем, в котором фокусируется степень различий в условиях жизнедеятельности разных социальных групп, выступает качество жизни. Так формируется «критическая модель»,

* Кстати, в английском языке Future Perfect Continuous (будущее совершенное) обозначает действие, которое начнется в будущем и будет продолжаться до наступления следующего, более позднего действия, но тоже в будущем. Я же употребляю прилагательное «совершенный» в значении «обладающий совершенством, полнотой бытия, превосходящий нечто, что можно назвать несовершенным». Это – то будущее, что характеризуется качественной определенностью. В нем представлены все необходимые и достаточные качества, которые мы приписываем данному феномену (например, совершенный человек). В этом смысле социальное государство как будущее может проходить несколько стадий развития. Для России будущим являются обе модели – государство с развитой системой социальной защиты и государство личностного благоденствия. Однако, первое будущее, переход к которому уже намечается в настоящем, я называю несовершенным (утопией, реализуемой в среднесрочной перспективе), а второе, которое наступит значительно позже, – совершенным (нереализуемой на данном этапе утопией или утопией, которая рассчитана на долгосрочную перспективу).

которая имеет дело с несовершенным прошлым/настоящим (исчерпанным) или с уже свершившемся (состоявшимся) будущим.

Тип социального государства, складывающийся в той или иной стране, определяется характером тех социальных проблем, которые оно решает. В этой связи я различаю проблемы-следствия (порожденные или причиненные проблемы), проблемы-причины (причиняющие или порождающие проблемы) и проблемы-средства (конструктивные или «решающие» проблемы).

Поэтому в зависимости от уровня сложности социальных проблем формируется та или иная теоретическая модель социального государства и его политики:

– порожденные проблемы (неравенство, бедность, голод и пр.) – *минималистское социальное государство* и соответствующая ему реактивная политика, призванная всего лишь потушить социальный пожар и обеспечить минимальный уровень жизни (прожиточный минимум);

– порождающие или причиняющие проблемы – *защитающее государство* (государство с развитой системой социальной защиты или государство всеобщего благоденствия) и связанная с ним превентивная (предупредительная или упреждающая) политика, основанная на стратегии опережающего решения проблем и выстраивании партнерских отношений с организациями гражданского общества;

– конструктивные проблемы – *государство личностного благоденствия* (или государство реального гуманизма) и сопряженная с ним социально-гуманитарная или жизненная политика, при которой большинство причиняющих проблем снимается еще до момента их обострения, а основное внимание уделяется решению проблем-средств, т.е. преодолению препятствий, возникающих на пути создания условий для саморазвития человека как свободной личности.

Следовательно, аналитическое моделирование характеризует процесс выявления и решения социальных проблем, имеющих отношение к прошлому и настоящему социального государства. В последнем типе, модель которого пока еще не реализована на практике, намечается переход к проектному моделированию.

5. Критическая теория обладает проектным потенциалом в построении нового общества как совершенного будущего (утопия, реализация которой отсрочена на долгосрочную перспективу). В каком-то смысле её можно рассматривать как праксеологию социальной эмансипации или как научно обоснованную социальную утопию. Её проекты характеризуются открытым и прогностическим характером. Это – образы желаемого и практически трудноосуществимого будущего, призванные корректировать социальную реальность (своего рода реалистические утопии). Они предстают в виде наглядных и привлекательных моделей будущего, которые воссоздают новые формы общественной жизни, выступающие в виде альтернатив существующим моделям реальности.

Критически-конструктивный подход реализуется также в двух версиях: разработка модели несовершенного будущего (как утопии, реализуемой в среднесрочной перспективе) и создание модели совершенного будущего (как утопии или идеала, не осуществимых на данном этапе исторического развития общества). «Современная критическая теория последовательно проводит тезис о том, что утопические содержания имманентны наличным формам социальной практики. В частности, в концепции Хабермаса рационализация жизненного мира, которая делает возможным обособление функциональных подсистем, одновременно открывает утопический горизонт гражданского общества, в котором капиталистическая экономика и бюрократическое государство образуют основу для посттрадиционной организации приватной и публичной жизни. Эта рационалистическая утопия представляет собой не простую иллюзию – она возникает из структуры нашего жизненного мира» (Фурс, 2002: 67).

Именно такой рациональной, хотя и нереализуемой пока для большинства стран мира, утопией является модель государства личностного благоденствия (как совершенного будущего), которая может прийти на смену модели государства с развитой системой социальной защиты (несовершенного или недостаточно совершенного настоящего для западных стран и столь же несовершенного будущего для нас). Такое государство «центрировано проблемами качества жизни, индивидуального самоосуществления, включенности и прав человека» (Фурс, 2002: 68). На место массовой эмансипации,

связанной с преодолением классового и национального угнетения, приходит эмансипация самости человека. Подобную программу разрабатывал и Э. Гидденс. «Я определяю политику эмансипации как общую точку зрения, связанную, прежде всего, с освобождением индивидов и групп от ограничений, которые оказывают неблагоприятное воздействие на их жизненные шансы» (Фурс, 2002: 68). Такую политику он называет еще жизненной политикой или политикой жизненных шансов.

Таким образом, критическая теория является инструментом анализа и проектирования социального государства на всех стадиях его эволюции. Как аналитическое моделирование она ориентирована на выявление критических социальных проблем прошлого и настоящего, а как проектная практика (проектное моделирование) – на создание критических моделей совершенного/несовершенного будущего, которые соответствуют двум разным способам или частным практикам эмансипации – преодолению социального отчуждения (при помощи государства всеобщего благоденствия) и практика выхода из самоотчуждения (посредством государства личностного благоденствия). Первая практика является следствием расколдовывания системного мира социума, регулируемого посредством денег и власти, а вторая – результатом эмансипации жизненного мира, раскрепощения сущностных сил человека.

Социальное государство и его критики. Социальное государство и его разновидность – государство всеобщего благоденствия в теоретическом плане порождены идеологами и социальными инженерами. Подчеркивая их зависимость от правящего класса, А.У. Гоулднер писал: «... Подчинение деятельности социолога политике правящих кругов – это предательство наиболее фундаментальных целей любой социологии» (Гоулднер, 2003: 21). Вместе с тем в науке без политики нельзя обойтись. «Каждый, кто посвящает свою жизнь изучению общества и публикации результатов этой работы, хочет он этого или нет..., уже действует морально, а часто и политически значимым образом» (Миллс, 1998: 96).

Я согласен также с Ч. Миллсом в том, что те, кто ратует за «научную объективность» или избегает «оценочных суждений», больше всего боятся страстной убежденности и ведут себя нечестно в нравственном отношении и пассивно в политическом плане. Как считал тот же Миллс, у любого исследования, особенно прикладного, имеется своё бюрократическое и идеологическое применение. В связи с этим Э. Гидденс предлагал расширить объем понятия «политика» и включить в него такие виды, как научная политика, жизненная политика и пр.

Критику социального государства как институции системного мира я буду называть далее антисистемной, а его критику с позиции жизненного мира и во имя эмансипации – экзистенциальной. Разумеется, я не исключаю варианта системной критики этого государства, осуществляемой представителями самого правящего класса, чуждым идеям справедливости и гуманизма. Но этот вид социальной критики я оставляю в стороне.

А.У. Гоулднер как антисистемный критик социального государства. Критика Гоулднером социального государства велась в основном против проекта функционализма, который ориентировал чиновников на решение социальных проблем, обеспечивающих стабильное существование капитализма. С его точки зрения, теоретическая система, которую построил Т. Парсонс, исходила из признания равновесного и фактически бесконфликтного существования социального мира. Любые отклонения от установленного порядка должны «мягко» преодолеваются или «нейтрализоваться». Поэтому, чтобы обнаружить реальные противоречия, нужен совершенно иной, антисистемный (в основе своей – антифункциональный) подход, который связан с критической рефлексией оснований деятельности социального государства как бюрократической системы, порожденной современным капитализмом.

Критическую позицию А.У. Гоулднера можно свести к нескольким ключевым положениям.

1. Государство всеобщего благоденствия (далее – ГВБ), которое воспевали теоретики современного капитализма, в т.ч. и Т. Парсонс, возникает в обществе, основанном на утилитарных ценностях. Последнее выявляет, по мнению Гоулднера, категорию «беспольных» людей, чтобы установить контроль над ними. Беспольными он называет тех, кто не может себе обеспечить достойный уровень жизни и выпадает из «нормального» сообщества. Переход к ГВБ означает расширение государственного участия в избавлении от «беспольных» людей (Гоулднер, 2003: 105-106). Теперь целью государства становится

филтрация людей по критериям «полезности» и «бесполезности». Причем акцент в политике делается на увеличение количества «полезных» и сокращение «бесполезных» людей в обществе. Полезными считаются те, кто имеет постоянную работу, регулярно платит налоги и выполняет другие социальные требования. Ни о какой общественной пользе речь, конечно, не идет.

2. Существует три основных стратегии контроля над «бесполезными» людьми со стороны государства:

– *экологическая изоляция* (создание анклавов или резерваций, этнических или расовых гетто, трудовых лагерей, общин для пожилых, психиатрических лечебниц и т.д.);

– *перевоспитание личности*, в т.ч. перевод части больных или временно нетрудоспособных, безработных, мигрантов и неквалифицированных граждан в категорию «бесполезных» людей с целью их дальнейшего «исправления» (лечения, обучения, переподготовки) и последующего возвращения в «нормальное» общество (к главному недостатку ГВБ Гоулднер относит то, «что его забота о “благоденствии” ограничена приверженностью полезности; оно требует чего-либо полезного взамен того, что дает» (Гоулднер, 2003: 106));

– *адаптация людей к рутинным практикам, понижение их творческой активности* (здесь на первый план выходит, по мнению Гоулднера, «проблема механического труда; социальное государство должно постоянно идти в ногу с продолжающимся процессом механизации и автоматизации, с присущей ему тенденцией порождать безработицу, по крайней мере временную, и постоянное устаревание навыков» (Гоулднер, 2003: 106); с этим связаны также многочисленные программы «человеческих отношений», которые пышным цветом расцвели в крупных корпорациях).

3. У ГВБ имеются свои пределы влияния на решение социальных проблем. Появляются новые противоречия, которые оно уже не способно решать, о чем предупреждает Гоулднер. «По своей природе ГВБ является системой регулирования, начинающей действовать только после очевидного возникновения “проблемы” и в ответ на нее» (Гоулднер, 2003: 110). А это значит, что оно имеет дело преимущественно не с проблемами-причинами, а с проблемами-следствиями. А ведь, чтобы лечить болезнь, надо поставить правильный диагноз, а не хвататься за первые попавшие под руки лекарственные средства. На службе такого государства стоят люди, зараженные вирусом утилитаризма и не способные сопротивляться поразившей их болезни.

Следовательно, пределами или ограничениями ГВБ являются:

– медленное реагирование на решение проблем (как правило, проблем-следствий), что соответствует реактивной социальной политике;

– зависимость решения большинства проблем от тех институтов, которые их же и порождают (частное предпринимательство, фонды, политические партии, административные учреждения и пр.);

– неэффективное использование (а часто – присвоение и разбазаривание) средств, выделенных на программы социального обеспечения.

Таким образом, по мнению А.У. Гоулднера, ГВБ – это:

1) «централизованное бюро планирования и финансирования» посредников в избирательном решении социальных проблем;

2) агентство по работе с «бесполезными» людьми, которое осуществляет систему мер по сокращению их количества и адаптации человека к изменившимся условиям современного капитализма;

3) форма приспособления социальных программ к групповому и индивидуальному эгоизму тех, кто как раз и порождает большинство проблем, извлекая к тому же из них прямую выгоду*.

* Следовательно, деятельность ГВБ зачастую приносит обратный эффект: помогая страждущим и бедствующим, оно вынуждено обращаться за поддержкой к тем, кто причинил их бедственное положение. Такое государство фактически работает на частный сектор, принося ему прибыль от решения проблем, сулящих выгоду сторонним лицам, которая не имеет прямого отношения к решению критически острых проблем. Значительная часть средств распределяется не по прямому назначению (см.: Гоулднер, 2003: 111).

Следовательно, социальное государство не устраняет утилитаризм в культуре и образе жизни, а, напротив, использует в своей деятельности критерии полезности (денежную парадигму), применяя их в отношении человека или общества и оценивая последних по меркам рынка или частного сектора. «В повседневной жизни в буржуазной культуре полезность обычно измеряется производством благ и доходов, независимо от того будут ли это индивиды, предприятия или нации» (Гоулднер, 2003: 104). Полезность же самого человека измеряется в буржуазном обществе тем, сколько он стоит как собственник или способен заработать, используя свою рабочую силу.

Социальное государство не смогло решить большинства проблем, которые на него возлагались общественностью. Оно так и остается бюрократической машиной, порожденной современным капитализмом со всеми его пороками. Поэтому сегодня можно констатировать, что в его деятельности доминирует государственная бюрократия, которая поддерживает негласный союз с теми кругами, которые как раз и порождают большинство социальных проблем вместо того, чтобы их решать (представители частного сектора, предприниматели, чиновники). Их объединяют ценности утилитаризма и прагматизма. Таков неутешительный вывод, вытекающий из анализа идей А.У. Гоулднера.

Ю. Хабермас о социальном государстве (взгляд со стороны жизненного мира). Более мягкий вариант критики социального государства, который я условно называю экзистенциальной, предложил Ю. Хабермас, испытавшие сильное влияние идей неомарксизма и впоследствии стал занимавшийся проблемами коммуникативного действия. Экзистенциальной же я называю её потому, что она связана с такими смысложизненными ценностями жизненного мира, как взаимопонимание, любовь, личное достоинство и пр., которые проецируются на понимание Хабермасом социального государства, представляющего, помимо прочего, интересы системного мира.

Хабермас так описывает ситуацию, сложившуюся к началу 1990-х годов в странах Западной Европы: «Программа “социального государства”, которую удалось провести после второй мировой войны в обществах нашего типа, – относительный успех. Она означает, с одной стороны, ощутимую компенсацию за риск и тяготы, связанные с трудом, с другой – некоторое дисциплинирование и в то же время защиту капиталистического роста. Конечно, врожденный порок естественной судьбы, обусловленный капиталистическим рынком труда, пока не устранен, а лишь косметическим подправлен. Но в настоящий момент дело обстоит так, что социалистически ориентированные левые силы на Западе не могут добиться дальнейшего прогресса, даже закрепить достигнутое...» (Хабермас, 1995: 92).

Ю. Хабермас обратил внимание еще на одну функцию социального государства – *рефлексивную*, которая присуща ему в развитом состоянии. «Стать рефлексивным для государства означает, однако, и то, что извлекаются уроки из опыта обращения с таким средством, как власть, которую политики социального государства должны использовать для своего вмешательства в общественные субстраты» (Хабермас, 1995: 96). Что же помешало этому государству стать рефлексивным? На этот вопрос у немецкого мыслителя прямого ответа нет.

Рядовые граждане по-прежнему отстранены от повседневного участия в системе власти. Их жизненный мир подвергается, по мнению Ю. Хабермаса, беспощадной колонизации со стороны системного мира и, прежде всего, авторитарного государства. Ценности рынка и бюрократии стали проникать в структуры повседневной жизни и устанавливать там свои «правила игры». Подобную идею развивал в своё время и А.У. Гоулднер, подчеркивая, что «современные искусственные управленцы стремятся контролировать “неформальные” групповые структуры в производственной жизни, которые до сих пор предоставляли возможности для компенсирующего выражения» (Хабермас, 1995: 105-106). Частная жизнь людей перестала быть личным делом людей и на неё всё больше посягают «всевидящие организации». Системные суррогаты и утилитарные жизненные стандарты шаг за шагом вытесняют остатки спонтанной активности индивидов, блокируя их коммуникации, а тем самым лишая жизненный мир смысла.

Таким образом, даже Хабермас, которого трудно заподозрить в симпатиях к реальному социализму, признает, что введение программы социального государства явилось ни чем иным, как попыткой защитить капитализм или его косметическим ремонтом. Будучи по своей сути институционализированным классовым (или точнее – межклассовым)

компромиссом, оно становится вместе с тем «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма». Лейтмотивом его экзистенциальной критики стали исследования проблем колонизации жизненного мира со стороны бюрократического государства и других институтов системного мира.

Социальное государство в России: критически-аналитическая версия.

Аналитическое моделирование нужно начинать с описания критической социальной ситуации, сложившейся в обществе. Очевидно, что мы имеем дело с моделью несовершенного настоящего (т.е. не реализованной до конца утопии), о чем свидетельствуют не только социально-экономический кризис, усугубляемый экономической блокадой и политическим давлением со стороны стран Запада, но и нарастающий кризис сознания большинства российских людей, обусловленный преимущественно внутренними факторами (непопулярными мерами правительства, экономической стагнацией, политическим застоём, бюрократическим произволом, духовно-нравственной деградацией и пр.) и сопровождающийся их страхами и неуверенностью в завтрашнем дне.

Что же касается фактического статуса Российской Федерации, то её следует считать на сегодняшний день минималистским социальным государством по форме (конституционный принцип) и несоциальным по сути. Такое государство сталкивается чаще всего с проблемами-следствиями, решение которых не позволяет выйти на новый, более высокий уровень развития. Поэтому в данных условиях оно может быть лишь минималистским или реагирующим, хотя, как показывает опыт, даже свои защищающие функции ему не всегда удается выполнять в полной мере.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты. В последние годы полным ходом идёт сворачивание социальных прав рядовых граждан (повышение пенсионного возраста, рост налогов, сокращение перечня обязательных социальных и медицинских услуг, и пр.), а доверие к институтам власти продолжает снижаться, что лишь увеличивает дистанцию между реально функционирующим корпоративно-бюрократическим государством и декларируемым в Конституции принципом социального государства. Применительно к опыту построения этого государства в России можно использовать оба вида критики – антисистемную и экзистенциальную.

Развивая антисистемную аргументацию, я делаю вывод, что сегодня мы идём в сторону «от социального государства», а не к нему. Ведь социальным считается то государство, которое действует в интересах большинства классов и групп общества, выравнивая постепенно условия их жизнедеятельности и расширяя границы среднего класса. Пока существует колоссальный (несопоставимый с подобными показателями самих развитых стран) разрыв между самыми богатыми и самыми бедными людьми в России, не может сложиться полноценное социальное государство. Кроме того, следует назвать несколько отрицательных моментов, которые тормозят его становление в нашей стране.

Во-первых, для социального государства нужна прочная экономическая база. Путь к цифровой экономике блокируется формально-бюрократическими механизмами. Отток из страны или переход в другие отрасли интеллектуалов, способных создавать и внедрять на практике инновационные технологии, продолжается. До сих пор не развернуты в полной мере производство отечественных (импортозамещающих) наукоемких деталей, узлов и других комплектующих, что тормозит такие передовые отрасли промышленности, как автомобилестроение, кораблестроение, авиастроение и пр. Поэтому нынешнее состояние модернизации я бы назвал «модернизацией для чужих». Мы по-прежнему покупаем большинство комплектующих для машиностроения в западных странах, что в условиях нарастающей экономической блокады страны уже напрямую затрагивает вопросы национальной безопасности. Такая квазимодернизация никак не может содействовать укреплению социального государства.

Во-вторых, социальное государство возникает в России в условиях перехода к капитализму, что накладывает на него его «родимые пятна». Это то, что В.С. Нерсисянц называл буржуазным «социализмом», приводя в пример шведскую модель общественного устройства. «Смысл такого “социализма” состоит в том, что развитой и богатый капитализм платит своеобразную дань социалистической идее путем ущемления собственников в пользу несобственников, чтобы упрочить сам строй частной собственности, не доводить дело до настоящего социализма» (Нерсисянц, 2000). Поэтому оно развивается далее в логике

капитализма и ничем иным как его самокоррекцией быть не может. Ситуация усугубляется еще и тем обстоятельством, что Россия продолжает терять свои позиции в мировой экономике и политике, постепенно вытесняясь в область периферии.

В-третьих, проблема заключается в том, как «принудить» правящий класс, олицетворяющий собой государство и сосредоточивший в своих руках монополию на власть и общенациональные ресурсы, к выполнению взятых конституционных обязательств, в т.ч. к практической реализации статьи 7 Конституции РФ. Боюсь, что простыми уговорами и гуманистическими призывами тут делу не поможешь. Здесь нужна новая политическая платформа, вокруг которой могли бы объединиться сторонники социал-демократической идеологии. Я убежден, что реализовать конституционный принцип социального государства может лишь коалиция левых сил во главе с социал-демократами. Но пока они не конституировались в политическую партию и не получили право на законодательную инициативу, шансов на продвижение идеи социального государства остается немного. Но этот момент находится в сфере компетенции проектного моделирования.

В чем же заключается экзистенциальная критика эволюции социального государства в России? У меня нет возможности в рамках данной статьи привести полную аргументацию. Могу лишь отметить, что Хабермас и другие социальные теоретики настаивали на том, что в экзистенциальной критике, осуществляемой с идейных позиций представителей жизненного мира, необходимо учитывать тот факт, что последний сосуществует с миром систем в разных ценностных координатах. Социальное государство находится на линии ценностного конфликта этих миров. Поэтому оно должно учитывать в своей деятельности как ценности-средства (или инструментальные ценности), в т.ч. установками прагматизма и утилитаризма, которые характерны для мира формальных систем (экономика, политика, право), но всё же отдавать предпочтение ценностям-смыслам жизненного мира (смысложизненные и эгалитаристские ценности). В этом состоит его социальная миссия – защищать интересы жизненного мира в мире больших систем.

Таким образом, исследовательская перспектива критического подхода состоит в обнаружении системных пороков в сложившейся модели российского государства (как доступного нам несовершенного настоящего), несовместимой с более продвинутой моделью социального государства (несовершенного будущего), которое является в свою очередь предпосылкой наступления совершенного будущего, обладающего всей полнотой бытия. То, что для развитых стран является несовершенным настоящим, для нас выступает несовершенным будущим. Мы знаем, что оно несовершенно, но стремимся к нему, чтобы накопить силы и достичь полноты бытия в уже совершенном будущем.

Другими словами, это – критика от противного, которая содержит в себе два вектора – антисистемный и экзистенциальный (смысложизненный). При этом объектом критического анализа здесь выступает не столько опыт других стран в развитии социального государства, сколько наш собственный опыт, который рефлексирован и критикуется с точки зрения его собственной логики развития и интенций жизненного мира.

Социальное государство в России: проектная критическая версия. То, что является аналитической («негативной») критикой для более развитых стран, переживающих сегодня острый кризис социального государства, выступает для нас позитивной или конструктивной критикой. Последняя исходит из признания альтернатив развития, имевшихся у стран, ставших на путь модернизации. Такая критическая модель ориентирована на реализуемое в среднесрочной перспективе (пусть даже в несовершенном виде), а значит, относительно недалекое (осязаемое) будущее. Вместе с тем критика конкретного будущего ведется нами с позиций видения несовершенного будущего, поскольку так называемое защищающее государство является в свою очередь слабой копией или отдаленным подобием более развитого социального государства, сосредоточенного на решении проблем личностного благоденствия и остающегося пока еще несовершенным будущим для самых развитых стран мира. Но у последних уже есть совершенное настоящее, т.е. сформирована в полной мере модель государства с развитой системой социальной защиты.

Один из ключевых вопросов, который необходимо сформулировать в этой связи, состоит в следующем: «А был ли у России исторический шанс пойти по другому пути и построить своё социальное государство?» Ю. Хабермас считает, что такая перспектива была «в случае успеха проекта Горбачева» (Хабермас, 1995: 92-93). Но такой проект социализма в отличие от

социализма, реально сложившегося в России, должен был «... обеспечить общественное богатство и привнести политические свободы социально-государственных массовых демократий в радикальный плюрализм и автономные практические действия общества, заслуживающего называться фундаментально-демократическим» (Хабермас, 1995: 93). А это и называют обществом демократического социализма, которому соответствует, в частности, модель государства социал-демократического типа. Следовательно, будущее для России, в т.ч. развитое социальное государство, представлялось Хабермасом как настоящее (будущее, явленное или ставшее действительностью) стран Западной Европы и в первую очередь – Германии. И это будущее мы упустили, так и не доведя до успешного завершения процесс перестройки.

Одну из главных причин неудачи в реализации проекта перестройки Хабермас видит в том, что её инициаторам не удалось провести полномасштабную реформу политической системы и искоренить бюрократическое господство номенклатуры. К сожалению, гласность не переросла в прозрачность и открытость, в плюрализм общественного мнения и широкое участие граждан в принятии решений. Как стало известно позже, власть номенклатуры не утратила своё значение и в наши дни. В 1990-е и 2000-е годы она полностью восстановила свои позиции. В результате победили именно её частные интересы. К тому же ей удалось блокировать инициативу снизу и нейтрализовать политическую энергию масс. Перестройка захлебнулась, так и не достигнув качественного изменения общественной жизни. Всё это в полной мере можно отнести и к конституционному проекту социального государства. Он так и остался на практике декоративным принципом (настоящим, которое воображает себя совершенным, декларируя это в Конституции, но не является таковым по сути).

А это значит, что в реальности произошел откат к более примитивному состоянию общества и государства (по принципу «один шаг вперед, два шага назад»). В этих условиях уже нельзя было рассчитывать на реализацию второй, защищающей модели социального государства. Пришлось начинать с нуля. Критическая модель социального государства, предлагаемая Хабермасом, оказалась для нас моделью несовершенного будущего, ставшего для многих развитых стран мира свершившимся, хотя и не всегда совершенным настоящим. Некоторые из них уже переходят к следующей модели (государству личностного благоденствия), являющейся для них пока еще несовершенным будущим, а для нас – практически недостижимым, т.е. нереализуемой утопией.

И всё же Россия окончательно не свернула с пути становления социального государства. И у неё всё еще остаётся шанс перейти на следующий уровень государственного строительства и построить *государство с развитой системой социальной защиты*. Минималистское социальное государство (со всеми его ценностями утилитаризма и прагматизма), которое западным странам уже удалось преодолеть (как несовершенное, но уже пройденное прошлое), оказалось пределом наших возможностей (как несовершенное, еще не раскрывшее свой потенциал настоящее).

Для критиков же самой критической теории я оставляю открытым следующий риторический вопрос: можно ли из несовершенного прошлого и настоящего прийти в совершенное будущее? Для себе отвечу кратко: можно, но нужен качественный рывок, предполагающий ускоренное совершенствование самого настоящего, насыщение его практическими смыслами и действиями. Ведь совершенное настоящее уже само по себе характеризует переход к пока еще несовершенному, но вполне реализуемому в среднесрочной перспективе будущему (защищающей модели государства).

Поэтому именно защищающее государство (как модель несовершенного, но вполне реализуемого будущего для нашей страны) должно стать, с моей точки зрения, предметом критического моделирования и проектирования российских ученых, выступающих в тесном союзе с политиками-практиками. Их общая цель – запустить механизм реализации конституционного принципа социального государства и вывести его на новый уровень развития, учитывая всемирный опыт государственного строительства.

Для начала реализации данной модели, т.е. пока еще труднодостижимого для нас и всё еще несовершенного (с точки зрения конечной цели – свободного развития человека) будущего, необходимо, на мой взгляд, выйти из своего несовершенного настоящего, завершив процесс его совершенствования и преодолев вместе с тем инерцию скатывания в несовершенное прошлое или настоящее западных стран. А это значит, что придётся

совершить рывок, т.е. сделать практически невозможное в данных условиях, а именно то, что я хочу предложить, рискуя навлечь на себя гнев строгих аналитиков – прорыв в сферу трансцендентного (как сосредоточия «высших» смыслов, ориентирующих бытие человека на гармонизацию его отношений с миром и другими людьми) и, как следствие, *установление гармоничного социального мира* – совершенного состояния общества и его высшего блага, минуя стадии классовых и ценностных конфликтов капитализма с его неизбежными пороками (овеществление, неравенство, накопительство, потребительство, утилитаризм и пр.). Их надо вынести за скобки вместе с породившей их системой ценностей. Прорываться надо не к очередному «светлому будущему», а к своим культурным кодам и духовным корням, от которых мы отошли много десятилетий назад, разменяв их на сомнительный (в ценностном отношении) мир и мнимое материальное благополучие. Только так на смену государству классового конфликта или компромисса придёт государство устойчивого и гармоничного социального мира. А это и есть праксеология эмансипации человека или практика реализации невозможного (утопии, реализация которой отложена на долгосрочную перспективу).

Чтобы не быть голословным, приведу конкретные предложения по проекту социального государства для России. На мой взгляд, необходимо:

- разработать и принять Социальный кодекс РФ, который конкретизирует положения статьи 7 Конституции и возложит четкую ответственность за соблюдение социальных прав граждан на определенных субъектов государственной и муниципальной власти (разумеется, в связи с этим потребуются внести изменения в другие законодательные акты – Трудовой кодекс, Гражданский кодекс, Семейный кодекс и пр.);

- разработать комплексную программу социальной защиты населения и внести изменения в Стратегию (прогноз) социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., выделив отдельным разделом вопросы укрепления социального государства;

- приравнять социальную защиту населения к вопросам национальной безопасности страны и внести соответствующие изменения в Стратегию национальной безопасности РФ, в т.ч. ввести и обосновать понятие социальной безопасности страны;

- исключить из всех официальных документов государства термин «человеческий капитал» и другие термины, унижающие достоинство человека и несоответствующие конституционным нормам о его свободном развитии (человек – не капитал, не рабочая сила, не наемный работник, а основная цель развития общества);

- учредить Фонд социального развития страны (далее – ФСР), куда должны поступать часть налогов на собственность и доходы от нее, средства, вырученные от конфискации имущества осужденных за факты коррупции и злоупотребления служебным положением, и пр.*;

- расширить полномочия ФСР и передать ему полностью функции Пенсионного фонда РФ, а также значительную часть полномочий Министерства труда и социальной защиты, относящихся к вопросам социальной поддержки населения (средства, поступающие на финансирование социальной поддержки граждан, необходимо сосредоточить в одном месте);

- ввести прогрессивную форму налогообложения и установить предельный уровень доходов от собственности или ренты владельцев и руководителей крупных компаний (топ-менеджмента), иных лиц, присваивающих себе львиную долю доходов (все остальные средства перечислять в ФСР страны);

- ввести ограничения на доходы руководителей государственных корпораций путем внесения соответствующих изменений в трудовое, антимонопольное и прочее законодательство РФ;

- существенно увеличить пенсии, пособия и другие формы поддержки населения, в первую очередь за счет средств ФСР страны;

- исключить необоснованный разрыв в зарплате руководителей и рядовых сотрудников бюджетных учреждений или организаций, в т.ч. восстановить Единую тарифную сетку по

* Уверен, что Фонд социального развития РФ может стать опорным кирпичом нового социального государства, которое из минималистского, обеспечивающего прожиточный минимум нуждающимся гражданам, трансформируется в действительно защищающее их социальные права.

оплате труда работников бюджетной сферы и установить твердую тарифную ставку для всех категорий работников (при этом первый разряд должен превышать не менее, чем в 3 раза официальный принятый прожиточный минимум, а не равняться ему; разрыв же между 18 и 1 разрядами должен составлять не более чем в 4,5 раза, как это было до 2010 г.)^{*}.

Конечно, мои предложения носят во многом умозрительный характер и требуют экспертной оценки специалистов. Очевидно, что здесь нужны более точные расчеты и обоснования, базирующиеся на единой системе социальных показателей. При этом я далек от мысли, чтобы устанавливать «среднюю температуру» по стране. Очевидно, что различия в доходах и оплате труда при нынешнем уровне социально-экономического развития страны еще долго будут сохраняться. Но еще важнее провести метафизическую революцию, затрагивающую фундаментальные основы человеческого бытия. Нужно быть готовыми к такой революционной практике, которая способна ненасильственным путем содействовать делу эмансипации человеческого бытия.

Однако первый шаг к государству с развитой системой социальной защиты (как к еще несовершенному будущему, у которого есть совершенное продолжение – государство личностного благоденствия) заключается в том, чтобы существенно сократить социально-экономические различия и добиться справедливого перераспределения доходов между самыми богатыми и самыми бедными группами населения. Только так можно прийти к классовому компромиссу в обществе и тем самым снизить накал социального напряжения, что послужит в свою очередь важной предпосылкой формирования общества национального согласия и гармонизации социального мира.

Заключение

Итак, наше будущее столь же несовершенно, как и настоящее. Но совершенствуя настоящее, мы делаем будущее предсказуемым и достижимым. Поэтому нужно не прекращать поиски новых путей общественного развития. И не важно, как это будет называться («третий путь», другой модерн, цивилизм и пр.). Главное – время от времени критически пересматривать фундаментальные основания нашего бытия и осуществлять более конструктивную политику, соответствующую современным вызовам и критериям эмансипации.

Свобода человека – это тот дефицит, который не будет преодолен до конца никогда, а не только в обозримой перспективе. Это – абсолютное и принципиальное недостижимое совершенство (идеальная утопия, являющаяся прародительницей всех других социальных утопий). С этой точки зрения не бывает много или достаточно свободы. Каждое общество предоставляет человеку столько условий для свободного развития, сколько оно может себе это позволить. Но и человек несовершенен, попадая каждый раз в новые сети социума и поддаваясь воздействию его системных институтов или участвуя в игре анонимных социальных сил. Очарование образом жизни новой буржуазии с её утилитарными ценностями и потребительскими стандартами столь же обманчиво, как и увлечение большими проектами светлого будущего.

В заключение хочу выразить надежду на то, что у нового типа социального государства найдутся свои сторонники (столь же несовершенные, как и сама модель воображаемого ими

^{*} Так, например, до начала 2000-х гг. профессор российского вуза, имеющий ученую степень доктора наук и ученое звание профессора, имел 17 разряд, а ректор этого вуза – 18 разряд. Конечно, у ректора были специальные надбавки и премии вышестоящих ведомств, но в целом разрыв между ними не превышал трехкратный размер. С отменой ЕТС руководители вузов стали получать зарплату в десятки, а то и сотни раз больше, чем обычные преподаватели. Можно ли выжить профессору и его семье на зарплату в 40-50 тыс. рублей в месяц (а в отдельных регионах значительно меньше), сохраняя достойное его статусу качество жизни, – вопрос не только риторический, но и злободневный. При этом ректора отдельных государственных вузов получают сегодня миллионы рублей, о чем нередко можно встретить информацию в СМИ (см., например: <http://zarplatyinfo.ru/na-gossluzhbe/rektory-vuzov-zarplata-v-2015-2016-godu.html>). И этот факт можно объяснить только одним обстоятельством – стремлением правящего класса возродить и укрепить номенклатуру из числа руководителей корпораций и бюджетных учреждений, которая будет служить ему верой и правдой ради существенной прибавки к зарплате и получения других привилегий (специальное медицинское обслуживание, льготы и пр.).

будущего), способные осуществить широкомасштабные изменения, перестроить политическую и экономическую системы российского общества на принципах справедливости, солидарности и гуманизма, а тем самым подготовить почву для взращивания более совершенного будущего как вполне реализуемой гуманистической утопии. Им нужна не только гражданская решимость, но и готовность к революционной практике. Речь идет, конечно, о революции в сфере духа. И пусть мои читатели не ассоциируют наступление такого будущего с его рассветом на Западе. Последний при всех своих преимуществах и прогрессивных достижениях уже обнаружил контуры своего заката. Хочется верить, что будущее придёт к нам не оттуда и немного раньше, чем там. Ведь Солнце всходит, как известно, на востоке. И всё еще может быть.

Литература

- Гоулднер, 2003 – *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии: Пер. с нем. СПб.: Наука, 2003.
- Гранин, 2006 – *Гранин Ю.Д.* Глобализация и национализм // *Философские науки.* 2006. №7. С. 5-23.
- Гранин, 1994 – *Гранин Ю.Д.* Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль.* 1994. №2-3. С.32-39.
- Красовский, 2012 – *Красовский Ю.Д.* Организационное поведение. М.: Юнити-Дана, 2012.
- Миллс, 1998 – *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общ. ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд. Дом «Стратегия», 1998.
- Нерсесянц, 2000 – *Нерсесянц В.С.* Манифест о цивилизме (Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости). М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm>; дата обращения – 30.01.2019)
- Фурс, 2002 – *Фурс В.Н.* Контурсы современной критической теории. Мн.: ЕГУ, 2002.
- Хабермас, 1995 – *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМИ», 1995.
- Хайек, 1992 – *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992.
- Хоркхаймер, 2011 – *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011.

References

- Furs, 2002 – *Furs V.N.* (2002). Kontury sovremennoj kriticheskoj teorii [The contours of modern critical theory]. Mn.: EGU. [in Russian]
- Gouldner, 2003 – *Gouldner A.U.* (2003). Nastupayushchij krizis zapadnoj sotsiologii: Per. s nem. [The coming crisis of Western sociology: Trans. from german]. SPb.: Nauka. [in Russian]
- Granin, 1994 – *Granin Y.D.* (1994) Vlast' i ehkologicheskoe soznanie. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. pp. 32-39. [in Russian]
- Granin, 2006 – *Granin Yu.D.* (2006). Globalizaciya i nacionalizm. *Filosofskie nauki.* №7. pp. 5-23. [in Russian]
- Khabermas, 1995 – *Khabermas Yu.* (1995). Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lektzii i interv'yu [Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews]. M.: AO «KAMI». [in Russian]
- Khajek, 1992 – *Khajek F.* (1992). Pagubnaya samonadeyannost' [Pernicious arrogance]. M.: Izd-vo «Novosti» pri uchastii izd-va «Catallaxy». [in Russian]
- Khorkkhajmer, 2011 – *Khorkkhajmer M.* (2011). Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma [Mind eclipse. Criticizing the instrumental mind]. M.: Kanon+. [in Russian]
- Krasovskij, 2012 – *Krasovskij Yu.D.* (2012). Organizatsionnoe povedenie [Organizational behavior]. M.: Yuniti-Dana. [in Russian]
- Mills, 1998 – *Mills Ch.R.* (1998). Sotsiologicheskoe voobrazhenie [Sociological imagination]. Per. s angl. O.A. Oberemko. Pod obshch. red. G.S. Batygina. M.: Izd. Dom «Strategiya», 261 p. [in Russian]

[Nersesyants, 2000](#) – *Nersesyants V.S.* (2000). Manifest o tsivilizme (Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti) [The manifesto on civilism (The national idea of Russia in the world historical progress of equality, freedom and justice)]. M. [Electronic resource]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm> (data obrashcheniya: 30.01.2019) [in Russian]

Социальное государство: от несовершенного настоящего к совершенному будущему (опыт критической рефлексии)

Юрий Михайлович Резник ^{a, *}

^a Институт философии РАН, Российская Федерация

Аннотация. Социальное государство появляется в условиях капитализма с целью сглаживания классовых противоречий и поддержки неимущих слоев населения. Цель исследования – обоснование познавательных и проектных возможностей рефлексивно-критического подхода к пониманию данного государства как идеала и реальности. Автор доказывает, что социальным является не только то государство, которое защищает интересы людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, но и то, которое стремится поддерживать равновесие между разными группами, действуя в направлении достижения национального согласия и создавая соразмерные условия для свободного развития каждого человека независимо от его социальной принадлежности.

В статье дается обоснование критической теории как инструмента анализа социального государства. Она представлена автором как форма теоретической саморефлексии, разновидность революционной практики, деятельность по исследованию проблем (аналитическое моделирование) и проектированию. Последние две формы связаны с построением разных «критических моделей» социального государства, различающихся между собой ориентацией на прошлое/настоящее или будущее. В зависимости же от характера решаемых проблем автором выделяются три основных типа социальной государственности: минималистское государство, государство с развитой системой социальной защиты (или государство всеобщего благоденствия), государство личностного благоденствия. Каждому из них соответствует своя критическая модель, ориентированная либо на прошлое/настоящее, либо на будущее. При этом указанные временные координаты дополняются категориями совершенного и несовершенного, выражающими разную (соответственно – высокую и низкую) степень эмансипированности человека.

Критика реально функционирующего социального государства со стороны ведущих социальных теоретиков представлена автором в двух аналитических версиях: антисистемная критика А.У. Гоулднера, вскрывающая системные противоречия капитализма, его социальные пороки, и экзистенциальная критика Ю. Хабермаса, осуществляемая с позиций жизненного мира, смысложизненных интересов и ориентиров.

Далее автор, опираясь на критический анализ социального государства А. Гоулднера и Ю. Хабермаса, предлагает два варианта его критического моделирования в условиях российской действительности: критический анализ несовершенного настоящего (минималистское государство, сложившееся в современной России и обладающее рядом системных ограничений – ориентация преимущественно на прожиточный минимум и т.д.), и критическую модель несовершенного будущего (защищающее государство). В первом случае автор использует опыт антисистемной и экзистенциальной критики, а во втором – свое видение государства с развитой системой социальной защиты как проекта несовершенного будущего, на смену которому неизбежно придет более совершенное будущее (государство личностного благоденствия).

Однако на пути дальнейшего развития социального государства в России стоят «старые» болезни (бюрократический произвол, игнорирование конституционных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: reznik-um@mail.ru (Ю.М. Резник)

принципов и норм, несоблюдение и сворачивание социальных прав большинства граждан, рост социально-экономического неравенства, ценностный конфликт между основными группами и пр.). Российский проект социального государства опирается на критическую модель несовершенного будущего (защищающее государство), которое стало несовершенным настоящим и даже прошлым для многих развитых стран мира. В заключении автор предлагает конкретный перечень шагов, которые призваны ускорить переход к новой модели социальной государственности посредством прорыва в сферу трансцендентного («высшие» смыслы бытия) и установления гармоничного социального мира, приходящего на смену классовым компромиссам и играм анонимных социальных сил.

Ключевые слова: капитализм, социальное государство, типы социальной государственности, критическая теория, критическая модель, социальная проблема, аналитическое моделирование, проектное моделирование, экзистенциальная критика, антисистемная критика, системный мир, жизненный мир, практики, коммуникации, временные координаты (прошлое, настоящее и будущее), категории совершенного и несовершенного, эмансипация человека.